

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

SIBERIAN JOURNAL OF PSYCHOLOGY

№ 64

**Зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № 77-12789 от 31 мая 2002 г.)**

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» И54242

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

Томск
2017

Учредитель – Томский государственный университет

«Сибирский психологический журнал» является научно-практическим изданием, публикует оригинальные статьи по различным отраслям психологии. «Сибирский психологический журнал» публикует результаты завершённых оригинальных исследований в различных областях современной психологии, ранее нигде не публиковавшиеся и не представленные к публикации в другом издании. Решение о публикации принимается научной редакцией после рецензирования, учитывая соответствие тематике журнала, актуальность проблемы, научную и практическую новизну и значимость, профессионализм выполнения работы, качество подготовки и оформления материала. Официальные языки журнала: русский и английский. Средний срок рассмотрения рукописи 3–6 месяцев.

«Сибирский психологический журнал» выходит ежеквартально. Публикации осуществляются на некоммерческой основе. Все опубликованные материалы находятся в свободном доступе.

Журнал индексируется eLIBRARY.RU

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/psychology>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Залевский Г.В. – главный редактор (Томский государственный университет, Томск). E-mail: Usya9@sibmail.com

Лукьянов О.В. – заместитель главного редактора (Томский государственный университет, Томск). E-mail: lukyanov7@gmail.com

Алексеевская Е.О. – ответственный секретарь редакции журнала (Томский государственный университет, Томск). E-mail: sibjornpsy@gmail.com

Богомаз С.А. (Томский государственный университет, Томск); **Бохан Т.Г.** (Томский государственный университет, Томск); **Галажинский Э.В.** (Томский государственный университет, Томск); **Кабрин В.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Карнышев А.Д.** (Иркутский государственный университет, Иркутск); **Козлова Н.В.** (Томский государственный университет, Томск); **Красноярцева О.М.** (Томский государственный университет, Томск); **Левицкая Т.Е.** (Томский государственный университет, Томск); **Мещерякова Э.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Муравьева О.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Серый А.В.** (Кемеровский государственный университет, Кемерово)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Асмолов А.Г. (МГУ имени М.В. Ломоносова, федеральное государственное автономное учреждение «Федеральный институт развития образования», Москва, Россия); **Бохан Н.А.** (НИИ психического здоровья, Томск, Россия); **Вассерман Л.И.** (Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт имени В.М. Бехтерева, Санкт-Петербург, Россия); **Гарбер И.Е.** (Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия); **Зинченко Ю.П.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Знаков В.В.** (Институт психологии РАН, Москва, Россия); **Ковас Ю.** (Голдсмитс, Университет Лондона, Лондон, Великобритания); **Лаги Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Ломбардо К.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Лучиди Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Малых С.Б.** (Психологический институт РАО, Москва, Россия); **Такушян Г.** (Фордхемский университет, Нью-Йорк, США); **Тхостов А.Ш.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Ушаков Д.В.** (Институт психологии РАН, Москва, Россия)

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета

Редактор К.Г. Шилько; корректор Е.Г. Шумская; редакторы-переводчики: А.А. Стайпек, Е.О. Алексеевская, В.Н. Горенинцева; оригинал-макет А.И. Лелоюр; дизайн обложки Л.Д. Кривцова.

Подписано в печать 20.06.2017 г. Формат 70х108¹/₁₆. Усл.-печ. л. 13,8. Тираж 50 экз. Заказ № 2606. Цена свободная.

Дата выхода в свет 4.07.2017 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательского Дома Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия

Тел.: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

ABOUT SIBERIAN JOURNAL OF PSYCHOLOGY

Founder – Tomsk State University

The scientific journal “Siberian journal of psychology” publishes the results of the completed original researches (theoretical and experimental manuscripts) in different areas of contemporary psychology which have not been published before in this or any other edition. Besides, it includes descriptions of conceptually new methods of research, round-up articles on particular topics and overviews.

The Editorial Board of the “Siberian journal of psychology” commits to the internationally accepted principles of publication ethics expressed.

International standard serial edition number: ISSN 1726-7080 (Print), ISSN 2411-0809 (Online)

Language: Russian, English

Publications are on non-commercial basis (FREE).

Open access

Term of publication: 3–6 months

Contact the Journal

Tomsk State University, 36 Lenina St., Tomsk, 634050, Russian Federation

<http://journals.tsu.ru/psychology/en/>

EDITORIAL COUNCIL

Editor-in-chief – Genrikh V. Zalevsky, Doctor of Psychology, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Science, honored scientist of Russian Federation, member of the World Federation of Mental Health. E-mail: Usya9@sibmail.com

Deputy Editor-in-Chief – Oleg V. Lukyanov, Doctor of Psychology (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation). E-mail: lukyanov7@gmail.com

Executive secretary – Ekaterina O. Alekseevskaya (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation). E-mail: sibjornpsy@gmail.com

Bogomaz S.A. (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Bokhan T.G.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Galazhinsky E.V.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Kabrin V.I.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Karnyshev A.D.** (Irkutsk State University, Irkutsk Russian Federation); **Kozlova N.V.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Krasnorjadtseva O.M.** (Tomsk, Russia); **Levitskaia T.E.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Meshcheriakova E.I.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Muravyova O.I.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Seryi A.V.** (Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD [Russian Alphabet vise]

Asmolov A.G. (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation); **Bokhan N.A.** (Mental Health Research Institute, Tomsk, Russian Federation); **Vasserman L.I.** (St. Petersburg Research Institute of neuropsychiatric named Bekhterev, St. Petersburg, Russian Federation); **Garber I.E.** (Saratov NG Chernyshevskii State University, Saratov, Russian Federation); **Zinchenko Iu.P.** (Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); **Znakov V.V.** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation); **Kovas Yu.** (Goldsmiths, University of London, London, UK); **Laghi F.** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **Lombardo C.** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **Lucidi F.** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **Malykh S.B.** (Psychological Institute Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation); **Takooshian H.** (Fordham University, New York, USA); **Tkhostov A.Sh.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation); **Ushakov D.V.** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

PUBLISHER:

Tomsk State University Publishing House (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation)

Editor K.G. Shilko; proofreader E.G. Shumskaja; editor-translators: A.A. Stipek, E.O. Alekseevskaya; V. Gorenintseva; camera-ready copy A.I. Leloyur; cover design L.D. Krivtsova.

Passed for printing 20.06.2017. Format 70x108^{1/16}. Conventional printed sheets 13,8. Circulation - 50 copies. Order N 2606.

634050, 36 Lenina St., Tomsk, Russian Federation. Tel. +7 (382-2)-53-15-28. <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Глазунов Ю.Т., Сидоров К.Р. Целеполагание, целедостижение и волевая регуляция	6
Карась Д.В. Теоретико-методологические подходы к пониманию интернальности как психологического феномена	24
Мещерякова Э.И., Горчакова О.Ю., Ларионова А.В., Козлова Н.В., Гриднева А.А. Особенности саморегуляции руководящего состава сотрудников пенитенциарной службы	49
Linkov Václav, Zámečník Petr, Zaoral Aleš. The Use of Driving Simulators in Psychological Research	65
Егоров Д.М. Влияние установки на избирательность восприятия лживого текста	76
Митрофанова Е.Н. Активность индивидуальности, психологическое благополучие и удовлетворенность жизнью студентов	94

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

Нестерова И.Н., Прудникова О.Г., Баранская Л.Т., Губин А.В. Психоэмоциональный статус и копинг-стратегии у пациентов с отдаленными последствиями травматической болезни спинного мозга	106
Счастный Е.Д., Бохан Т.Г., Бохан Н.А., Заикина М.Д., Терехина О.В. Стратегии поведения в ситуации болезни и средства, способствующие улучшению состояния у лиц с психическими расстройствами с коморбидным синдромом депрессии	120
Языков К.И., Абушаева М.Э. Генетико-семиотические аспекты описания психопатологических состояний	134

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Гриненко Д.Н., Морозова И.С. Становление саморегуляции и когнитивно-стилевой организации личности в условиях психолого-образовательного сопровождения	149
--	-----

CONTENTS

GENERAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF THE PERSON

Glazunov Yu.T., Sidorov K.R. Goal-setting, goal achievement and volitional regulation	6
Karas' D.V. Theoretical and methodological approaches to the understanding of internality as a psychological phenomenon	24
Meshcheryakova E.I., Gorchakova O. Yu., Larionova A.V., Kozlova N.V., Gridneva A.A. Specific features of self-regulation among managers in the penitentiary service	49
Linkov Václav, Zámečník Petr, Zaoral Aleš. The Use of Driving Simulators in Psychological Research	65
Egorov D.M. The influence of mindset on selective perception of an untrue text	76
Mitrofanova E.N. Activity of individuality, well-being and life satisfaction of students	94

CLINICAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF HEALTH

Nesterova Ir.N., Prudnikova O.G., Baranskaya L.T., Gubin Al.V. Psycho-emotional status and coping strategies in patients with long-term consequences of traumatic disease of spinal cord	106
Schastnyy Ev.D., Bokhan T.G., Bokhan N.A., Zaikina M.D., Terekhina O.V. The behavior strategies in situations of disorder and measures contributing health conditions of patients with mental illnesses combined with comorbid depression syndrome	120
Yazykov K.G., Abushaeva M.E. Genetic-semiotic aspects of descriptions of psychopathological states	134

PSYCHOLOGY OF EDUCATION

Grinenko D.N. Morozova I.S. Formation of self-regulation and organization of cognitive style in terms of psychological and educational support	149
---	-----

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9 (045)

DOI: 10.17223/17267080/64/1

Ю.Т. Глазунов¹, К.Р. Сидоров²

¹ Гданьский политехнический университет (Гданьск, Польша)

² Удмуртский государственный университет (Ижевск, Россия)

Целеполагание, целедостижение и волевая регуляция

Рассматриваются особенности выдвигаемых человеком целей. Анализируется разнообразие способов их достижения и связанный с этим объём волевой регуляции. Рассмотрено отношение понятий «содержание цели» и «степень достижения цели». Согласно основанию «способ достижения» выделены четыре класса целей: регулярно воспроизводимые, аналоговые, цели развития и высокие цели. Определены три варианта аналоговых целей. Показано, что результат их достижения может отклоняться от целевого образа. Причины этого – замена необходимых для достижения цели недостающих ресурсов иными, отсутствие необходимых умений у индивида, а также появление нетипичных препятствий на пути достижения цели. Проанализировано, при каких условиях такую цель можно считать достигнутой. Введено понятие волевого ресурса. Показан характер его использования в достижении целей различных видов.

Ключевые слова: целеполагание; целедостижение; волевая регуляция; волевой ресурс; содержание цели; степень достижения цели; классы целей.

Введение

Изучая характер и особенности волевой регуляции человека, невозможно обойти вниманием категории целеполагания и целедостижения. Эти три понятия настолько взаимосвязаны, что пропади одно из них, исчезли бы и два оставшихся. Будучи существом свободным, человек обречен на формулирование и достижение целей. Одновременно он обречен и на постоянную борьбу с возникающими при этом препятствиями. Преодолению препятствий служит волевая регуляция деятельности, а характер и объём волевой регуляции во многом определяются природой выдвигаемых человеком целей.

Действительно, достижение целей оригинального характера требует использования громадного количества волевого ресурса, но достижение целей, выступающих в составе потребностно-целевого комплекса, предполагает минимальные волевые затраты. В этих границах находятся цели

промежуточного (с точки зрения использования волевого ресурса) значения. Знание особенностей цели, определяющих количество волевого ресурса, необходимого для её достижения, позволяет эффективнее строить программы реализации целей, даёт возможность подбирать адекватных сложности задания исполнителей, формировать у них соответствующие целевые установки. Изучение целей одновременно помогает раскрывать и сущность систем. Человеческая психика – это система. Знание характера выдвигаемых человеком целей способствует также лучшему её пониманию.

Выявление специфики выдвигаемых человеком целей, разнообразия способов их достижения и связанного с этим объёма волевой регуляции является основной задачей настоящей работы.

1. Природа и эволюция категории «цель»

Интерес к проблеме цели возник уже в античные времена. В сочинении «О цели» Демокрит определяет цель как благое состояние духа, которое он также называет благосостоянием [1. С. 372]. Аристотель считал, что для всякого действия и сознательного выбора благо – это цель, потому что именно ради нее и делается всё остальное [2].

Более поздние философские размышления о цели представлены у Г.В.Ф. Гегеля [3]. Согласно философу, цель есть нечто *для-себя-сущее*, которое получило свободное существование за счёт отрицания непосредственной объективности.

Природа целенаправленного действия человека долгое время оставалась предметом исключительно философского анализа. И вся история философских учений о природе сознательного действия пронизана борьбой механицизма и идеализма, фатализма и волюнтаризма [4].

Отношение к цели, как и её понимание, в психологии долгое время оставались неоднозначными. В бихевиоризме, например, понятие цели как детерминанты поведения из рассмотрения долгое время исключалось [5]. Бихевиорист Б. Скиннер рассматривал поведение в терминах «стимул», «реакция», «подкрепление» [4. С. 114]. Можно согласиться, что при таком представлении поведение теряет свою целенаправленность. Основы необихевиоризма, заложенные Э. Толменом в книге «Целевое поведение животных и человека» (1932), изменили отношение к цели. Он показал, что поведение – это целостный акт, характеризуемый направленностью на цель, пластичностью и селективностью [6].

В современной психологии благодаря учениям об интенциональных актах, апперцепции, детерминирующих тенденциях, антиципирующих схемах, идеомоторных актах, «персонах», уровне притязаний появился ценный материал, относящийся к проблеме целеобразования [4]. Школой К. Левина, например, накоплены сведения, касающиеся не только уровня притязаний, но целеобразования вообще [7]. Анализ целеобразования всё активнее входит в число основных областей исследования когнитивной

психологии, так как цель – особая форма психического отражения и познания действительности [8].

Полное единство взглядов, однако, не достигнуто здесь и до настоящего времени. В современной психологии цель понимают как осознанный образ будущих результатов [4, 9], как специализированные планы, в которых преследуется определенный исход [10], как представление о желаемом будущем состоянии [5], как главный критерий должного [11], как закодированное в мозгу отображение или модель потребного будущего [12] или как опережающее отражение [13] и т.д.

Заметим, что теория П.К. Анохина (1978) наиболее точно объясняет место и значение цели в человеческой деятельности. Ю.И. Александров и В.Н. Дружинин (1998) отметили, что заслуга П.К. Анохина состоит не в том, что он использовал понятие цели в анализе поведения (целенаправленность поведения была очевидна уже для Аристотеля), а в том, что, введя представление об акцепторе результатов действия, он устранил противоречие между каузальным и телеологическим описанием поведения [14].

Согласно Д.А. Леонтьеву цель выступает связующим звеном в структуре человеческой активности. Она соединяет как процессы самоопределения (выбор цели или отказ от неё, где цель выступает как зависимая переменная), так и процессы достижения («волевая» фаза, где цель выступает как переменная независимая) [11].

Особое значение имеет изучение механизмов целенаправленного поведения. В современной науке имеются различные подходы к их объяснению. Их можно разделить на три группы.

К первой группе следует отнести *кибернетические теории* [15, 16]. Вторая группа – *физиологические теории*, в которых накоплен богатый экспериментальный материал, позволяющий глубже осмыслить и понять нейрофизиологические основания цели и целенаправленного поведения. Здесь следует отметить работу «Рефлекс цели» И.П. Павлова, изданную еще в 1916 г. [17], теорию функциональных систем П.К. Анохина [13], физиологию активности Н.А. Бернштейна [12]. Третья группа – *психологические модели и теории*. Это ТОТЕ таких авторов, как Дж. Миллер, Е. Галантер, К. Прибрам [5, 18], STOTE [18], модель «Рубикона» Х. Хекхаузена и Ю. Куля [19] и др.

Наряду с раскрытием самого понятия «цель» в психологии рассматриваются виды целей. В отечественной психологии изучением видов целей занимался О.К. Тихомиров (2002). Он вводит различные основания для классификации целей и делит их на *идеальные* и *реальные*. Автор отмечает их иерархичность. Он замечает, что при изменении реальных целей идеальные могут оставаться относительно постоянными, и указывает на степень определенности, позволяющую классифицировать цели. Потребности также могут быть использованы как основание классификации (*гностические, коммуникативные* и другие цели). Цели можно выделять и по критерию осознанности. Так, возникает осознание отношения целей к объективной реальности (*возможные* и *невозможные* цели), осознание отношения

целей к потребностям (*приемлемые и неприемлемые цели*), осознание отношения к способностям (*легкие и трудные цели*). Автор выделяет *стандартные и нестандартные цели* [4].

Значительный вклад в изучение данной проблемы внёс Дитрих Дернер (2008). Он различает *положительные и отрицательные цели*. Положительные цели выражают стремление к желаемому состоянию (*цели стремления*), отрицательные – избегание чего-либо нежелательного (*цели избегания*). Автор вводит также разделение целей на *глобальные (общие) и специфические*. Глобальная цель определена малым числом критериев (иногда лишь одним). Специфическая цель задана по отношению ко многим критериям и может быть описана очень точно. Д. Дернер различает *имплицитные цели* (человек даже и не знает, что к ним стремится) и противоположные им – *цели эксплицитные*. Далее он дифференцирует цели на *простые или множественные, ясные и неясные* и даёт достаточно подробный их анализ [20].

Обзор работ можно продолжать. Однако следует заметить, что исследование целей не подтолкнуло, к сожалению, ученых к выяснению связи разнообразия целей с объемом волевой регуляции, необходимой для их достижения. Публикацией данной работы авторы хотели бы привлечь внимание научной общественности к данной проблеме. Это представляется важным ещё и потому, что соответствующая дискуссия могла бы приблизить нас и к иным, связанным с данной проблемой, лежащим на стыке психологии и управления. К ним относятся, в частности, вопросы устойчивости целедостижения и проблемы эффективного управления этим процессом.

2. Содержание цели и степень её достижения

Рассмотрение проблемы мы начнем с определения используемых понятий. Каждое действие человека основано на представлении об ожидаемом результате. В обиходном языке под этим понимается то, к чему следует стремиться и чего следует достичь. Целенаправленность мы представляем как сознательное стремление к цели. Это существенная черта практически всех человеческих начинаний.

Цели разнообразны. Целью может быть некоторое пространственное положение, отдалённое событие, желаемое для действующего лица состояние себя самого или иной системы и т.п. В общем случае *целью* мы называем *полученный путём мышления идеальный образ будущего результата, достижение которого обусловлено внутренней мотивацией мыслящего субъекта и для овеществления которого должны быть предприняты реальные действия* [21]. Для инспиратора цель важна и желанна. Она определяет направление и структуру его усилий.

Понятие цели содержит в себе различные аспекты. Вот некоторые из них.

Цель – идеальный образ результата, возникший благодаря желанию удовлетворения некоторой потребности, отображающий сущность, представленную в форме возможности.

Цель является опережающим отображением будущего с помощью своеобразного прогноза.

Цель реализуется в будущем, однако произойдёт это не само по себе (как, например, в природе), а благодаря деятельности человека.

Цель требует средств для своего достижения. Выбор средств – ещё одно качество, отличающее человеческую деятельность от природных явлений, для которых нет смысла даже и говорить о выборе. Одновременно это и некоторый принцип, определяющий характер действий, необходимых для достижения результата.

Цель – динамическое единство настоящего и будущего, включающее в одном лице своего Демиурга и Старателя. Это Его Величество Человек, благодаря мотивации которого цель была найдена и сформулирована.

Здесь возникает ещё один признак цели: цель не существует без действующего мотива достижения. Целеполагание же – это процесс формулирования целей и нахождения способов их достижения.

Определим категории содержания и степени достижения цели, которыми мы будем пользоваться в дальнейшем.

Как символическое отображение будущего результата деятельности цель имеет своё *содержание*, т.е. совокупность характеризующих этот результат признаков. Обозначим содержание цели литерой *C*. Если цель сформулирована правильно, т.е. адекватно потребностной ситуации, то её содержание в процессе достижения изменяться не должно. Например, если цель была сформулирована в момент τ_1 , а достигнута в момент τ_2 , то

$$C(\tau_1) = C(\tau_2). \quad (1)$$

Равенство здесь понимается как совпадение двух множеств. Это означает, что в достигнутом результате содержатся все признаки образа, полученного путём опережающего отображения, и только они. Именно это совпадение и свидетельствует о достижении цели. Оно желательно, однако не всегда достижимо. Чтобы ответить на вопрос, почему это имеет место, обратимся к процессу целедостижения.

Достижение цели – развивающийся во времени процесс. Суть процесса – превращение идеальных признаков целевого образа в реальные составляющие результата. Реальность означает не только материальность возникающих в этом процессе объектов (система уравнений, научная теория или музыкальное произведение не материальны, но могут быть целями). Реальность мы трактуем как пригодность для использования, ибо цель для чего-то создавалась и достигалась.

В наиболее общем случае реальность цели – это способность удовлетворения потребности, приводящей к целедостижению. Такую способность некоторые цели приобретают лишь тогда, когда реализовались все признаки их содержания (например, если целью выступает прибытие

субъекта в интересующий его пространственный пункт). Другие цели приобретают способность удовлетворения потребности по мере реализации отдельных элементов своего содержания (например, достижение материального благополучия). Так возникает ещё одна характеристика цели – степень её достижения, которую мы обозначим литерой d .

Степенью достижения цели мы называем совокупность целевых признаков, получивших в процессе деятельности своё реальное овеществление. Очевидно, что $d(\tau_1) = 0$. Поэтому начало траектории деятельности всегда лежит на прямой $d = 0$. Одновременно с этим $d(\tau_2) = C$.

Перемещение вдоль кривой V_1V_2 (траектории деятельности) на рис. 1 следует понимать как замещение признаков цели, созданных путём мышления, их реальными аналогами. Чем выше расположено значение d на координатной прямой Od , тем больше идеальных признаков содержания цели нашли своё овеществление (тем ближе достижение цели)¹. Именно овеществлению идеального образа и служит деятельность, отображаемая кривой V_1V_2 .

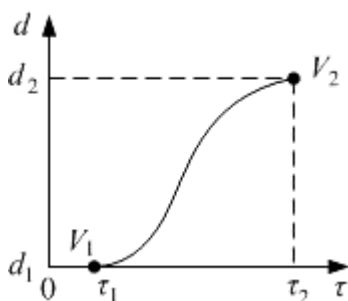

Рис. 1. Траектория достижения цели и её параметры:

τ – время; d – степень достижения цели; $d_1 = 0$ – исходное число овеществлённых признаков цели в момент принятия решения; d_2 – количество целевых признаков, реализованных в момент достижения цели; V_1 и V_2 – начальная и конечная точки траектории деятельности

Цель не существует без критериев её достижения. Для простых целей то и другое может сливаться воедино, для сложных – это самостоятельные элементы. Если, например, некто решил прокатиться на вертолётё, то здесь содержание совпадает с критерием достижения цели – это факт самого полёта. Но если тот же субъект постановил стать врачом высшей квалификации, то содержание цели составляют необходимые для этого знания, умения и навыки, а критерием может служить, например, общественное признание.

¹ Говоря о связи величин d и τ , можно заметить только то, что степень достижения цели со временем должна возрастать. Однако в каждом конкретном случае это происходит по-разному. Поэтому-то потраченное на достижение цели время критерием близости промежуточного результата и достигнутой цели служить не может.

С точки зрения способов достижения все цели можно разделить на три класса.

3. Регулярно воспроизводимые цели

К первому классу относятся *регулярно воспроизводимые цели*, достижение которых индивидом повторяется. Способ достижения регулярно воспроизводимой цели инспиратору известен. Система перемещается из положения V_1 в положение V_2 (рис. 2) вдоль одной и той же повторяющейся траектории V_1V_2 . Примерами достижения регулярно воспроизводимой цели могут служить повторяющиеся операции у станка, стандартно оказываемые услуги или медицинские операции, выполняемые врачом, освоившим технологию их проведения. Совпадение прогнозируемого и реального содержания (выполнение равенства (1)) для регулярно воспроизводимой цели служит одновременно и критерием её достижения.

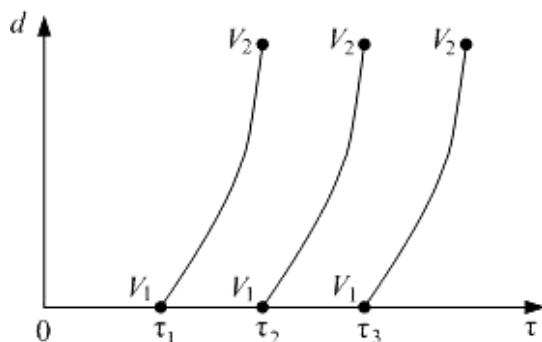

Рис. 2. Траектории достижения регулярно воспроизводимой цели

Роль волевой регуляции в достижении таких целей невелика. Сама цель уже известна, бинарное отношение «мотив–цель» давно сформулировано. А именно на пути мотивации и возникают основные препятствия, требующие волевого вмешательства [22]. Путь достижения функциональной цели индивиду хорошо знаком, а процесс достижения отлажен. Возможность появления неожиданностей, а значит, и проявления волевой регуляции, здесь сведена к минимуму. Всё знакомо и предопределено. Индивид работает в режиме потребностно-целевого комплекса без возникновения серьёзных препятствий.

4. Аналоговые цели

Ко второму классу относят *аналоговые цели*. Само название говорит о том, что ситуация, связанная с достижением такой цели, имеет некоторую аналогию. Эти цели существуют в трех вариантах.

К первому варианту относятся цели, некогда достигнутые другим человеком (рис. 3). Субъект прошел весь путь достижения цели, начав его в момент τ_1 . С момента достижения эта цель стала для него функциональной. Однако человек, заинтересованный в её достижении в настоящее время, никогда ещё эту цель не реализовывал. Он знает об успехе предыдущего субъекта и имеет представление о том, как соответствующий путь проделать. Назовём такое представление ментальной моделью достижения цели. Пользуясь ею, инспиратор начинает свою работу в момент τ_2 и проходит весь путь достижения самостоятельно.

Примером может служить возведение собственного дома, поступление индивида в вуз или даже ремонт квартиры, если он проводится впервые.

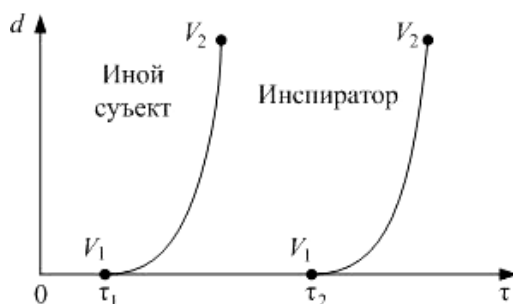

Рис. 3. Схематическое изображение процесса достижения аналоговой цели первого варианта

Очевидно, что после завершения работ равенство (1) может не выполняться. Результат в той или иной степени способен отклоняться от целевого образа. Причиной может служить замена недостающих ресурсов иными, отсутствие у инспиратора необходимых умений, а также появление иных препятствий. Содержание целевого образа и достигнутого результата совпадают тогда лишь частично ($C(\tau_1) \cong C(\tau_2)$). Какие-то признаки целевого образа в результате могут отсутствовать, а присутствовать признаки, отсутствовавшие в образе. Чтобы утверждать, что цель достигнута, необходима их взаимная компенсация.

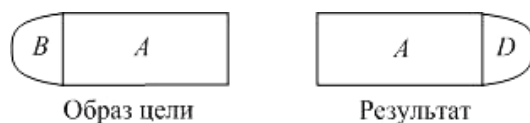

Рис. 4. Компенсация фигурирующих в целевом образе признаков B элементами D в достигнутом результате

Эта ситуация отображена на рис. 4. Первоначально цель была сформулирована как сумма признаков, символизируемых площадями фигур A и B , т.е.

$$C(\tau_1) = A \cup B. \quad (2)$$

Фактически достигнутый результат признаков B не содержит. Вместо них фигурируют признаки, отображенные площадью фигуры D , т.е.

$$C(\tau_2) = A \cup D. \quad (3)$$

Для признания цели достигнутой необходимо, чтобы множество признаков D в каком-то смысле компенсировало недостающие признаки B , т.е.

$$D \sim B, \quad (4)$$

где $\sim$ – знак эквивалентности.

Рассмотрим пример. Если некто, например, желая достичь для себя и семьи материального благополучия за счёт создания производственной фирмы, добился этого благодаря спекуляции, то замена одного способа деятельности другим должна восприниматься им эквивалентной. Только тогда цель можно считать «приблизительно достигнутой».

Еще один пример. Представим молодого человека, согласно семейной традиции пожелавшего стать гражданским врачом. Для этого он выбрал специализацию хирурга. Однако обстоятельства сложились так, что ему пришлось обучаться в военно-медицинской академии, где перед выбором специализации он понял, что необходимыми для хирурга качествами не обладает. Вместо гражданского хирурга субъект стал специалистом по военно-полевой терапии. На вопрос о том, достиг ли он поставленной цели, однозначного ответа дать нельзя. Казалось бы – достиг. Он стал врачом, т.е. основа цели реализована (материализованы признаки A на рис. 4). Однако окончательный ответ на вопрос может дать только сам инспиратор. Если полевая терапия (признаки D) способна, по его мнению, заменить утраченную хирургию (признаки B), цель можно считать достигнутой, если нет – цель достигнута лишь частично.

Перечисленные особенности аналоговых целей повышают значение критериев их достижения. Простым «наложением» друг на друга признаков результата и образа цели в этом случае не обойтись. Здесь требуется формулировать целую систему критериев достижения цели.

При достижении аналоговых целей возрастает и роль волевой регуляции. Несмотря на то, что этап целеполагания здесь значительно облегчен (цель сформулирована индивидом заранее и, возможно, под внешним влиянием), этап достижения он проходит самостоятельно и впервые. Впервые же он встречает и разного рода препятствия, требующие волевого вмешательства. Для успешного их преодоления индивиду необходимо генерировать волевые усилия. Поскольку речь здесь идет об одинаковых целях и условиях их реализации, но о различных субъектах, то уровень волевой регуляции инспиратора напрямую зависит от степени оснащения его волевым ресурсом.

Волевым ресурсом мы называем количественную меру возможности преодоления препятствий на пути достижения цели. Трудно не заметить сходства приведённого определения с понятием энергии как способности

тела совершать работу. Как и энергия, волевой ресурс – величина скалярная. Энергия служит мерой движения и взаимодействия материи. Тому же в процессе преодоления препятствий служит и воля. Поэтому волевой ресурс следует считать внутренней энергией человека, расходуемой на совершение волевых усилий. Благодаря этому он становится измеримым.

Возвращаясь к аналоговым целям, подчеркнём, что если волевой ресурс инспиратора соответствует уровню волевого ресурса субъекта, уже достигшего аналогичной цели, то аналоговая цель реализуется с большой вероятностью.

Ко второму варианту аналоговых целей относят те, которые были уже достигнуты, однако произошло это в других условиях. Примерами могут служить повторное открытие производственной фирмы в ином регионе, организация серийного выпуска продукции некоторого устройства, опытный образец которого создан в той же самой фирме. Графическая иллюстрация процесса достижения аналоговой цели второй разновидности представлена на рис. 5. Кроме времени τ и степени достижения d , здесь введена третья координата S , характеризующая среду, в которой осуществляется достижение цели. Стартуя в момент τ_1 из состояния V_1 , индивид достигает цели (точка V_2), двигаясь в среде S_1 . Во втором случае, стартуя в момент τ_2 , он проходит путь от V_1 до V_2 в условиях, создаваемых средой S_2 .

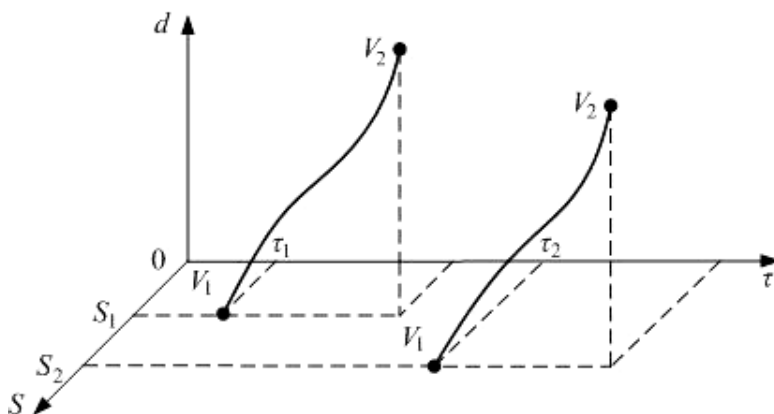

Рис. 5. Динамика достижения аналоговой цели второго варианта (S_1 – первоначальная среда, S_2 – изменённая среда)

Роль волевой регуляции в достижении аналоговой цели второго варианта существенно выше, чем в предыдущем случае. Несмотря на то, что этап целеполагания здесь также практически отсутствует, на пути достижения цели могут возникать возмущения, обусловленные новой средой. Ситуацию усугубляет ещё и тот факт, что для данного индивида целедостижение происходит впервые.

Широко известен и третий вариант аналоговых целей, который можно назвать комбинированным. Суть его состоит в том, что достигнутую в

определённых условиях иным субъектом цель инспиратор должен реализовать в условиях, уже изменившихся (рис. 6). Это весьма распространённые ситуации, сочетающие элементы первого и второго вариантов аналоговых целей. Наиболее часто они возникают в быстро изменяющихся внешних условиях. Изменения могут вызваться техническим прогрессом, природными катаклизмами, общественными катастрофами (эпидемии, войны, революции и т.п.).

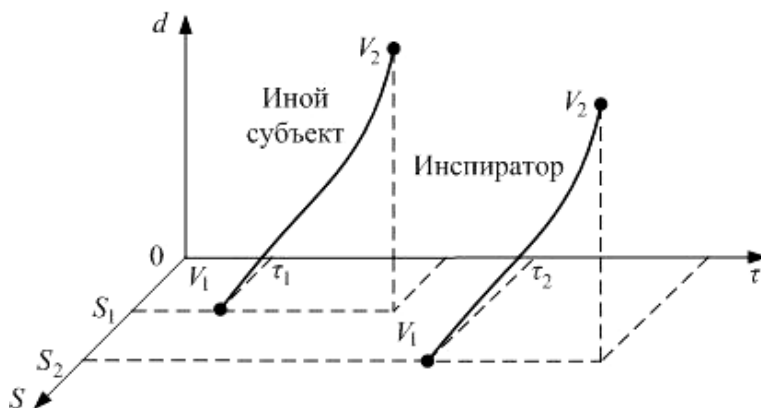

Рис. 6. Аналоговая цель, некогда реализованная иным субъектом, достижение которой инспиратор осуществляет в иных условиях

Рассмотрим пример. Юноша увидел приземлившийся на окраине села винтомоторный самолёт. Его восхитила машина, но ещё больше – вышедший из неё человек в меховой куртке и собачьих унтах. Паренёк захотел стать таким же покорителем пространства, способным видеть землю с высоты птичьего полёта. Однако пока он готовился к поступлению в лётное училище и заканчивал его, авиация изменилась. Одетый в высотный костюм и гермошлем молодой офицер сел за штурвал реактивного перехватчика и смотрит на землю с той высоты, на которой даже днём видны звёзды. Достиг ли он цели? Несомненно, достиг. Он стал пилотом. Но... жизнь внесла коррективы.

Комбинированный вариант аналоговых целей представляется наиболее сложным среди других целей этого вида. Здесь и субъекты, и условия оказываются разными. Инспиратор может быть в меньшей степени оснащен волевым ресурсом, чем субъект, уже достигший цели. Более того, новые условия реализации, как правило, сложнее предыдущих. На пути к цели они выдвигают и новые препятствия. Поэтому и цель здесь не всегда может быть достигнута. Однако если инспиратор в усложнённых условиях наращивает свой волевой ресурс до уровня преодоления возникающих препятствий, то и цель достигается, несмотря на ее объективную сложность.

5. Цели развития

Наиболее важными и сложными следует признать так называемые *цели развития*. За этим названием скрывается совершенно новая цель, никем ранее не достигнутая. К таким целям можно отнести поиск результата в исследовании научной проблемы, достижение высокого уровня жизни, реализацию полёта на Марс и т.п.

Динамика ситуации, связанной с достижением цели развития, представлена на рис. 7. В момент τ_0 субъект начинает испытывать влечение, значения которого он может и не понимать. Естественно, что степень достижения цели в начальный момент ещё равна нулю ($d(\tau_0) = 0$). Проходя все фазы мотивационного процесса, влечение превращается в намерение, хотение, а затем и желание. На этой стадии в момент τ_1 формируется образ цели $C(\tau_1)$ и возникает действующая пара «мотив–цель» (Глазунов, 2015). Поскольку целедостижение ещё не началось, выполняется равенство $d(\tau_1) = 0$. С этого момента процесс целеполагания переходит в целенаправленную деятельность, которая и заканчивается в момент τ_2 достижением цели. Отрезок времени $[\tau_0, \tau_2]$ между появлением влечения и достижением цели может быть значительным. Естественно, что за это время многое изменяется как во внешней среде, так и в самом человеке.

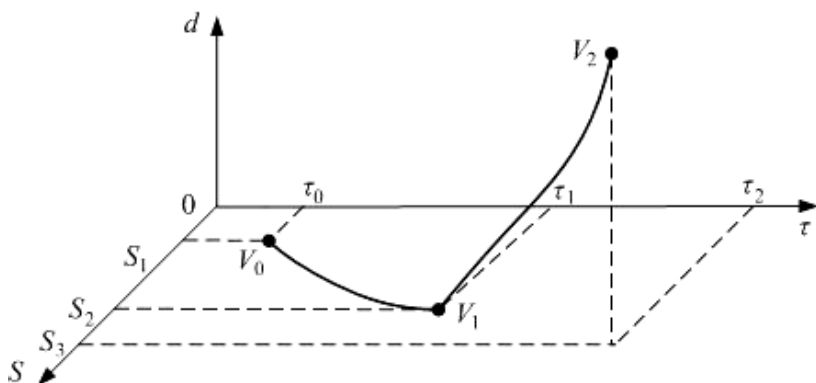

Рис. 7. Динамика достижения цели развития

Рассмотрим пример. Заинтересовавшись на уроках физики теорией гравитации, юноша решил заняться этой наукой профессионально. Для этого он должен пройти длительный путь обучения, приобретения навыков научной работы, а затем и профессионализма. Стать учёным физиком — это цель развития. Путь к цели не простой и достаточно длительный. В это время развиваются как наука, так и сам человек. И даже если индивид не сумеет разрешить проблемы гравитации, став физиком, он уже достигнет цели.

Естественно, что мотивация индивида проходила здесь практически произвольно и значительного волевого вмешательства не потребовала.

Известно, что при формулировании целей развития нередко наблюдается состояние увлеченности, названное М. Чиксентмихайи (2011) потоковым [23]. Это позитивное состояние, придающее инспиратору энергию. Однако путь реальной деятельности может оказаться нелегким, Дорога обучения и вхождения в специальность в нашем примере сплошь усыпана большими и малыми препятствиями. Именно здесь в полной мере и разворачивается волевая регуляция. Поэтому при достижении цели развития можно наблюдать значительный рост волевого ресурса инспиратора с одновременным развитием и его личности.

Одной из разновидностей целей развития выступают так называемые высокие цели. *Высокая цель* порождается целесодержащей мечтой и определяет активность индивида на многие годы вперед. Мечты не ограничены реальными обстоятельствами, поэтому в них отражаются наиболее сокровенные и смелые человеческие желания. Основанные на мечтах цели значительны и особо привлекательны. Это может быть спортивный рекорд, научное открытие, создание шедевра искусства, принципиально новое техническое решение, исключительное хозяйственное достижение и т.п.

Не каждая мечта содержит цель. Рассмотрим обстоятельства, при которых мечтание становится первой стадией активности, завершением которой может быть достижение высокой цели. В этом случае полный путь от зарождения мечты до появления вызванной ею цели складывается из двух этапов (рис. 8).

Примем, что мечта зародилась в момент $\tau = 0$. Отрезок времени, обозначенный римской цифрой I, мы называем латентным (лат. *latentis* – скрытый) этапом существования высокой цели. На этом этапе цель ещё не оформилась. Не обеспеченная необходимыми ресурсами мечта существует в своей чистой форме. Она закреплена в сознании мечтающего субъекта, поддерживается некой потребностью, однако мотив её достижения ещё отсутствует. Неимение мотива объясняется в первую очередь отсутствием ресурсов, необходимых для достижения предмета мечтаний.

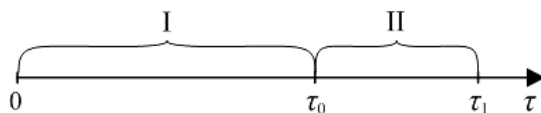

Рис. 8. Этапы постановки и достижения высокой цели:

- I – латентный период существования высокой цели в форме мечты;
- II – явный период существования высокой цели; $\tau = 0$ – момент появления мечты;
- τ_0 – момент завершения латентного периода; τ_1 – момент достижения высокой цели

Однако ситуация не стоит на месте. Изменяются внешние обстоятельства: появляются новые научные открытия, прогрессивные технические решения, иные общественные обстоятельства. Меняется и сам индивид. Он приобретает необходимую квалификацию, у него появляются иные материальные возможности и взгляды на решение проблемы. Одна-

жды субъект убеждается (момент t_0), что необходимыми для овеществления мечты ресурсами он уже обладает (или знает, как их получить). Породившая мечту потребность в течение латентного периода развивалась, чтобы превратиться к моменту t_0 в актуальный мотив. Согласно теории целеполагания (Глазунов, 2012) возникает эмоция, сопровождающая выделение энергии, необходимой для построения бинарного отношения «мотив–цель». Благодаря этому формируется пара элементов, управляющая процессом целенаправленной деятельности и одновременно его стимулирующая. Мотив, формировавшийся в рамках мечты, активизируется и становится движущей силой реальной деятельности. Развитие ситуации переходит в новый этап, обозначенный на рис. 8 цифрой II. Это этап целенаправленной деятельности.

Интересно то, что здесь для индивида целеполагание проходит «плавно» и малозаметно. Стимул неожиданно не возникает. Он давно известен. Целью становится предмет мечтаний. С течением времени он делался для индивида всё ярче и привлекательней, постепенно приближаясь к тому, что мы называем целью. В процессе мечтания мотив формировался в большей степени произвольно, чем произвольно и осознанно. Это свойство отличает высокие цели от остальных целей развития.

И, как это ни удивительно, роль волевой регуляции на этапе мотивации высокой цели близка к нулю. Этого нельзя сказать об этапе деятельности. Цель реализуется впервые, и её достижение сопряжено со всеми трудностями, требующими волевого вмешательства.

Трудности обычно подразделяются на внешние и внутренние². Однако подобное деление нуждается в уточнении. Дело в том, что, отражаясь в ментальной сфере человека, физическая ситуация отображается здесь в препятствия внутриспсихического характера, не похожие на физические прообразы. Это могут быть ситуативные эмоции, неконструктивные психические состояния или действие привычек. Сталкиваясь с препятствием на пути достижения цели, инспиратор всегда преодолевает что-то внутри себя. Например, затративший много времени на исследование проблемы ученый убеждается, что найденный им способ решения оказался неверным. Преодолевая фрустрацию (внутреннее затруднение), он настойчиво движется к цели, многократно повторяя попытки получения правильного результата. Так высокая цель служит одновременно условием повышения волевого ресурса и формирования личности инспиратора.

Заключение

Все типы целей связаны между собой. Цель развития, однажды кем-то достигнутая, становится аналоговой целью для других людей. Для того,

² П.Л. Горфункель, проводя анализ проблемы воли на примерах жизненных ситуаций, пришел к выводу, что оснований подразделять трудности на внешние и внутренние не существует. Все они внутренние, поскольку нечто преодолевается, и вместе с тем все они внешние, так как вызваны внешними обстоятельствами [24].

кто её достиг, она превращается в регулярно воспроизводимую при постоянных внешних условиях или аналоговую цель, если внешние условия изменились. Вместе с этим меняются число и характер препятствий на пути к цели, а следовательно, и роль волевой регуляции. Ее значение возрастает в случае реализации цели развития, изменяется при достижении различных видов аналоговых целей и практически отсутствует в осуществлении целей, воспроизводимых регулярно.

Человек не только выдвигает цели, но и осуществляет работу по их достижению, встречая на этом пути всевозможные препятствия. Преодолению препятствий служит волевая регуляция деятельности. Волевая регуляция – это работа, требующая от индивида затрат внутренней энергии и психического напряжения. Различные люди обладают различным количеством волевого ресурса, а значит, и разной способностью выполнения этой работы. Один препятствие преодолевает легко и свободно, другой осиливает с трудом, третий вообще не способен его преодолеть.

Классификация целей по способу их достижения дала возможность связать характер цели с количеством волевого ресурса, необходимого для её достижения. В процессе принятия решения это позволяет не только подбирать адекватных задаче исполнителей, но и выстраивать структуру мероприятий по достижению цели наиболее целесообразным способом.

Введённое выше понятие степени достижения цели в данной работе использовалось в основном в иллюстративных целях. Теоретическое определение его допускает, однако, дальнейшую формализацию. Это открывает возможность его применения как в процессах принятия решений, направленных на достижение целей развития, так и при разработке методов автоматизации этих процессов.

Литература

1. Лурье С.Я. Демокрит: тексты, перевод, исследования. Л. : Наука, 1970. 664 с.
2. Аристотель. Этика. М. : АСТ, 2004. 494 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М. : Мысль, 1974. Т. 1 : Наука логики. 452 с.
4. Тихомиров О.К. Психология мышления. М. : Академия, 2002. 288 с.
5. Субботин В.Е. Контроль и планирование поведения // Современная психология / под ред. В.Н. Дружинина. М., 1999. С. 373–396.
6. Ждан А.Н. История психологии. От Античности до наших дней : учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Академический проект, 2004. 576 с.
7. Сидоров К.Р. Концепт «уровень притязаний» в истории зарубежной психологии // Вестник Удмуртского университета. Сер. Философия, психология, педагогика. 2008. Вып. 2. С. 56–63.
8. Тихомиров О.К. Исследование целеобразования // Вестник МГУ. Сер. 14, Психология. 1980. № 1. С. 17–26.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Смысл, Академия, 2004. 352 с.
10. Солсо Р. Когнитивная психология. СПб. : Питер, 2002. 592 с.
11. Леонтьев Д.А. Цель в структуре регуляции деятельности // Современная психология мышления: смысл в познании : тезисы докладов научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения О.К. Тихомирова. М. : Смысл, 2008. С. 66–68.

12. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. М. : Наука, 1990. 496 с.
13. Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональной системы. М. : Наука, 1978. 400 с.
14. Александров А.И., Дружинин В.Н. Теория функциональных систем в психологии // Психологический журнал. 1998. Т. 19, № 6. С. 4–19.
15. Винер Р. Человек управляющий. СПб. : Питер, 2001. 288 с.
16. Винар Р. Кибернетика и общество. М. : Тайдекс Ко, 2002. 184 с.
17. Павлов И.П. Рефлекс свободы. СПб. : Питер, 2001. 432 с.
18. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2004. 608 с.
19. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. СПб. : Питер ; М. : Смысл., 2003. 860 с.
20. Дернер Д. Логика неудачи. М. : Смысл, 1997. 243 с.
21. Глазунов Ю.Т. Программирование регионального развития. Апатиты : Кольский научный центр, 2008. 264 с.
22. Глазунов Ю.Т. Поступок как «единица» волеизъявления // Концепт. 2016. № 5 (май). URL: <http://e-koncept.ru/2016/16088.htm>.
23. Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания. М. : Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011. 467 с.
24. Горфункель П.Л. Об одной разновидности волевых (и безволевых) действий // Ученые записки. Ижевск, 1971. Вып. 24 : Педагогика и психология. С. 17–49.

Поступила в редакцию 13.04.2017 г.; повторно 02.05.2017 г.; принята 15.05.2017 г.

Сведения об авторах:

ГЛАЗУНОВ Юрий Трофович, доктор технических наук, профессор кафедры теоретической физики и квантовой информатики факультета технической физики и прикладной математики Гданьского политехнического университета (Гданьск, Польша). E-mail: glazunovyury@gmail.com

СИДОРОВ Константин Рудольфович, кандидат психологических наук, доцент Удмуртского государственного университета (Ижевск, Россия). E-mail: konstantsid@yandex.ru

GOAL-SETTING, GOAL ACHIEVEMENT AND VOLITIONAL REGULATION

Siberian journal of psychology, 2017, 64, 6–23. DOI: 10.17223/17267080/64/1

Glazunov Yuriy T., Gdansk Technical University (Gdansk, Poland). E-mail: glazunovyury@gmail.com

Sidorov Konstantin R., Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: konstantsid@yandex.ru

Key words: goal-setting; goal achievement; volitional regulation; volitional resources; goal content; degree of goal achievement; classes of goals.

The concept of volitional regulation is closely linked with goal-setting and goal achievement. The nature and the scope of volitional regulation towards a goal is largely determined by the essence of the goal itself. The paper examines the nature and evolution of the category “goal”. The concepts of goal characteristics, content of goals, degree of goal achievement and the volitional resource are introduced. From the point of view of goals achieving methods and required volitional regulation, all goals are divided into three classes.

The first class consists of regularly reproducible goals, the achievement of which is repeated by an individual. It is shown that the role of volitional regulation in the fulfillment of such goals is insignificant.

The second class consists of three types of analog goals. The first type includes goals that were once achieved by another person. The subject interested in achieving this goal has no experience in accomplishing it. The result obtained by the subject may deviate from the target image. In this case, the fact of achieving the goal is determined by compensating the initial

target signs with equivalent ones. The second type of analog goals includes those achieved by the acting subject, but under other conditions. The third type combines features of the first and second types. The goal achieved under certain circumstances by another person has to be accomplished by the acting subject under the changed conditions. Most often, these goals appear in a situation of rapidly changing environment. These situations can be caused by technical progress, natural disasters, social disasters (epidemics, wars, revolutions, etc.). In transition from one type of analog goals to another the amount of volitional contribution required to fulfill those increases.

The third class comprises development goals. These include entirely new goals, which have not been achieved by anyone before. The path to the achievement of development goals is strewn throughout with large and small obstacles. It is the point when the volitional regulation of activity occurs to the full extent. Therefore, the process of achieving a development goal involves a significant increase in the volitional resource of a person along with simultaneous personal growth.

The notion of a high goal is also introduced in the paper. Such goals are generated by a goal-containing dream and determine the future activity of an individual. Dreams are not limited by circumstances. Therefore, they reflect the most intimate and courageous human desires.

Goals based on dreams are substantial and particularly attractive. The role of volitional regulation at the stage of motivation of high goals is insignificant. The same cannot be said of at the stage of activities. The goal is accomplished for the first time, and its achievement involves all difficulties that require volitional interventions.

Classification of goals according to their nature and the methods of their fulfillment allow to link the nature of a goal to the amount of volitional resource that is required to achieve it. In a decision-making process this allows to choose the right people to perform tasks and to rationally build a structure of actions for achieving goals.

References

1. Lurie, S.Ya. (1970) *Demokrit: teksty, perevod, issledovaniya* [Democritus: Texts, translation, research]. Leningrad: Nauka.
2. Aristotle. (2004) *Etika* [Ethics]. Moscow: AST.
3. Hegel, G.V.F. (1974) *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of Philosophical Sciences]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
4. Tikhomirov, O.K. (2002) *Psikhologiya myshleniya* [Psychology of Thinking]. Moscow: Akademiya.
5. Subbotin, V.E. (1999) Kontrol' i planirovanie povedeniya [Control and planning of behavior]. In: Druzhinin, V.N. (ed.) *Sovremennaya psikhologiya* [Modern psychology]. Moscow: Infra-M. pp. 373–396.
6. Zhdan, A.N. (2004) *Istoriya psikhologii. Ot Antichnosti do nashikh dney* [History of psychology. From Antiquity to the Present]. 5th ed. Moscow: Akademicheskii Proekt.
7. Sidorov, K.R. (2008) Kontsept "uroven' prityazaniy" v istorii zarubezhnoy psikhologii [The concept of "level of claims" in the history of foreign psychology]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Filosofiya, psikhologiya, pedagogika – Bulletin of Udmurt University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2. pp. 56–63.
8. Tikhomirov, O.K. (1980) Issledovanie tseleobrazovaniya [Research of goal-formation]. *Vestnik MGU. Seriya 14. Psikhologiya – Moscow University Herald. Series 14. Psychology*. 1. S. 17–26.
9. Leontyev, A.N. (2004) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Smysl, Akademiya.
10. Solso, R. (2002) *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive psychology]. Translated from English by S. Komarov. St. Petersburg: Piter.

11. Leontyev, D.A. (2008) [Goal in the structure of activity regulation]. *Sovremennaya psikhologiya myshleniya: smysl v poznanii* [Modern psychology of thinking: Meaning in cognition]. Proc. of the Conference. Moscow: Smysl. pp. 66–68. (In Russian).
12. Bernstein, N.A. (1990) *Fiziologiya dvizheniy i aktivnost'* [Physiology of movements and activity]. Moscow: Nauka.
13. Anokhin, P.K. (1978) *Filosofskie aspekty teorii funktsional'noy sistemy* [Philosophical aspects of the functional system theory]. Moscow: Nauka.
14. Aleksandrov, A.I. & Druzhinin, V.N. (1998) Teoriya funktsional'nykh sistem v psikhologii [Functional system theory in psychology]. *Psikhologicheskiy zhurnal*. 19(6). pp. 4–19.
15. Wiener, N. (2001) *Chelovek upravlyayushchiy* [The Managing Man]. Translated from English by E. Panfilov. St. Petersburg: Piter.
16. Wiener, N. (2002) *Kibernetika i obshchestvo* [Cybernetics and Society]. Translated from English by E. Panfilov. Moscow: Taydeks Ko.
17. Pavlov, I.P. (2001) *Refleks svobody* [Reflex of freedom]. St. Petersburg: Piter.
18. Nutten, J. (2004) *Motivatsiya, deystvie i perspektiva budushchego* [Motivation, Action and Prospect of the Future]. Translated from French by E. Pyataeva, N. Tolstykh, V. Shevyakhova. Moscow: Smysl.
19. Hekhausen, H. (2003) *Motivatsiya i deyatelnost'* [Motivation and Activity]. Translated from German by S. Dmitriev. St. Petersburg: Piter; Moscow: Smysl.
20. Derner, D. (1997) *Logika neudachi* [The Logic of Failure]. Translated from English. Moscow: Smysl.
21. Glazunov, Yu.T. (2008) *Programmirovaniye regional'nogo razvitiya* [Regional Development Programming]. Apatity: Kol'skiy nauchnyy tsentr.
22. Glazunov, Yu.T. (2016) Postupok kak “edinita” voleiz'yavleniya [Act as a “unit” of will expression]. *Kontsept*. 5. [Online] Available from: <http://e-koncept.ru/2016/16088.htm>.
23. Chiksentmikhayi, M. (2011) *Potok: Psikhologiya optimal'nogo perezhivaniya* [Flow: The Psychology of Optimal Experience]. Translated from English by E. Perova. Moscow: Smysl: Al'pina non-fikshn.
24. Gorfunkel, P.L. (1971) Ob odnoy raznovidnosti volevykh (i bezvol'nykh) deystviy [On one kind of volitional (and weak-willed) actions]. *Uchenye zapiski*. 24. pp. 17–49.

Received 13.04.2017;

Revised 02.05.2017;

Accepted 15.05.2017

Д.В. Карась

*Научно-исследовательский институт комплексных проблем
сердечно-сосудистых заболеваний (Кемерово, Россия)*

Теоретико-методологические подходы к пониманию интернальности как психологического феномена

Проанализированы представления о феномене интернальности. Интернальность раскрыта как интегральная личностная характеристика своеобразия протекания психологических феноменов, конституирующих процессы активного порождения неопределенности и её субъектного, интенционального и ответственного разрешения при осуществлении личностного выбора. Поставлены проблемные вопросы о двух уровнях реализации интернального поведения: направленности на субъектное отношение к реальности и личностной компетенции, позволяющей реализовать эту направленность в различных жизненных ситуациях.

Ключевые слова: *личность; интернальность; локус контроля; личностный выбор; неопределенность; субъектность; ответственность; самодетерминация; суверенность; личностная регуляция поведения.*

Одной из центральных в психологии личности является проблематика источников детерминации поведения – в какой мере то, что выбирает и делает человек, определяется факторами разной природы и в какой мере сам человек способен управлять этими факторами, а значит, своим поведением и жизнью. С позиций философии это вопросы о существовании, границах, способах осуществления и цене человеческой свободы.

Многообразие психологических подходов к решению этих вопросов непосредственно сопряжено с многообразием представлений о личности и человеке, осуществляющем выбор. Однако вне зависимости от разночтений в понимании того, что такое личность, на современном этапе развития психологии едва ли можно найти подход, где в какой-либо форме не принималось бы детально разработанное Л.С. Выготским положение, что сущностной психологической характеристикой личности является овладение собственным поведением [1]. Разработка тематики психологических механизмов и принципов участия человека (наряду с природой и культурой) в создании условий, обстоятельств и событий его жизни, возможностей собственных сознательных усилий, становления соответствующих качеств и способностей – одна из ключевых предметных областей психологической персонологии.

Среди множества конструкторов, посредством которых разрабатывается психологическая теория собственной активности человека, одним из

наиболее востребованных в настоящее время является понятие «интернальность». Оно применяется как характеристика в отношении различных психологических реалий – интернальность субъективного контроля, интернальность ценностей и смыслов, интернальность каузальных ориентаций, интернальность мотивации и др. Понятием «интернальность» психологи в основном характеризуют психологические феномены регуляции поведения человека в ситуациях, требующих принятия решений, но также применяют его и в отношении личности в целом.

Интернальность в общем случае указывает на то, что причина и источник активности при реализации некоторого психологического процесса или акта (выбора, действия, поведения), ключевые регулирующие влияния и контроль происходящего принадлежат собственной активности человека как субъекта. Будучи психологическим понятием интернальность не просто описательно характеризует соответствующие феномены, но и указывает на психологию процессов и механизмов, реализуя которые человек овладевает собой и своим поведением, – психологию интернальности, интернального поведения, интернального выбора.

Цель данной статьи – раскрыть основные теоретико-методологические подходы к пониманию интернальности и сформулировать проблемные вопросы относительно теоретического осмысления этого феномена.

Интернальность – это конструкт, исторически связанный с категорией «локус контроля», введенной в научный оборот Дж. Роттером в теории социального научения. Он рассматривает локус контроля как важнейший субъектный фактор поведения в ситуации, требующей осуществления выбора, как степень понимания человеком причинных взаимосвязей между собственным поведением и достижением желаемого [2].

Дж. Роттер показал, что человек во взаимодействии с окружающим миром приобретает обобщенный опыт, особый тип обобщенных ожиданий о контроле возникновения поведенческих подкреплений в результате успешных или неуспешных действий. Если человек ожидает, что подкрепления зависят от его собственного поведения, то говорят об интернальном локусе контроля, если ожидает контроля подкреплений силами извне – об экстернальном. Согласно Дж. Роттеру, локус контроля не является врожденной и неизменной личностной чертой. Конструкт следует рассматривать как континуум экстернальность–интернальность, и убеждения людей в отношении различных сфер жизни могут быть расположены на всех точках между полюсами.

Понятие локуса контроля органично вписалось в методологически близкий контекст концепций реципрокного детерминизма и каузальной атрибуции. Так, А. Бандура, отводя значимую роль когнитивным процессам в опосредовании связи между стимулом и реакцией, вводит в модель реципрокного детерминизма понятие «самоподкрепление». Он обнаружил, что подкрепление, осуществляемое самим субъектом, оказывается эффективнее подкреплений от внешней среды; в результате самоудовлетворения от достижения целей у человека появляется специфический мотив прила-

гать больше усилий в желаемом направлении, а уровень внутренней мотивации человека обычно связан с типом и ценностью побуждений [3].

В свою очередь, Ф. Хайдер даёт понятие о локусе каузальности, который выражает ситуативное или устойчивое осознание человеком в качестве причины наступления того или иного события собственное поведение или внешние средовые обстоятельства. Подобным образом интернальность понимал Б. Вайнер при исследовании мотивации достижения успеха и избегания неудач. Согласно Б. Вайнеру, люди с высокой (результатирующей) мотивацией достижения интернальны в том смысле, что воспринимают успех как связанный с собственными способностями и усилиями, а неудачу – как вызванную недостатком усилий [4].

Таким образом, А. Бандура, Ф. Хайдер и Б. Вайнер подтверждают статус локализации разных аспектов контроля в качестве реально влияющего на поведение человека фактора субъективного отношения к ответственности за происходящие события.

В классике психологической литературы встречается представление об ещё одном аспекте интернальности, не связанном с концепцией локуса контроля и рассматривающемся в трудах Д. Рисмена как личностная характеристика ценностного сознания, выраженная в представлении о «локусе ценностей» в контексте различных типов социального характера [5]. Д. Рисмен рассматривал локus ценностей с позиции – заложены ли ценности в самом индивиде или принадлежат другим. Поведение людей, «ориентированных изнутри», регулируется внутренними интернализированными целями и ценностями, а людей, «ориентированных извне», – ценностями внешними. М.С. Яницкий замечает, что, «по мнению К. Муздыбаева, различие между концепциями Д. Рисмена и Дж. Роттера состоит в том, что первый имеет дело с механизмами социального контроля, а второй – индивидуального... Оба типа социального характера Д. Рисмена вполне могут быть контролируемы как интернально, так и экстернально» [6. С. 93]. Тем не менее представление о социальном характере ценностно «ориентированной изнутри» личности – существенный аспект интернальности, поскольку свидетельствует о значимости проявления способности человека к внутренней ценностной опоре и внутренне мотивированному поведению, причем в масштабах массового сознания.

Положение Дж. Роттера о том, что локализация контроля относительно различных сфер жизни неоднородна, и соответствующие убеждения могут быть расположены в континууме интернальность–экстернальность, нашло отражение в представлениях о структуре локуса контроля. Один из распространенных в отечественной психологии диагностических инструментов для измерения «уровня субъективного контроля» позволяет фиксировать как общую интернальность, так и интернальность в различных сферах жизни: в области достижений, неудач, в производственных, семейных и межличностных отношениях, а также в отношении здоровья и болезни [7]. Однако, на наш взгляд, вопрос о генезе интернальности в различных сферах жизни на сегодняшний день ещё не вполне осмыс-

лен, что связано с дискуссионным характером и разночтениями в понимании самого этого феномена.

Обобщая изложенные взгляды, можно заключить, что интернальность даже в классическом представлении содержательно неоднородна, и аспект локуса контроля как обобщенного опыта контроля подкреплений является только одним из её проявлений. К другим аспектам интернальности следует отнести локус каузальности как тенденцию воспринимать в качестве причин событий собственную активность и усилия (Ф. Хайдер, Б. Вайнер), феномен способности к самоподкреплению (А. Бандура), а также тенденцию принимать решения и действовать с опорой на внутренние ценностные и мотивационные ориентиры (Б. Вайнер, Д. Рисмен).

А.А. Бодалёв отмечает, что «введение в психологию понятия локуса контроля стимулировало огромное количество исследований этого феномена, поток которых продолжает нарастать и в настоящее время» [8. С. 400].

Само понятие интернальности как полюса локуса контроля первоначально имеет смысл в контексте когнитивно-бихевиоральных теорий социального научения и каузальной атрибуции. Психологи включают его в разнообразие теоретических контекстов и эмпирические модели. Приведем некоторые характерные примеры, расширяющие представление об интернальности и свидетельствующие о широте взаимосвязей этого качества с другими значимыми психологическими и личностными параметрами.

Первоначальное представление о локализации субъективного контроля было развито в концепцию локуса каузальности в теории автономии личности Э. Деси и Р. Райана. Воспринимаемый локус каузальности определяется авторами как когнитивный конструкт, представляющий и выражающий степень, с которой человек является самодетерминированным при планировании и осуществлении какого-либо поведения. «Самодетерминацией называется способность выбирать и иметь выбор» [9. С. 104].

Принципиальным отличием локуса каузальности от классического понимания локуса контроля (где интернальность формируется исключительно как результат прагматического обобщения опыта поведения) является положение о базовой потребности, неразрывно связанной с волевыми качествами человека и лежащей в основе внутренне мотивированной активности и развития личности. Самодетерминированным авторы называют поведение, направленное на достижение мотивирующего переживания автономии и компетентности – видов удовлетворенности соответствующих базовых личностных потребностей.

Локус каузальности может быть интернальным и экстернальным. Отличия между ними – в особенностях восприятия человеком событий как информационных или контролирующих. Информационное событие актуализирует потребность в автономии и порождает внутреннюю субъектную активность по формированию интернальной смысловой причины дальнейшего поведения, осуществления интернального выбора. Восприятие события контролирующим основывается на потребности в контроле и само, являясь причиной, экстернально задаёт направление выбора. «Внутренние

информационные события усиливают самодетерминированное функционирование и повышают внутреннюю мотивацию. Внутренние контролирующие события переживаются как давление с целью получения специфического результата и подрывают внутреннюю мотивацию» [9. С. 110]. Такое представление хорошо согласуется с традиционными для отечественной психологии идеями (берущими начало в учении о высших психических функциях) о развитии личности как становлении процессов опосредствования поведения интернальными (интериоризованными) психологическими средствами и развитии механизма автостимуляции [10], хотя представления о движущих силах и механизмах формирования «автономного» поведения существенно разнятся.

Так, положение о существовании базовой личностной потребности в автономии, актуализация которой обуславливает интернальное поведение, имеет характер аксиоматического допущения, сделанного на основе обобщения наблюдений за «стремлением индивидов к развитию своих интересов и способностей» [Там же. С. 106]. Авторы теории самодетерминации не приводят достаточных естественнонаучных оснований и развернутого теоретического осмысления природы данной потребности, разъясняется лишь, что она врожденная, а способность к её актуализации зависит от опыта открытого свободного поведения в раннем возрасте и от релевантных особенностей социальной среды. «Рост внутренней мотивации, обеспечивающий оптимальное развитие личности, зависит от социальных условий, которые поддерживают и охраняют автономию человека или же наоборот, разрушают ее» [9. С. 107]. Однако сама идея, что в основе самодетерминации лежит натуральное общее основание, по нашему мнению, требует пристального внимания, и мы более подробно остановимся на этом вопросе в дальнейшем.

Связь локуса контроля с верой в свои силы и способности исследовали Р. Вулри и Дж. Роттер, Д. Уотсон и Э. Боумел. Они показали, что в ситуации, требующей принятия решения на основе собственных навыков, не зависящих от случая и ситуации, интерналы делают меньше ошибок, чем экстерналы, а ситуация неопределенности дезорганизует их в меньшей степени. Вместе с тем ценность ситуации «шанса» для экстерналов выше, чем для интерналов [11]. Это означает, что общая интернальность, помимо прочего, является основой своеобразной личностной компетенции, позволяющей человеку эффективно оперировать собственными психологическими ресурсами в различных ситуациях, требующих принятия решения.

Г. Бир показал, что люди с когнитивно сложным контролем поведения устойчиво показывают признаки интернальности. Это выражается в высоком количестве степеней свободы, социальной пластичности и независимости от «поля», в высокой дифференциации восприятия, способности к разграничению эмоциональных и интеллектуальных оценок, в высокой абстрагированности мышления, произвольности в глубине семантической обработки, в учете значительного объема невербальной информации и осознании собственных качеств, а также в способности к высокой эмпатии.

тии и пониманию мотивов другого человека [12]. Очевидно, что интернальность не тождественна когнитивной сложности, однако данные наблюдения свидетельствуют о большей способности к осознанному и смысловому поведению интерналов. Подобные выводы были сделаны А.В. Серым в контексте исследования психологических особенностей (включая когнитивную сложность) функционирования системы личностных смыслов при различных актуальных смысловых состояниях, в структуре которых интернальность является одним из предикторов смысловой продуктивности [13].

Ряд исследований посвящен связи локуса контроля и особенностей структуры и содержания субъективной временной перспективы. Так, исследования Ф.У. Вессмана, С. Тайера и Д.С. Гормана показали, что интерналы в своих временных перспективах более ориентированы на будущее, лучше способны концептуализировать отрезки времени. По сравнению с экстерналами их временная перспектива охватывает более дальнюю зону как будущего, так и прошлого, причем независимо от характера событий, в то время как временная перспектива экстерналов укорочена и малособытийна [14]. О связи интернальности и общей компетентности во времени свидетельствуют данные Д.А. Леонтьева [15], Е.М. Вечкановой [16]. Последняя сообщает также, что обусловленность временной перспективы локусом контроля возрастает в период переживания кризиса идентичности, а значит, интернальность способствует конструктивному отношению к неопределенности как внешней, так и внутренней ситуации.

Есть данные об обратной связи интернальности и тенденции к аддиктивному поведению [17]. Интернальность является значимым личностным фактором стрессоустойчивости и эффективного совладания с кризисными жизненными ситуациями, она снижает вероятность развития эмоциональных нарушений, в том числе ввиду проявления сопряженной с интернальностью способности опосредствовать эмоциональные реакции смысловыми средствами, более открыто и активно вести себя в проблемных ситуациях [16, 18–21].

Зафиксирована также связь интернальности и общей социальной эффективности, включая уровень материальной обеспеченности [22]. По данным А.А. Реана, интернальность связана с уровнем профессионального мастерства [21], что косвенно свидетельствует о деятельностной природе становления интернальности. В целом можно заключить, что поведение интернального типа, кроме прочего, предполагает определенный уровень владения личностными навыками опосредствования, некоторую практически наработанную личностную компетенцию по управлению собственным поведением.

Н.Т. Физер показал, что удовлетворенность вознаграждением за решение задачи у интерналов растет пропорционально оценке собственного вклада в её решение, ценность вознаграждения зависит от интернальности поведения [23]. Более того, по данным Б. Вайнера (1974), если локус контроля воспринимается как внешний, результат собственных действий во-

обще не оказывает на индивида выраженного эмоционального воздействия, т.е. человек остаётся безучастным к происходящему [24. С. 273]. Ценность результатов собственной активности, характерное для интерналов отношение к собственным усилиям и их результатам как к личностной значимости означают не что иное, как ответственность. Следует отметить традиционность понимания интернальности через призму категории «ответственность». Уже в теории каузальной атрибуции интернальность понимается прежде всего как тенденция приписывать ответственность за события внутренним причинам.

М.С. Яницкий характеризует уровень интернальности как «степень независимости и самостоятельности человека в достижении своих целей, развития чувства личной ответственности за происходящие с ним события» [6. С. 93]. К. Муздыбаев определяет ответственность как волевое личностное качество, проявляющееся в субъективном контроле над собственной деятельностью [25]. Уровень субъективного контроля непосредственно свидетельствует об уровне принятия человеком на себя ответственности за события в своей жизни.

По замечанию М.С. Яницкого, общий уровень принятия ответственности также «может соответствовать уровню внутреннего личностного принятия, интернализованности ценностных представлений» [6. С. 93]. Соответственно, формирование интернальности может быть рассмотрено как процесс личностного осмысления соответствующих ценностных представлений и принятия человеком ответственного решения относительно приоритета значимости одних ценностей по отношению к другим. Речь идёт о процессе интернализации, который определяется А.В. Серым (на основе работ В. Грулиха, Я. Гудечека) как процесс сознательного и активного восприятия окружающего мира на основе воспроизводства принятых на определенном смысловом уровне норм и ценностей. Интернализация предполагает ответственную позицию субъекта, интерпретирующего события своей жизни как результат собственной деятельности [13. С. 24–25]. Основным продуктом интернализации является формирование интернальности как способности автономно порождать и актуализировать ценностно-смысловые причины для собственной активности [26. С. 180].

Необходимо подчеркнуть, что интернальная локализация контроля, обобщенная личностная ориентация на восприятие жизненных событий как результатов собственных действий и вытекающее из такого ожидания чувство ответственности не всегда являются психологически благоприятными обстоятельствами. А.А. Реан указывает: «Субъект, который перманентно и тотально берет на себя ответственность за все неудачи, провалы, промахи в жизни, подвержен серьезному риску дезадаптации. Такая ориентация на всеобъемлющую ответственность в случае серьезности или множественности неудач является основательной почвой для возникновения комплекса вины... является фактором риска психоэмоциональной дезадаптации, роста дискомфорта, напряжения» [27. С. 109]. Об этом же пишет и Р.М. Шамионов: «...в наших исследованиях субъективного контроля

было показано, что в случае его избыточности в сфере неудач, например, ярко выражена неудовлетворенность собой» [28. С. 48].

С другой стороны, Р.М. Шамионов отмечает, что «социум в ряде случаев в качестве нормы транслирует установку на неудовлетворенность при принятии ответственности на себя за свои ошибки и неудачи, в противном случае (экстернальность), напротив, выявляется удовлетворенность собой. На наш взгляд, в этом проявляется навязывание ответственности за неуспех, неудачи самому субъекту, а за достижения – внешним факторам...» [Там же. С. 48]. Таким образом, автор отмечает существенный характер влияния социокультурных факторов на психологическую результативность практики интернального поведения. Это наблюдение подтверждается зарегистрированной еще Дж. Роттером определенной сложности взаимосвязи интернальной локализации контроля и когнитивных функций в зависимости от социокультурной ситуации. По данным Дж. Роттера и И. Бэттла (1963), локус контроля чернокожих североамериканских детей, живущих в неблагоприятных социальноэкономических условиях, обладает определенной спецификой: «...дети с внешним локусом контроля обычно имеют более высокий IQ, чем дети с внутренним локусом контроля» [24. С. 380], в то время как традиционно считается, что более низкие уровни IQ соответствуют экстернальной направленности [29. С. 27].

Д. Мацумото в книге «Психология и культура» [30] также отмечает, что феномены, связанные с интернальностью, имеют культурную специфику; в частности, установка на самоэффективность, автономию и личный контроль (Я контролирую окружение) характерна для жителей Северной Америки, а установка на гармоничные отношения с социальным и физическим окружением – для жителей Восточной Азии (окружение контролирует меня). Однако и первый и второй подходы взаимодействия с окружающим миром обеспечиваются специфическими психологическими механизмами, которые позволяют субъекту сохранять и психическое здоровье, и психологическое благополучие. В основе этих различных подходов лежат, по Д. Мацумото, различия в ценностных ориентациях.

Таким образом, высокая интернальность не всегда является фактором эффективности поведения и деятельности, но в определенных социальных ситуациях может вести к дезадаптивным проявлениям. Оптимальная структура локусов интернальности может быть ситуационно и культурно специфичной, формирующейся при тесном взаимодействии человека со средой и опосредованной различными социокультурными переменными.

В качестве способа учесть сложность взаимосвязей интернальности, адаптивности и социокультурной ситуации А.А. Реан ввел модель «хорошего» интернального контроля, при котором ответственность за причины неудач связана с экстернальными факторами, а ответственность за преодоление неудач – с интернальными. Данная модель «...позволяет субъекту сохранить уверенность в себе, активную позицию и чувство контроля за событиями своей жизни, не приобретая попутно чувства всеобъемлющей

вины и эмоциональной дезадаптации» [27. С. 109]. Такая модель является одним из возможных способов сохранения личностной стабильности при переживании жизненных трудностей. Однако практика «хорошего интернального контроля» может способствовать дезинтеграции жизненного опыта, делению событий на «хорошие» и «плохие», несколько искусственному отделению себя от одних событий и соединению с другими, что может ограничивать возможности человека по дальнейшему развитию способности к «овладению собственным поведением», стагнации в этом отношении.

На наш взгляд, при интерпретации обнаруженных корреляций между выраженной интернальностью локализации контроля, риском психоэмоциональной дезадаптации и снижением когнитивных функций в специфических социокультурных условиях следует обратить внимание, что рассматриваемые понятия «локус контроля», «ответственность» и «интернальность» методологически не тождественны. Классические исследования локуса контроля проводились в рамках когнитивно-бихевиоральной традиции, где категория ответственности представлена в нейрофизиологическом ключе, за ней не стоит психологически системного цельноличностного содержания; кроме того, в базовой методологии бихевиоризма не принимаются во внимание принципиальные положения относительно психологических закономерностей сознательной и бессознательной личностной регуляции эмоциональных состояний, разработанные при изучении феноменов психологической защиты, совладающего (копинг) поведения и организующего потенциала смысложизненных ориентаций. Не учитываются также культурно-исторические закономерности развития высших психических функций и в целом фундаментальные аспекты смысловой организации личностных процессов.

Говоря об ответственности, отметим, что эта категория понимается нами как один из центральных конструктов экзистенциально-гуманистической психологии, как изначально присущая человеку в том смысле, что принципиально «человек ответствен за то, что он есть» [31. С. 326]. Независимо от осознания этого факта сущность человека определяется его собственными действиями, постоянно осуществляемым выбором самого себя. Следовательно, принятие ответственности – это готовность «осознавать творение самим собой своего «я», способность осуществлять осознанный выбор и признавать собственное авторство» [32. С. 245], готовность принимать последствия совершенного выбора, какими бы они ни были [33]. С этого ракурса интернальность не тождественна ответственности, но является её предиктором как особое интенциональное (см. постнеклассическую интерпретацию этого понятия [34]) состояние сознания и сам способ «авторского», субъектного отношения человека к себе и жизненным событиям. Так или иначе, теоретическая связь локализации контроля с ответственностью как личностным качеством обоснована и подтверждена многими эмпирическими исследованиями (например, [25, 35–37]).

Если вернуться к положению Дж. Роттера о вариабельности локализации контроля в отношении различных сфер жизни, т.е. учесть, что обобщенные ожидания и фактические возможности контроля человеком жизненных событий и обстоятельств могут существенно отличаться в разных сферах жизни (в границах условного континуума интернальный–экстернальный), и методологически транспонировать это положение, охарактеризовав интернальность как постоянно и закономерно развивающуюся способность человека к субъектно-деятельностному обращению со всевозможными реалиями его жизненного мира, т.е. как интегральную высшую психическую функцию «по овладению собственным поведением» (к которой в таком случае полностью применима культурно-историческая логика интериоризации при развитии ВПФ), то окажется допустимым и необходимым следующее предположение. Вероятно, следует говорить о нескольких уровнях становления и реализации интернальности в зависимости от природы (физическая, социальная, психоэмоциональная, психологическая, духовная) и смысловой сложности (включая аспект временной организации смысловой реальности) осваиваемых явлений. Тогда становится понятным, что способность удерживать понимание связей между собственными действиями и их результатами на физическом плане не обязательно сопряжена с развитой способностью осознавать связи и проявлять субъектную осмысленную активность при обращении с явлениями психологического или духовного плана. Проявление человеком способности к интернальному обращению с событиями и обстоятельствами социального плана (социальные успехи или неудачи, освоение социокультурных норм и ценностей) не свидетельствует непосредственно о способности сохранять субъектность и поведенческую эффективность при обращении с собственными эмоциями, в том числе субъективно тяжелыми. Эмоциональные состояния хотя и сопряжены с событиями на социальном и других планах, сами потенциально являются предметами субъектного обращения, что требует специфических компетенций.

Об интернальности человека в отношении собственных эмоций может свидетельствовать, как показывают исследования, в том числе и наши, выраженная опосредствованность эмоциональных реакций смысловыми процессами, что проявляется в низком уровне напряженности системы психологических защит [38, 39] и невысоком уровне эмоциональной чувствительности к социальному отвержению при выраженной осмысленности жизни у психологически здоровых людей [40].

Каждый уровень становления интернальности, каждый план приложения субъектной активности требует от человека специфических компетенций, образования и опыта, нарабатываемых от внешних форм поведения к внутренним и от простых явлений к психологически сложным. Следовательно, можно говорить о принципиальной возможности постепенного уровневого расширения границ интернального взаимодействия при психологическом освоении человеком многомерного жизненного мира. Причем базовый принцип интернального взаимодействия с реалиями жизненного

мира постоянен: осознание причинно-следственных связей между явлениями различной природы и собственным поведением и устремленность человека к реализации возможностей воздействовать на условия возникновения этих явлений.

Таким образом, мы делаем заключение, что интернальность реализуется в целно-личностном опосредствовании поведения и отношений в различных сферах жизни, основанном на сложных и нелинейных по своей природе психологических процессах, а основными психологическими признаками интернальности являются субъектность, интенциональность и ответственность.

В контексте нашего исследования имеет значение, что интернальность является прежде всего фактором, регулирующим качественное своеобразие внутреннего и внешнего поведения человека в ситуации, требующей осуществления выбора, как специфический психологический принцип – императив сохранения субъектности в ситуации неопределенности. В этом отношении Д.А. Леонтьев показывает, что локус контроля существенным образом влияет на протекание деятельности по осуществлению личностного выбора в ситуации неопределенности. Интернальность влияет на скорость конструирования оснований и смысловых критериев для сопоставления имеющихся альтернатив и осуществление этого сопоставления, а также на общую эффективность внутренней деятельности выбора [15]. А.А. Бодалёв также сообщает, что «интерналы более последовательны и продуктивны в ситуациях принятия решения и ситуациях, связанных с риском... они проявляют большую когнитивную активность, чем экстерналы» [8. С. 400].

Следует обратить внимание на сопряженность локализации контроля и способности к осмысленному, а значит, субъектному и интенциональному поведению.

Согласно Д.А. Леонтьеву, интернальность (как убежденность человека в своей способности контролировать жизненные события и вера в способность осуществлять собственный выбор) тесно связана, во-первых, с телеологичностью как наиболее общей смысловой ориентацией (склонность вообще ориентироваться на смысл своих действий, а не на их причину, ставя по отношению к ним вопрос «для чего» в противовес вопросу «почему» [39. С. 292]). Во-вторых, интернальность проявляется в способности человека осознавать и реализовывать себя как активного субъекта жизни, что обобщено в понятии «действенная жизненная позиция» [41. С. 38–39]. В-третьих, интернальность коррелирует с общей осмысленностью жизни как «количественной мерой степени и устойчивости направленности жизнедеятельности субъекта на какой-то смысл» [39. С. 293]. В этой связи Д.А. Леонтьев отмечает, что «субъективное переживание наличия смысла жизни, как правило, связано с осознанием ответственности за результаты своей деятельности» [Там же. С. 309].

Четвертым аспектом смысловой регуляции поведения Д.А. Леонтьев предлагает дихотомию: ориентация на ценности или на потребности в ка-

честве источника смыслообразования. Здесь уместно замечание А.А. Бодалева, что интерналы «проявляют большую готовность отсрочить сиюминутное, легкодоступное удовольствие ради достижения отдаленного, но более ценного блага» [8. С. 400]. А Д.А. Леонтьев поясняет, что «человек с доминирующей потребностной регуляцией будет в большей мере подчинять поведение своим сиюминутным желаниям, будет... мало учитывать отдаленные последствия своих поступков и решений» [39. С. 296]. Так интернальность раскрывается как тенденция к проактивному поведению, как противоположность реактивного.

Пятый аспект смысловой регуляции – временная локализация ведущих смысловых ориентиров – также связан с локусом контроля. По заключению А.В. Серого, основанному на результатах эмпирического исследования, «осмысленность прошлого, настоящего и будущего даёт человеку убежденность в том, что ему дано контролировать свою жизнь, принимать ответственность за происходящие в ней события и воплощать принятые решения» [13. С. 66]. Причем интернальность значимо возрастает до среднего уровня при высокой осмысленности по меньшей мере двух из трех временных модусов локализации смысла (в ряду прошлое, настоящее, будущее) какой-либо ситуации или жизни в целом и наиболее высока при высокой осмысленности всей временной перспективы [Там же. С. 63]. Иначе говоря, способность актуализировать личностный смысл в ситуации неопределенности, способность осуществлять интернальный выбор [Там же. С. 152–175] – продуктивность актуального смыслового состояния [38] – необходимо сопряжены с выраженной интернальностью.

Ещё в 2000 г. А.А. Бодалёв отмечал, что эмпирические исследования локуса контроля свидетельствуют о значительном влиянии этого фактора на многообразные характеристики психики и поведения, что эта категория отражает переживание субъектом «его связанности или несвязанности с событиями собственной жизни», при этом налицо «недостаточная теоретическая разработанность» этой проблемы [8. С. 402–403].

При обобщении рассмотренных представлений мы приходим к заключению, что интернальный локус контроля в его классическом понимании – это только одно из проявлений интернальности как более глубокого и существенного психологического качества. Люди с внутренней и внешней локализацией субъективного контроля, равно как интерналы и экстерналы в более широком понимании, качественно своеобразно взаимодействуют с миром и имеют ряд характерных психологических и личностных различий.

Несмотря на многоаспектность индивидуальных различий между интерналами и экстерналами, корень их усматривается в своеобразии подхода к осуществлению выбора в требующих того ситуациях и в своеобразии исходного отношения к ситуациям неопределенности. Т.В. Корнилова отмечает: «...при любом выборе в ситуации неопределенности человеку приходится ставить перед собой вопросы, которые можно объединить в общей формулировке «Какой я?»... Принятие личностной цены выбора означает и самоопределение в вопросе «Кто я?», или «Каким я себя вижу

(хотел бы видеть)?». От ответа на эти вопросы зависит актуализация тех или иных психологических особенностей в стратегиях подготовки выбора» [42. С. 75–76]. Мы делаем вывод, что для «интерналов» эти вопросы являются устойчиво актуальными (безотносительно их представленности на уровне сознания), это проявляется как способность человека осуществлять выбор, сохраняя субъектность, интенциональность и чувство ответственности, в отличие от экстерналов, для которых ценность субъектности в ситуации выбора, по-видимому, не является мотивирующей и не реализуется.

Определение субъектности, интенциональности и ответственности при взаимодействии с миром в качестве состояний, реализующих «связность человека с событиями собственной жизни», с высокой вероятностью указывает на имманентную связь феномена интернальности с ядерными личностными измерениями и соответствующими движущими силами, актуализация которых позволяет человеку «обрабатывать» ситуацию выбора на верхних личностных уровнях (представление о личностных уровнях регуляции выбора сформировано в контексте развития смысловой теории мышления, например [43]).

Таким образом, правомерно поставить проблемный вопрос об идентификации и теоретическом осмыслении базовой динамической силы, проявляющейся как тенденция к интернальному поведению и лежащей у основания становления соответствующих навыков и качеств. Иными словами, какую потребность реализует человек, осуществляя интернальное поведение? По какой причине субъектность имеет фактически переживаемую и практически реализуемую личностную ценность? По какой причине интернальность оказывается взаимосвязанной, как показано выше, с таким обширным кругом важнейших личностных качеств и параметров? Мы предполагаем, что от ответа на данные вопросы зависит понимание механизма интернального поведения и генеза интернальности.

Мы считаем целесообразным рассмотреть понятие интернальности не как механистическую категорию когнитивно-бихевиорального дискурса, а в общепсихологическом ключе в широком контексте проблематики произвольности и избирательности психики, личностной опосредованности психических процессов и поведения, требующего осуществления выбора.

Выбор, в каком бы контексте и на каком бы уровне он ни осуществлялся, это всегда поведенческий акт, которым человек непосредственно проявляет себя в мире, это личностно-уникальным образом «направленное взаимодействие» [44. С. 16], а качество выбора (интернальный–экстернальный) свидетельствует о качестве связи человека как субъекта жизни с действительностью, представленной для человека в элементах психологической структуры актуальной ситуации выбора. Соответственно, вопросы относительно психологии интернальности целесообразно рассматривать в контексте представлений о человеке, осуществляющем личностный выбор.

Суть ситуации выбора – это всегда состояние неустойчивости, неопределенности, на что указывают многие авторы (Т.В. Корнилова,

Д.А. Леонтьев, В.П. Зинченко, С. Мадди, Е.Т. Соколова, В.Е. Ключко, И. Пригожин и др.). Мы предлагаем рассматривать интернальность в качестве личностной характеристики способа обращения человека с неопределенностью и понимаем осуществление выбора как акт разрешения состояния неопределенности.

В соответствии с целью нашего исследования мы можем определить интернальность, как устойчивую тенденцию при взаимодействии человека с миром реализовывать в более или менее широком круге субъективно значимых жизненных ситуаций специфический принцип и личностную компетенцию, позволяющие ему самостоятельно наделять актуальную ситуацию качеством неопределенности и, непременно сохраняя субъектность, разрешать её (неопределенность) посредством осуществления выбора с опорой на внутренние силы, средства и ценностно-смысловые ориентиры поведения, т.е. личностного выбора по интернальному типу.

Таким образом, можно говорить о структурной сложности интернальности, о двух качественно различных, но взаимосвязанных уровнях реализации интернального поведения.

1. Динамическая тенденция, направленность, устремленность человека на взаимодействие с миром по интернальному типу и, соответственно, реализующие эту тенденцию (выступающие в качестве направляющих параметров) системные психологические процессы-регуляторы, которые «модулируют» образы восприятий, представлений и действий человека качеством интернальности, т.е. обеспечивают активное присутствие самого принципа интернальности (как метастратегии) в актуальном психическом и психологическом процессе и таким образом регулируют поведение («внутренний», регуляционный аспект).

2. Репертуарный комплекс психологических «инструментов» – качеств, способностей, специфических навыков, стереотипов, ценностных представлений, тактик, стратегий и способов поведения (что может быть выражено в понятии «личностная компетенция»), позволяющих человеку предметно реализовывать такую устремленность в более или менее широком круге жизненных ситуаций с большей или меньшей эффективностью («внешний», инструментально-операциональный аспект).

Интернальность, судя по истории изучения вопроса, формируется как результат обобщения (1) опыта восприятия и осознания человеком себя, своего поведения и собственных качеств как причин и условий возникновения тех или иных событий и обстоятельств в различных сферах жизни, (2) опыта переживания личностной значимости последствий и результатов собственной активности или её отсутствия, а также в целом (3) опыта непосредственной практики взаимодействия человека с миром. При этом интернальность имеет активное онтологическое основание в природе человеческой личности и связана с фундаментальными аспектами избираемости психического отражения.

Инструментально-операциональный аспект интернальности в настоящее время обстоятельно изучен в работах, посвященных проблематике

выбора, принятия решений и поведения в ситуации неопределенности. Наиболее разработанные системы представлений в этом русле нацелены на изучение проблем самодетерминации (Д.А. Леонтьев и др.), психологии интеллектуально-личностной регуляции поведения в ситуации неопределенности (Т.В. Корнилова и др.) и психологии суверенности человека в теории психологических систем (В.Е. Ключко, О.М. Краснорядцева и др.).

Концепция личностного потенциала предложена Д.А. Леонтьевым и базируется на синтетической платформе психологической теории деятельности и разработках экзистенциальной и позитивной психологии. Личностный потенциал, согласно Д.А. Леонтьеву, это «интегральная характеристика уровня личностной зрелости, реализуемая в способности к автономной самодетерминации и представляемая как комплекс особенностей системной организации личности в целом, со сложной архитектурой, основанной на сложной схеме опосредствования, позволяющей осуществлять деятельность в относительной свободе от заданных условий этой деятельности, как внешних, так и внутренних» [45. С. 3], а также «исходить из устойчивых внутренних критериев и ориентиров в своей жизнедеятельности, сохраняя стабильность смысловых ориентаций и эффективность деятельности на фоне давлений и изменяющихся внешних условий» [46. С. 91].

Другое ведущее направление комплексного изучения психологии поведения в ситуации неопределенности представлено работами исследовательской группы Т.В. Корниловой. Так, в коллективной монографии «Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека» [47], посвященной одному из направлений развития научной линии «смысловой теории мышления», представлены результаты цикла исследований функционирования динамических систем регуляции решений и выборов человека, раскрывающих классическую проблему единства интеллекта и аффекта на основе понимания человека как принимающего и преодолевающего условия неопределенности. В разработках данного направления устанавливается роль процессов принятия неопределенности как фокусирующих активность субъекта (от уровней самосознания личности до глубинной мотивации) в структурировании взаимодействий переменных интеллектуального и личностного потенциала человека.

Третье направление представлено работами представителей сибирской психологической школы в рамках теории психологических систем, являющейся парадигмальным развитием, прежде всего, учения о высших психических функциях и опосредствовании Л.С. Выготского [48]. Здесь в настоящее время во главу угла ставится проблема суверенности человека как высшего уровня становления личности, и на основе идеалов постнеклассической рациональности формируется методологическое пространство для рассмотрения соответствующих процессов суверенизации (Д.Ю. Дорофеев, С.К. Нартова-Бочавер, В.Е. Ключко, О.М. Краснорядцева и др.).

Соотнося понятие суверенности с понятиями автономии и самодетерминации личности, можно сказать, что последние центрированы на вопросе «интраиндивидуальной устойчивости человека», его ориентации на

собственный закон развития как «меры функциональной способности (компетентности) личности преодолевать заданные внутренние и внешние условия, становясь полноценным субъектом собственной жизни в меняющемся мире» [49. С. 79]. Самодетерминация реализуется «в виде осознанного выбора способа действий, учитывающего как внутренние стремления, так и внешние условия жизни человека» [50. С. 7]. Таким образом, внимание исследователей личностной автономии сфокусировано в первую очередь на инструментально-операциональном аспекте интернальности.

Тем временем понятие «суверенность» предполагает представление о человеке как о сложной открытой саморазвивающейся системе, личностным аспектом бытия которой являются не развитие, гомеостаз и постоянно преодолеваемое противоречие внутреннего и внешнего, а гомеорез, непрерывное «становление» и открытость [48]. «Категория суверенности позволяет ухватить способность человека к устойчивому самоизменению» [51. С. 67], отражает меру «устойчивости протяженного во времени процесса изменений» [52. С. 19] и «может быть понята как мера субъектности, характерная для данного человека, отражающая выраженность способности к продуктивному самоосуществлению» [51. С. 67]. Суверенность предполагает «овладение (человеком) собой как субъектом жизни и управление своей жизнью и своим развитием» [Там же]. Один из основных проблемных вопросов суверенности – «как удерживает тождественность самому себе... постоянно преобразующийся человек?» [53. С. 333] – оказывается непосредственно связанным с корнем феномена интернальности.

В каждом из рассмотренных направлений уделяется внимание регуляционному аспекту интернальности. В первом случае он рассматривается в экзистенциально-гуманистическом ключе через понятие о жизнестойкости (С. Мадди) и утверждение врожденной потребности в автономии (Э. Деси, Р. Райан), которая, однако, как отмечалось выше, определена эмпирически и не интегрирована в целостную общепсихологическую модель.

Во втором случае для объяснения регуляции поведения по интернальному типу акцентируются личностные качества и процессы, выраженные конструктом «принятие неопределенности», фокусирующие активность субъекта и позволяющие актуализировать при регуляции поведения глубинную мотивацию и продуктивно обрабатывать ситуацию выбора на верхних личностных уровнях (самосознание) при условии достаточной компетенции. Однако субъектная включенность и глубина личностной опосредствованности выборов здесь ставятся в зависимость исключительно от актуальных мотивационно-смысловых и ценностных доминант, присутствующих на уровнях бытийного, рефлексивного или духовного сознания личности. Внимание исследователей здесь сфокусировано на изучении процессуальных аспектов интеллектуально-личностной регуляции деятельности выбора, но в большей степени в связи с проблемами её продуктивности, нежели в связи с вопросами изучения онтологических оснований и психологических обстоятельств принципиальной возможности деятельности выбора.

В третьем подходе даётся общее представление о силах, лежащих у основания самоорганизации, силах становления, соотносимых с «реальностью Духа» [44. С. 28], которые реализуются в ходе «жизнеосуществления» и конституируют в моментах соприкосновения субъективного и объективного чувственно-сверхчувственную смысловую реальность собственного жизненного мира человека и его «истинного тела» (термин В.Е. Ключко [48. С. 103]).

Таким образом, в теории психологических систем и в концепции личностного потенциала прослеживается указание на натуральную основу интернальности, однако остаются открытыми два класса вопросов, свидетельствующих о сохранении недостатка теоретического осмысления феномена интернальности (прежде всего в отношении регуляционного аспекта).

Во-первых, если принять, что тенденция к интернальному поведению имеет натуральную природу, то каков конкретный психологический смысл этого основания, каким образом его объективировать в дискурсе психологии личности? Что конкретно (феноменологически) может являться естественной движущей силой осуществления интернальной активности? В чем природосообразность и культурно-историческая полезность этого явления, какова его естественная причина, онтологическое основание?

Во-вторых, посредством каких действующих факторов интернальность (как онтологический принцип, императив сохранения субъектности) реализуется в психике и личности? Какого рода процессы в качестве управляющих параметров обеспечивают регуляцию взаимодействия человека с миром по интернальному типу, оказывают организующее влияние на формирование и применение психологического инструментария интернального поведения, в чем специфика такой регуляции? Какой психологический механизм сцепляет принцип интернальности и переживание реальной психологической структуры любой актуальной ситуации? От чего зависит широта психологической «иррадиации» принципа интернальности (как метастратегии) в личностной системе, в жизненном мире человека? Соответственно, могут ли процессы интернальности быть трансформированы искусственно, произвольно? Можно ли научить человека психотехническими методами целенаправленно расширять границы личностной интернальности, многомерный жизненный объем психологически освоенного мира?

Предложенная двухуровневая структурная модель и сформулированные вопросы позволяют операционализировать понятие интернальности и сформировать актуальное проблемное поле возможных направлений дальнейшего исследования психологии собственной активности человека и избирательности психического отражения.

Выводы. Понятие интернальности в настоящее время стоит в одном методологическом ряду среди таких центрированных на человеке психологических понятий, как собственно личность и её становление, ответственность, смысл, жизненная устойчивость, отношение, выбор и избирательность, субъектность, деятельность, самосознание, интенциональность, лич-

ностный и интеллектуально-личностный потенциал, а также суверенность. Интернальность может выступать одним из ключевых понятий при изучении механизмов, сил и средств, через которые человек осуществляет интенциональное смысловое взаимодействие с жизненным миром, созидает и реализует своё «истинное тело» и «овладевает собственным поведением».

Интернальность является содержательно неоднородным понятием. В психологической литературе представлен ряд относительно самостоятельных концепций, формирующих теоретическое наполнение этого конструкта. Несмотря на детали различий в определении интернальности, суть феномена заключается в указании на психологическое содержание процессов и механизмов, при реализации которых причина и источник ключевых регулирующих влияний на происходящее связаны с собственной активностью человека как субъекта. Таким образом, локус контроля, уровень субъективного контроля, локус каузальности, интернальность ценностных и каузальных ориентаций – все эти понятия могут быть рассмотрены в качестве аспектов интернальности как особого психологического феномена.

Многочисленные психологические исследования свидетельствуют об обширных взаимосвязях различных форм проявления интернальности с широким кругом психологических и личностных характеристик, основными из которых являются когнитивная сложность, глубина и событийность субъективной временной перспективы и психологическая компетентность во времени, выраженная способность к смысловой регуляции поведения, развитая произвольность, ответственность, адаптивность и стрессоустойчивость. Интернальность является значимым условием эффективности внутренней деятельности личностного выбора и принципиально неотделима от феномена выбора, поскольку на поведенческом уровне проявляется исключительно в актах субъектной избирательной активности при разрешении ситуации неопределенности.

Интернальность может характеризовать как человека в целом, так и его личность в отношении различных сфер жизни. Эффективная личностная структура локусов интернальности может быть выражено неравномерной (в континууме интернальный–экстернальный), что обусловлено факторами различной природы, в том числе ситуационными и социокультурными. В специфичных обстоятельствах структура локусов интернальности может оказываться не сбалансированной с фактическими личностными возможностями, в связи с чем связанная с интернальностью ответственность становится основанием для развития чрезмерного чувства вины и фактором риска общей психосоциальной дезадаптации, что принципиально компенсируется действием механизмов психологической защиты и развитием навыков конструктивного совладания с «тяжелыми» эмоциями – расширением интернальности в эмоциональной сфере.

Специфика осуществления человеком выбора по интернальному типу заключается в качественном своеобразии актуального функционирования личности, когда весь комплекс психологических феноменов, конституирующих процессы порождения и обращения с неопределенностью при

осуществлении выбора, реализуется с сохранением человеком субъектности, интенциональности и чувства ответственности и с опорой на внутренние силы и средства поведения. Все это позволяет воспринимать интернальность как интегральную личностную характеристику способности человека к владению собственным поведением.

Целесообразно говорить об уровне характера онтогенеза интернальности и рассматривать этот процесс в логике культурно-исторического развития высших психических функций, а также с учетом современных методологических представлений о личности как открытой психологической системе.

Проведенный теоретический анализ позволяет поставить проблемные вопросы о структурной сложности интернальности, о двух качественно различных, но взаимосвязанных уровнях реализации интернального поведения: (1) динамическая тенденция, направленность человека на взаимодействие с миром по интернальному типу (включая внутреннюю психологическую механику иррадиации и реализации этой тенденции в психологической системе, регуляционный аспект) и (2) репертуарный комплекс психологических «инструментов» – качеств, способностей, специфических навыков, стереотипов, ценностных представлений, тактик, стратегий и способов поведения (личностная компетенция), позволяющих человеку предметно реализовывать такую устремленность в более или менее широком круге жизненных ситуаций с большей или меньшей эффективностью (инструментальный аспект).

Если инструментальный аспект интернальности к настоящему времени изучен относительно подробно, то регуляционный аспект – природа и действующие факторы самой тенденции к интернальной активности – остаётся актуальным проблемным полем для психологической теории. Разработка данных вопросов предполагает дальнейшее изучение личностных факторов осуществления человеком интернального выбора.

Литература

1. Выготский Л.С. Проблемы развития психики // Выготский Л.С. Собр. соч. : в 6 т. М. : Педагогика, 1983. Т. 3. С. 6–328.
2. Rotter J.B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // Psychological Monographs. 1966. Vol. 80 (Whole № 609).
3. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. 3-е изд. СПб. : Питер, 2008. С. 376–391.
4. Weiner B., Kukla A. An attributional analysis of achievement motivation // Journal of Personality and Social Psychology. 1970. Vol. 15 (1). P. 1–20. doi:10.1037/h0029211
5. Рисмен Д. Некоторые типы характера и общество // Социологические исследования. 1993. № 7. С. 144–151.
6. Яницкий М.С., Серый А.В. Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 19-1. С. 82–97.
7. Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткинд А.М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. 1984. Т. 5, № 3. С. 152–162.

8. Бодалев А.А., Столин В.В., Аванесов В.С. Общая психодиагностика. СПб. : Речь, 2000. 440 с.
9. Современная психология мотивации / под ред. Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2002. 343 с.
10. Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. 1986. № 1. С. 52–65.
11. Бокова О.А. Особенности субъективного контроля у людей юношеского возраста с различной выраженностью личностной ригидности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2002. 24 с.
12. Bieri J. Cognitive complexity-simplicity and predictive behavior // The Journal of Abnormal and Social Psychology. 1955. Vol. 51 (2). P. 263–268. doi:10.1037/h0043308
13. Серый А.В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2004. 272 с.
14. Thayer S., Gorman B.S., Wessman A.E., Schmeidler G., Mannucci E.G. The Relationship between Locus of Control and Temporal Experience // The Journal of Genetic Psychology. 1975. Vol. 126 (2). P. 275–279. doi:10.1080/00221325.1975.10532342
15. Леонтьев Д.А., Пилипко Н.В. Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 97–110.
16. Серый А.В., Вечканова Е.М. Темпоральные аспекты актуализации смысловых граней субъективных образов переживания кризиса идентичности в период юности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 3, № 3 (63). С. 238–247.
17. Ощепкова Г.И. Проявления экстернальности и интернальности при зависимом поведении // Филология и культура. 2015. № 3 (41). С. 333–336.
18. Муздыбаев К. Стратегии совладания с жизненными трудностями. Теоретический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2. С. 37–47.
19. Шкуратова И.П., Анненкова Е.А. Личностные ресурсы как фактор совладания с кризисными ситуациями // Психология кризиса и кризисных состояний: междисциплинарный ежегодник. 2007. № 4. С. 17–23.
20. Бабич О.И., Терехова Т.А. Личностные ресурсы преодоления синдрома профессионального выгорания педагогов // Сибирский психологический журнал. 2009. № 31. С. 48–52.
21. Реан А.А., Баранов А.А. Факторы стрессоустойчивости учителей // Вопросы психологии. 1997. № 1. С. 46–54.
22. Муздыбаев К. Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегии совладания и индикаторы депривации // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 4–25.
23. Feather N.T. Valence of outcome and expectation of success in relation to task difficulty and perceived locus of control // Journal of Personality and Social Psychology. 1967. Vol. 7 (4, pt. 1). P. 372–386. doi:10.1037/h0025184
24. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2004. 608 с.
25. Муздыбаев К. Психология ответственности. Л. : Наука, 1983. 240 с.
26. Карась Д.В. Категориальное пространство интернализации личностного выбора // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331. С. 177–180.
27. Реан А.А. Психология изучения личности : учеб. пособие. СПб. : Изд. В.А. Михайлова, 1999. 288 с.
28. Шамионов Р.М. Психология социального поведения личности : учеб. пособие. Саратов : Наука, 2009. 186 с.
29. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Питер, 2002. 272 с.
30. Мацумото Д. Психология и культура. СПб. : Прайм-Еврознак, 2002. 416 с.
31. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М. : Политиздат, 1989. С. 319–344.

32. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М. : Класс, 1999. С. 245.
33. Мэй Р. Сила и невинность: в поисках истоков насилия. М. : Смысл, 2001. 319 с.
34. Карась Д.В., Серый А.В. Постнеклассический взгляд на психологию выбора в терминах «отношение», «интенциональность» и «смысл» // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. 2016. № 4. С. 100–112.
35. Реан А.А. Проблемы и перспективы развития концепции локуса контроля личности // Психологический журнал. 1998. № 4. С. 3–12.
36. Сатир В. Психотерапия семьи. СПб. : Речь, 2000. 281 с.
37. Бокова О.А. К вопросу о теоретических основах изучения психологических феноменов ответственности и локуса контроля // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48). С. 181–183.
38. Серый А.В., Карась Д.В. Уровень напряженности защитных механизмов личности в зависимости от типа актуального смыслового состояния // Сибирский психологический журнал. 2007. № 25. С. 29–34.
39. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд., испр. М. : Смысл, 2003. 487 с.
40. Карась Д.В., Миллер Н.А. Обусловленность выраженности эмпатии и чувствительности к отвержению при межличностном общении фактором актуального смыслового состояния // Студент и научно-технический прогресс : Психология материалы XLVIII Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 2010. С. 50–51.
41. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М. : Смысл, 1993. С. 38–39.
42. Корнилова Т.В. Динамическое функционирование интеллектуально-личностного потенциала человека в психологической регуляции решений и выборов // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. 2011. № 1. С. 67–78.
43. Корнилова Т.В. Неопределенность, выбор и интеллектуально-личностный потенциал человека // Методология и история психологии. 2009. № 4 (4). С. 47–59.
44. Галажинский Э.В., Ключко В.Е. Категория «отношение» в психологии в свете парадигмальной динамики науки // Мир психологии. 2011. № 4 (68). С. 14–31.
45. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2011. 675 с.
46. Дергачева О.Е., Дорфман Л.Я., Леонтьев Д.А. Русскоязычная адаптация опросника каузальных ориентаций // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. 2008. № 3. С. 91–106.
47. Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М. : Смысл, 2010. 334 с.
48. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск : Том. гос. ун-т, 2005. 174 с.
49. Калитеевская Е.Р., Леонтьев Д.А., Осин Е.Н., Бородкина Н.И. Смысл, адаптация и самодетерминация у подростков // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 79.
50. Дергачева О.Е. Личностная автономия как предмет психологического исследования : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. С. 7.
51. Трофимова Ю.В. Суверенизация личности как предмет постнеклассической психологии // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 1 (2). С. 67.
52. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения. Томск : Томский государственный университет, 2009. 240 с.
53. Ключко В.Е., Лукьянов О.В. Личностная идентичность и проблема устойчивости человека в меняющемся мире: системно-антропологический ракурс // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 333–336.

Поступила в редакцию 26.11.2016 г.; повторно 27.02.2017 г.; принята 02.05.2017 г.

Сведения об авторе:

КАРАСЬ Дмитрий Викторович, научный сотрудник лаборатории моделирования управленческих технологий Научно-исследовательского института комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний (Кемерово, Россия). E-mail: dv.karas@gmail.com

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE UNDERSTANDING OF INTERNALITY AS A PSYCHOLOGICAL PHENOMENON

Siberian journal of psychology, 2017, 64, 24–48. DOI: 10.17223/17267080/64/2

Karas' Dmitry V., Federal State Budgetary Institution Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: dv.karas@gmail.com

Key words: personality; internality; locus of control; personal choice; uncertainty; subjectivity; responsibility; self-determination; sovereignty; personal regulation of behavior.

The concept of internality refers to the psychology of processes and mechanisms, performing which a person takes possession of his behavior when the cause of what is happening belongs to his own activity.

The purpose of the article is to reveal basic theoretical and methodological approaches to the understanding of internality and to formulate several problematic issues regarding the comprehension of this phenomenon.

Internality category is substantively incoherent; it contains a number of relatively independent concepts.

The main concepts are: locus of control, as a generalized experience of the control of reinforcements (J. Rotter), locus of causality, as the tendency to perceive events as reasons by persons own activity (F. Haider, B. Weiner), the concept of Self-reinforcement (A. Bandura), tendency to make decisions based on internal values and motivational orientation (B. Weiner, D. Riesman), the locus of causal orientations (in self-determination theory of E. Deci, R. Ryan).

Numerous studies indicate the sustainable relationships between various aspects of internality with the wide range of psychological characteristics: cognitive complexity, depth, eventfulness of subjective temporal perspective, overall personal temporal-competence, the ability of value-semantic regulation of behavior, developed voluntariness, responsibility, and adaptability. In addition, internality is an important factor of the effectiveness of the internal personal choice activity, as a complicated behavioral act of resolving situations of uncertainty.

Internality is being formed during a person's interaction with the world as a result of generalization of interaction experiences and depends on internal, social, and cultural factors.

The analysis allows us to talk about the internality as an integral personality characteristic, indicating the uniqueness of the flow of psychological phenomena which constitute the processes of active generation of uncertainty and its subjective, intentional and responsible resolving in the implementation of personal choice.

It is reasonable to pose a question regarding the structural complexity of internality including the issue of two levels of the internal behavior implementation: focus on the subjective attitude towards reality (regulating aspect) and personal competence, which allows realizing this direction in the various life situations with greater or lesser efficiency (instrumental aspect).

The instrumental aspect of internality (what and with what psychological means a person chooses while making a personal choice) was studied in some details. The regulating aspect (what is the nature and the factors of the current inclination to the internal activity) is a relevant question in the field of the psychological theory

References

1. Vygotskiy, L.S. (1983) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works. In 6 vols]. Vol. 3. Moscow: Pedagogika. pp. 6–328.

2. Rotter, J.B. (1966) Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychological Monographs*. 80(1). pp. 1–28. DOI: 10.1037/h0092976
3. Hjel, L. & Ziegler, D. (2008) *Teorii lichnosti* [Personality Theories]. 3rd ed. Translated from English by S. Melenevskaya, D. Viktorova. St. Petersburg: Piter. pp. 376–391.
4. Weiner, B. & Kukla, A. (1970). An attributional analysis of achievement motivation. *Journal of Personality and Social Psychology*. 15(1). pp. 1–20. DOI: 10.1037/h0029211
5. Rismen, D. (1993) Nekotorye tipy kharaktera i obshchestvo [Some types of character and society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 7. pp. 144–151.
6. Yanitskiy, M.S. & Seryy, A.V. (2012) Osnovnye metodologicheskie podkhody k izucheni-yu tsennostno-smyslovoy sfery lichnosti [The main methodological approaches to the study of the personality's axiological sphere]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University*. 19-1. pp. 82–97.
7. Bazhin, E.F. Golyunkina, E.A. & Etkind, A.M. (1984) Metod issledovaniya urovnya sub"ektivnogo kontrolya [A method for investigating the level of subjective control]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 5(3). pp. 152–162.
8. Bodalev, A.A., Stolin, V.V. & Avanesov, V.S. (2000) *Obshchaya psikhodiagnostika* [General psychodiagnosis]. St. Petersburg: Rech'.
9. Leontyev, D.A. (ed.) (2002) *Sovremennaya psikhologiya motivatsii* [Modern psychology of motivation]. Moscow: Smysl.
10. Vygotsky, L.S. (1986) Konkretnaya psikhologiya cheloveka [Specific human psychology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14: Psikhologiya – Moscow University Herald. Series 14. Psychology*. 1. pp. 52–65.
11. Bokova, O.A. (2002) *Osobennosti sub"ektivnogo kontrolya u lyudey yunosheskogo voz-rasta s razlichnoy vyrazhennost'yu lichnostnoy rigidnosti* [Subjective control in adoles-cence with different personal rigidity]. Abstract of Psychology Cand. Diss. Barnaul.
12. Bieri, J. (1955) Cognitive complexity-simplicity and predictive behavior. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 51(2). pp. 263–268. DOI: 10.1037/h0043308
13. Seryy, A.V. (2004) *Sistema lichnostnykh smyslov: struktura, funktsii, dinamika* [The System of Personal Meanings: Structure, Functions, Dynamics]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
14. Thayer, S., Gorman, B.S., Wessman, A.E., Schmeidler, G. & Mannucci, E.G. (1975) The Relationship between Locus of Control and Temporal Experience. *The Journal of Genetic Psychology*. 126(2). pp. 275–279. DOI: 10.1080/00221325.1975.10532342
15. Leontyev, D.A. & Pilipko, N.V. (1995) Vybory kak deyatelnost': lichnostnye determinanty i vozmozhnosti formirovaniya [Choice as activity: Personal determinants and possibilities of formation]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 97–110.
16. Seryy, A.V. & Vechkanova, E.M. (2015) Temporal aspects of the actualisation of the semantic facets of subjective images in the experience of identity crisis during adoles-cence. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University*. 3(63). pp. 238–247. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2015-3-238-247
17. Oshchepkova, G.I. (2015) Proyavleniya eksternal'nosti i internal'nosti pri zavisimom povedenii [Manifestations of externality and internality under dependent conduc]. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 3(41). pp. 333–336.
18. Muzdybaev, K. (1998) Strategii sovladaniya s zhiznennymi trudnostyami. Teoreticheskiy analiz [Strategies for coping with life's difficulties. Theoretical analysis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 1(2). pp. 37–47.
19. Shkuratova, I.P. & Annenkova, E.A. (2007) Lichnostnye resursy kak faktor sovladaniya s krizisnymi situatsiyami [Personal resources as a factor in coping with crisis]. *Psikhologiya krizisa i krizisnykh sostoyaniy*. 4. pp. 17–23.
20. Babich, O.I. & Terekhova, T.A. (2009) Personal resources of overcoming the teachers' professional stagnation syndrome. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 31. pp. 48–52. (In Russian).

21. Rean, A.A. & Baranov, A.A. (1997) Faktory stressoustoychivosti uchiteley [Teachers' stress resistance factors]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 46–54.
22. Muzdybaev, K. (2001) Perezhivanie bednosti kak sotsial'noy neudachi: atributsiya otvetstvennosti, strategii sovladaniya i indikatory deprivatsii [Poverty as a social failure: Attribution of responsibility, coping strategies and indicators of deprivation]. *Sotsiologicheskii zhurnal – Sociological Journal*. 1. pp. 4–25.
23. Feather, N.T. (1967) Valence of outcome and expectation of success in relation to task difficulty and perceived locus of control. *Journal of Personality and Social Psychology*. 7(4/1). pp. 372–386. DOI: 10.1037/h0025184
24. Nutten, J. (2004) *Motivatsiya, deystvie i perspektiva budushchego* [Motivation, action and the prospect of the future]. Translated from French by E. Pyataeva, N. Tolstykh, V. Shevyakhova. Moscow: Smysl.
25. Muzdybaev, K. (1983) *Psikhologiya otvetstvennosti* [Psychology of Responsibility]. Leningrad: Nauka.
26. Karas, D.V. (2010) Kategorial'noe prostranstvo internalizatsii lichnostnogo vybora [Categorical space of internalisation of personal choice]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 331. pp. 177–180.
27. Rean, A.A. (1999) *Psikhologiya izucheniya lichnosti* [Psychology of personality studies]. St. Petersburg: V.A. Mikhaylov.
28. Shamionov, R.M. (2009) *Psikhologiya sotsial'nogo povedeniya lichnosti* [Psychology of social behavior of the individual]. Saratov: Nauka.
29. Kholodnaya, M.A. (2002) *Psikhologiya intellekta: Paradoksy issledovaniya* [Psychology of Intellect: Paradoxes of Research]. 2nd ed. St. Petersburg: Piter.
30. Matsumoto, D. (ed.) (2002) *Psikhologiya i kul'tura* [Culture and Psychology]. Translated from English by T. Gutman. St. Petersburg: Praym-Evroznak.
31. Sartre, J.-P. (1989) Ekzistentsializm – eto gumanizm [Existentialism is humanism]. In: Nietzsche, F. et al. *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods]. Moscow: Politizdat. pp. 319–344.
32. Yalom, I. (1999) *Ekzistentsial'naya psikhoterapiya* [Existential psychotherapy]. Translated from English by T. Drabkina. Moscow: Klass. pp. 245.
33. May, R. (2001) *Sila i nevinnost': v poiskakh istokov nasiliya* [Power and Innocence: In Search of the Sources of Violence]. Translated from English by A. Ponogrebky. Moscow: Smysl.
34. Karas, D.V. & Seryy, A.V. (2016) Postnonclassical view of the psychology of choice in the terms of “attitude”, “intentionality” and “meaning”. *Vestnik psikhologii i pedagogiki Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. pp. 100–112. (In Russian).
35. Rean, A.A. (1998) Problemy i perspektivy razvitiya kontseptsii lokusa kontrolya lichnosti [Problems and perspectives of the development of the concept of personality control locus]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 4. pp. 3–12.
36. Satir, V. (2000) *Psikhoterapiya sem'i* [Family Psychotherapy]. Translated from english by I. Avidon, O. Isakova. St. Petersburg: Rech'.
37. Bokova, O.A. (2014) K voprosu o teoreticheskikh osnovakh izucheniya psikhologicheskikh fenomenov otvetstvennosti i lokusa kontrolya [On theoretical foundations of the study of psychological phenomena of responsibility and the locus of control]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 5(48). pp. 181–183.
38. Seryy, A.B. & Karas, D.V. (2007) Uroven' napryazhennosti zashchitnykh mekhanizmov lichnosti v zavisimosti ot tipa aktual'nogo smyslovogo sostoyaniya [The level of tension of the individual's defense mechanisms, depending on the type of the actual semantic state]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal Siberian Journal of Psychology*. 25. pp. 29–34.
39. Leontyev, D.A. (2003) *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti* [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of meaningful reality]. 2nd ed. Moscow: Smysl.
40. Karas, D.V. & Miller, N.A. (2010) [Expression of empathy and sensitivity to rejection in interpersonal communication conditioned by actual semantic state]. *Student i nauchno-*

- tekhnicheskii progress* [Student and Scientific Progress]. Proc. of the 48th International Conference. Novosibirsk. pp. 50–51. (In Russian).
41. Leontyev, D.A. (1993) *Ocherk psikhologii lichnosti* [Essay on the psychology of personality]. Moscow: Smysl. pp. 38–39.
 42. Kornilova, T.V. (2011) Dinamicheskoe funktsionirovanie intellektual'no-lichnostnogo potentsiala cheloveka v psikhologicheskoy regulyatsii resheniy i vyborov [Dynamic functioning of the person's intellectual and personal potential in the psychological regulation of decisions and elections]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya – Moscow University Herald. Series 14. Psychology*. 1. pp. 67–78.
 43. Kornilova, T.V. (2009) Neopredelennost', vybor i intellektual'no-lichnostnyy potentsial cheloveka [Uncertainty, choice and intellectual and personal potential of a person]. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*. 4(4). pp. 47–59.
 44. Galazhinsky, E.V. & Klochko, V.E. (2011) Kategoriya “otnoshenie” v psikhologii v svete paradigmal'noy dinamiki nauki [The category of “attitude” in psychology in terms of paradigmatic dynamics of science]. *Mir psikhologii*. 4(68). pp. 14–31.
 45. Leontyev, D.A. (ed.) (2011) *Lichnostnyy potentsial: struktura i diagnostika* [Personality Potential: Structure and Siagnostics]. Moscow: Smysl.
 46. Dergacheva, O.E., Dorfman, L.Ya. & Leontyev, D.A. (2008) Russkoyazychnaya adaptatsiya oprosnika kauzal'nykh orientatsiy [Russian-language adaptation of the questionnaire of causal orientations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya – Moscow University Herald. Series 14. Psychology*. 3. pp. 91–106.
 47. Kornilova, T.V., Chumakova, M.A., Kornilov, S.A. & Novikova, M.A. (2010) *Psikhologiya neopredelennosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnogo potentsiala cheloveka* [Psychology of uncertainty: The unity of the person's intellectual and personal potential]. Moscow: Smysl.
 48. Klochko, V.E. (2005) *Samoorganizatsiya v psikhologicheskikh sistemakh: problemy stanovleniya mental'nogo prostranstva lichnosti (vvedenie v transspektivnyy analiz)* [Self-organisation in psychological systems: Problems of individual mental space formation (introduction to transpective analysis)]. Tomsk: Tomsk State University.
 49. Kaliteevskaya, E.R., Leontyev, D.A., Osin, E.N. & Borodkina, N.I. (2007) Smysl, adaptatsiya i samodeterminatsiya u podrostkov [Sense, adaptation and self-determination in adolescents]. *Voprosy psikhologii*. 2. pp. 79.
 50. Dergacheva, O.E. (2005) *Lichnostnaya avtonomiya kak predmet psikhologicheskogo issledovaniya* [Personal autonomy as a subject of psychological research]. Abstract of Psychology Cand. Diss. Moscow. pp. 7.
 51. Trofimova, Yu.V. (2012) Personal sovereignisation as an object of post-nonclassical psychology. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Altai State University Journal*. 1(2). pp. 67. (In Russian).
 52. Klochko, V.E. & Galazhinskiy, E.V. (2009) *Psikhologiya innovatsionnogo povedeniya* [Psychology of innovative behavior]. Tomsk: Tomsk State University.
 53. Klochko, V.E. & Lukyanov, O.V. (2009) Personality identity and the problem of personal steadiness in the changing world: System and anthropological approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 324. pp. 333–336. (In Russian).

Received 26.11.2016;

Revised 27.02.2017;

Accepted 02.05.2017

УДК 159.99

DOI: 10.17223/17267080/64/3

**Э.И. Мещерякова¹, О.Ю. Горчакова¹, А.В. Ларионова²,
Н.В. Козлова¹, А.А. Гриднева¹**

¹*Томский государственный университет (Томск, Россия)*

²*Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники
(Томск, Россия)*

Особенности саморегуляции руководящего состава сотрудников пенитенциарной службы

В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта (№ 8.1.78.2015) в рамках Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Рассматривается проблема актуального направления в зарубежной и отечественной психологической науке – саморегуляция профессионала в экстремальных условиях деятельности. Приведены результаты эмпирического исследования, показывающие на примере профессиональной деятельности руководителей пенитенциарных учреждений различия индивидуально-психологических и управленческих качеств сотрудников в зависимости от уровня саморегуляции.

Ключевые слова: саморегуляция; руководитель; профессиональные компетенции; экстремальная профессия; пенитенциарная служба.

Проблема саморегуляции и саморегуляционной деятельности – одна из наиболее актуальных и перспективных направлений исследования современной психологии, как отечественной [1–5], так и зарубежной [6–9]. Острота и сложность проблемы саморегуляции, которая является необходимым психологическим средством профессиональной активности субъекта и выступает предиктором успешности в ней, детерминируется ее ролью в изучении смежных предметных областей психологической науки. В литературе обнаруживается широкий спектр методологических и методических подходов к исследованию личности профессионала, их объединяет рассмотрение профессионала как субъекта метасистемы «профессиональная среда–личность–социум» [1].

Развитие современной психологической мысли способствовало расширению взглядов на понятие, функционирование и характеристики саморегуляции в структуре системного, структурно-функционального, дифференциального и индивидуально-стилевого подходов [2, 3, 10]. В обобщенном виде саморегуляцию можно охарактеризовать как целенаправленную организацию и управление человеком всеми видами и формами внешней и внутренней активности с целью оптимизации взаимодействия с факторами внешней и внутренней среды. Согласно представлениям, развиваемым лабораторией психологии саморегуляции Психологического института РАО,

под психической саморегуляцией понимается многоуровневый процесс по инициации и управлению психической активностью для достижения осознанно выдвинутых и принятых субъектом целей, моделирования значимых условий их достижения, программирования конкретных действий, оценивания и корректирования деятельности и ее результатов [2, 11–12]. Рассмотрение многоуровневой системы саморегуляции не только позволяет определить уровень сформированности саморегуляции, но и выявить, какой из компонентов системы нуждается в целенаправленном развитии с целью нивелирования слабых сторон субъекта и повышения продуктивности его деятельности [3].

Психология профессиональной деятельности как одна из ведущих предметных областей психологического знания выводит проблему саморегуляции на новый концептуальный уровень, связанный с повышением надежности, эффективности и продуктивности деятельности человека в трудовой сфере, особенно в связи с работой в экстремальных условиях и ростом стрессогенных ситуаций, когда регуляция психического состояния человека выступает в качестве важнейшего условия эффективности его деятельности. Интерес к этой проблеме определяется объективными причинами, в том числе расширением диапазона стрессоров, влияющих на человека, а также повышением силы и частоты их воздействия [13]. Отсутствие сформированной саморегуляции в системе «деятельность–состояние–личность» приводит к увеличению вероятности возникновения профессиональных рисков (эмоциональное выгорание, ошибки в выполнении непосредственных служебных обязанностей, профдеформация, профдевиация). Отмечается, что саморегуляция в ситуации риска играет первостепенную роль при принятии решений и выборе стратегий поведения в условиях неопределенности [14]. Саморегуляция активности субъекта в ситуациях риска является не только рациональным процессом, реализуемым когнитивными средствами, но и эмоциональным, включающим отношение субъекта к ситуации. Рассмотрение процесса саморегуляции требует учета нескольких факторов, включающих непосредственно саму деятельность, успешность в ее осуществлении и психоэмоциональное состояние субъекта данной деятельности в процессе ее реализации.

Проблема саморегуляции в профессиях экстремального профиля как необходимой составляющей профессионально-личностных компетенций была затронута в ряде работ [1–2, 11], однако рассмотрения особенностей саморегуляции руководящего звена в профиле профессий экстремального типа в отечественной литературе практически не представлено. На необходимость такого изучения указывает тот факт, что руководящая должность в экстремальном профиле деятельности является дополнительным фактором риска. Так, И.Ю. Кобозев провел серию исследований на определение особенностей профессионального стресса руководителей экстремального профиля (на примере ОВД) и показал, что уровень стресса руководителей ОВД в целом более высокий, чем у сотрудников ОВД, не занимающих руководящие посты [15].

Система саморегуляции является важнейшей составляющей психологического портрета современного руководителя. В акмеологической литературе описаны ключевые управленческие компетенции руководителя, учитывающие возможности и уровни саморегуляции, сопряженные с управленческими компетенциями [16–17]. Ими являются, например, умение управлять временем (тайм-менеджмент), толерантность к стрессу, самомотивация, развитие навыков управления эмоциями, выявление, определение и решение проблем, управление конфликтами, способность поставить себя на место другого человека, наставничество, эффективная межличностная коммуникация, способность принимать решения, стимулирование и мотивация других лиц и др.

Несмотря на широкий спектр исследований в области психологии саморегуляции, проблема профессиональной, управленческой компетентности руководителей пенитенциарных учреждений, связанная с проблемой саморегуляции, разработана недостаточно, поэтому требует более глубокого анализа и уточнения. Особое значение эта система приобретает в деятельности руководства пенитенциарных учреждений в силу потенциальной экстремальности поведения осужденных за преступления. К основным экстремальным факторам пенитенциарной службы, помимо вероятности экстремальных ситуаций, следует отнести «трудный» контингент осужденных, изоляцию условий профессиональной деятельности и низкую престижность профессии. Профессиональное функционирование руководства пенитенциарных учреждений является эмоционально напряженным видом социальной активности и входит в группу профессий с постоянным присутствием негативно выраженных стрессоров. Хроническая эмоциональная насыщенность профессиональной деятельности требует от пенитенциариев наличия больших резервов самообладания и навыков саморегуляции. В исследованиях проблемы саморегуляции, связанной с взаимодействием руководителя с социумом экстремального характера, как правило, ищется ответ на ключевой вопрос: какие психологические и ситуативные факторы обуславливают достаточный уровень саморегуляции для успешной деятельности в этих условиях. При этом фокус внимания на рисках и угрозах провоцирует постановку вопроса в направлении противопоставления «нормативного» и «патологического» в личностных и коммуникативных особенностях руководителей [18].

Разработанные теоретические основания исследования позволили сформулировать цель исследования – анализ системы саморегуляции руководителей пенитенциарной службы. Центральным для данной работы является предположение, что структура индивидуальных особенностей саморегуляции (стиля саморегуляции) и его уровней детерминируется личностными особенностями человека и профессионально-средовыми факторами. Задачи исследования были сформулированы как выявление взаимосвязи уровня саморегуляции, общего психического состояния и управленческого потенциала руководителей экстремального профиля деятельности – пенитенциарной службы, психологических факторов, обеспечивающих оптимизацию

управленческих компетенций в условиях экстремальной профессиональной деятельности, определение основных трудностей и несформированных компетенций с целью последующего коррекционного и психотерапевтического воздействия.

Выборка и методы исследования. В соответствии с целью исследования была сформирована выборка, ее составили группы респондентов – сотрудников руководящего звена ФСИН, которые позволили изучить качественные особенности саморегуляции в условиях экстремальной деятельности. Пенитенциарная служба расценивалась нами как среда с повышенным уровнем профессиональных рисков, где высокая концентрация стрессогенных факторов приводит к деструкциям личности и дезорганизации профессиональной деятельности. В исследовании приняли участие 93 сотрудника ФСИН, из них 72 (77%) сотрудника мужского пола, 21 (23%) – женского. Асимметричность выборки по полу обусловлена кадровой спецификой профессиональной деятельности ФСИН. Возраст участников исследования от 27 до 52 лет (средний возраст 38,2 года). Все испытуемые на момент исследования занимали руководящие должности среднего и высшего звена.

Для изучения особенностей саморегуляции и психического состояния сотрудников ФСИН, а также для определения управленческого потенциала руководящего состава применялось 6 методик с 29 переменными, которые составили, по нашим представлениям, предметное семантическое поле исследуемой проблемы.

1. Методика «Стиль саморегуляции поведения» (ССП), авторы В.И. Моросанова, Е.М. Коноз. Методика позволяет диагностировать степень развития осознанной саморегуляции и ее индивидуальные профили, компонентами которых являются частные регуляторные процессы. Методика состоит из 6 шкал, выделенных в соответствии с основными регуляторными процессами: планирование, моделирование, программирование, оценка результатов, гибкость, самостоятельность, и единой шкалы общего уровня саморегуляции [10, 12].

2. Методика «Определение психического выгорания» (ОПВ) в адаптации А.А. Рукавишникова. Опросник направлен на интегральную диагностику психического «выгорания», включающую различные подструктуры личности: психоэмоциональное истощение, деперсонализация, профессиональная мотивация [19. С. 249].

3. Методика «Личностная агрессивность и конфликтность» (ЛАК), авторы Е.П. Ильин и П.А. Ковалев. Методика предназначена для выявления в качестве личностной характеристики склонности субъекта к конфликтности и агрессивности, для определения дифференцированного уровня агрессивности по двум полюсам – позитивной и деструктивной агрессивности [19. С. 150].

4. Опросник экспресс-оценки управленческого потенциала руководителя (ОПР), авторы Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. Опросник предназначен для выявления степени развития управленческого потенциала,

актуального уровня управленческих способностей, который дифференцируется в трех диапазонах – низкий, средний, высокий [19. С. 183].

5. Методика «Оценка коммуникативных и организаторских склонностей» (КОС), авторы В.В. Сиявский и Б.А. Федоришин. Методика предназначена для диагностики потенциальных возможностей людей в развитии их коммуникативных и организаторских способностей [20. С. 97].

6. Методика «Ориентационные стили профессионально-деятельностного общения» (СПДО), авторы Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. Предназначена для определения доминирующего ориентационного стиля (ориентация на действие, на процесс, на людей или на перспективу, будущее) в профессионально-деятельностном общении [19. С. 203].

Процедура проведения исследования. Тестирование проводилось индивидуально в бланковом режиме на бумажных и электронных носителях. У респондентов предварительно устно спрашивали согласие участвовать в исследовании, информировали участников о том, что они могут завершить тестирование в любой момент. Участникам исследования пояснялись процедура тестирования, цель исследования; инструкция к каждой методике предъявлялась в устной и письменной форме. Время выполнения тестовых методик не ограничивалось. Для обработки полученных данных применялась программа STATISTICA 6.0.

Результаты. Для определения уровня развития саморегуляции руководящего состава ФСИН использовался иерархический кластерный анализ наблюдений (испытуемых) с использованием метода Уорда на основе евклидовых метрик, в качестве переменных использовались шкалы методики «Стиль саморегуляции поведения». По результатам кластерного анализа (рис. 1) было выделено 4 группы испытуемых в зависимости от уровня саморегуляции.

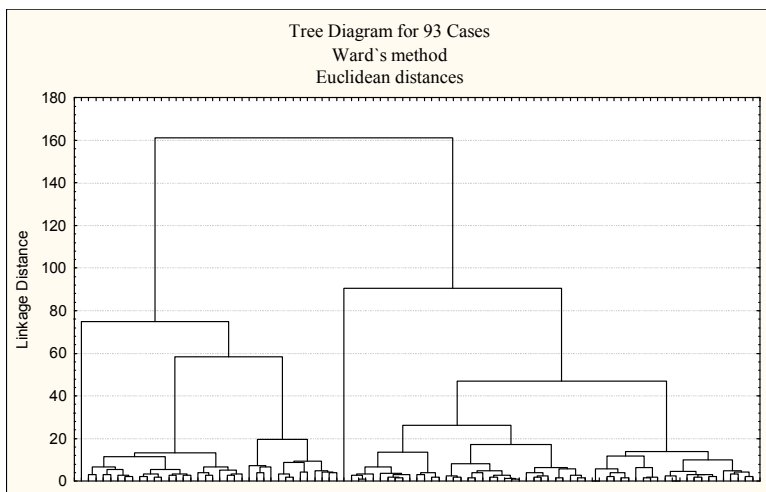

Рис. 1. Иерархическая кластеризация испытуемых

Для выявления и анализа различий между выделенными группами обратимся к гистограмме нормального распределения по шкале «Общий уровень саморегуляции» (рис. 2). В первую группу (кластер) вошли респонденты со средним уровнем саморегуляции ($N = 22$), во вторую – респонденты с низким уровнем саморегуляции ($N = 13$), в третью – с показателем выше среднего ($N = 33$), в четвертую – с высокими показателями ($N = 22$).

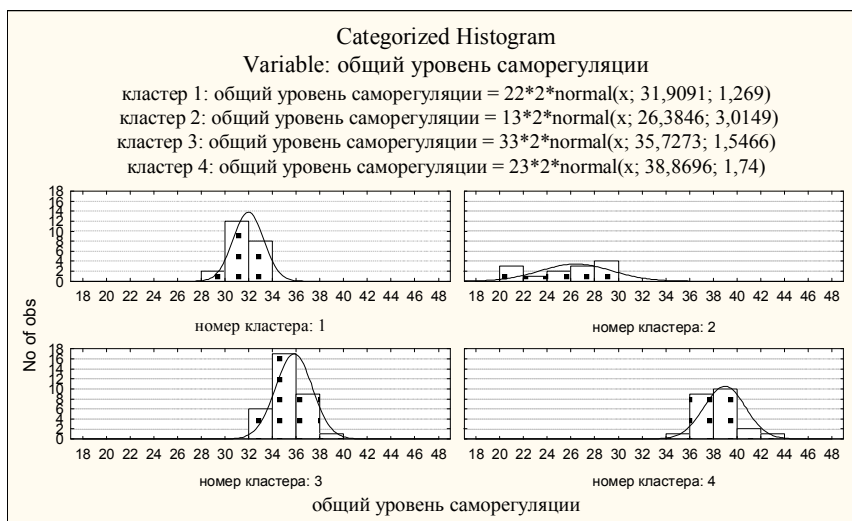

Рис. 2. Гистограмма распределения значений в 4 группах (кластерах)

С целью определения шкал, которые внесли вклад в каждый кластер, значимость их различий проверялась с помощью непараметрического критерия Краскала–Уоллиса. Значимые различия ($p \leq 0,01$) показали 5 показателей из 7 по методике ССП: планирование, моделирование, программирование, самостоятельность, общий уровень саморегуляции.

Для получения детализированных данных о различиях между кластерами значимость различий была также проверена попарно с помощью непараметрического критерия Манна–Уитни. Полученные результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Значимость различий между кластерами (по критерию Манна–Уитни)

Методика	Показатель	Сравниваемые кластеры						
		Все 4 кластера	1 и 2	1 и 3	1 и 4	2 и 3	2 и 4	3 и 4
ЛАК	Вспыльчивость	**	**					
	Напористость	* и **	*			**		
	Обидчивость	*				*		

Окончание табл. 1

Методика	Показатель	Сравняемые кластеры						
		Все 4 кластера	1 и 2	1 и 3	1 и 4	2 и 3	2 и 4	3 и 4
	Неуступчивость							
	Бескомпромиссность							
	Мстительность							
	Нетерпимость к мнению других	*			*			*
	Подозрительность							
	Позитивная агрессивность							
	Негативная агрессивность	*			*			*
	Конфликтность	*	*			*	*	
КОС	Коммуникативные склонности	*	*				*	
	Организаторские склонности	**	**			*	*	
ОПВ	Шкала психоэмоционального истощения	*				*	*	
	Шкала личностного отдаления	*				*	*	
	Шкала снижения профессиональной мотивации	**			**		**	
	Индекс психического выгорания	*				*	*	
СПДО	Ориентация на действие	**			**			
	Ориентация на процесс	*	*				*	*
	Ориентация на людей	* и **	**			*	*	
	Ориентация на перспективу	*			*		*	*
ОПР	Управленческий потенциал	*	*			*	*	
ССП	Планирование	*		*	*	*	*	*
	Моделирование	*	*			*	*	
	Программирование	*	*		*	*	*	*
	Оценка результатов	*	*	*	*	*	*	
	Гибкость	*	*	*		*	*	
	Самостоятельность	*	*	*	*		*	*
	Общий уровень саморегуляции	*	*	*	*	*	*	*

Примечание. ** $p \leq 0,01$; * $p \leq 0,05$.

Из табл. 1 видно, что по 24 показателям из 29 обнаружены значимые различия между выделенными группами.

В табл. 2 представлены средние значения по шкалам, рассчитанные для испытуемых каждого из четырех кластеров, в единицах стандартного значения и отклонения.

Как видно из табл. 2, представителям первой группы / кластера ($N = 22$) свойственны средние значения по шкале «Общий уровень саморегуляции» в сочетании со средними показателями практически по всем шкалам использованных в исследовании методик. Их характерной особенностью являются наиболее низкие показатели самостоятельности по опроснику ССП, т.е. им присущ выраженный внешний локус-контроль.

Представителям данного кластера свойственна потребность в саморегуляции со стороны начальства, вышестоящих. Они нуждаются в помощи со стороны окружающих, всегда ориентированы на чужое мнение и внешние оценки своей деятельности. Кластер представителей этой группы получил название «саморегуляция руководителя-экстернала, ориентирующегося на вышестоящих».

Т а б л и ц а 2

Средние значения показателей кластеров

Методика	Показатель	Кластер 1 (N = 22)		Кластер 2 (N = 13)		Кластер 3 (N = 33)		Кластер 4 (N = 23)	
		Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение
ЛАК	Вспыльчивость	2,8	1,7	4,8	2,8	2,8	1,9	3,3	2,5
	Напористость	3,4	1,5	4,2	2,1	3,5	1,4	4,3	1,8
	Обидчивость	1,9	1,2	3,0	2,0	1,7	1,4	1,7	1,6
	Неуступчивость	2,8	1,8	2,4	1,9	2,9	1,9	3,6	2,0
	Бескомпромиссность	8,2	1,7	8,6	1,3	7,7	1,9	8,0	1,8
	Мстительность	2,5	1,7	2,8	1,6	2,4	2,2	3,0	1,9
	Нетерпимость к мнению других	2,0	1,4	2,3	1,4	1,8	1,7	3,3	1,8
	Подозрительность	2,2	1,6	3,9	1,7	2,8	1,9	3,0	1,9
	Позитивная агрессивность	6,1	2,8	6,5	2,7	6,4	2,9	7,9	3,7
	Негативная агрессивность	4,5	2,3	4,9	2,7	4,0	2,9	6,4	2,9
	Конфликтность	15,0	3,5	20,4	4,7	14,9	3,5	16,0	4,9
КОС	Коммуникативные склонности	15,8	2,2	12,2	4,7	14,8	3,3	15,8	1,8
	Организаторские склонности	16,1	2,1	13,9	3,0	16,0	1,5	16,6	1,9
ОПВ	Шкала психоэмоционального истощения	12,5	9,6	20,6	12,9	9,3	7,6	10,5	14,9
	Шкала личностного отдаления	13,8	6,5	20,5	6,0	12,3	5,4	10,5	7,7
	Шкала снижения профессиональной мотивации	22,1	6,9	24,1	9,4	20,6	7,5	17,7	5,5
	Индекс психического выгорания	48,4	6,4	65,2	7,3	40,3	6,1	38,6	5,2

Окончание табл. 2

Методика	Показатель	Кластер 1 (N = 22)		Кластер 2 (N = 13)		Кластер 3 (N = 33)		Кластер 4 (N = 23)	
		Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение
СПДО	Ориентация на действие	13,5	1,5	13,8	2,0	13,8	1,6	14,5	1,8
	Ориентация на процесс	17,8	1,3	15,8	2,1	17,0	2,1	18,3	1,3
	Ориентация на людей	17,7	1,3	16,1	2,2	17,6	1,6	17,9	1,7
	Ориентация на перспективу	10,8	3,0	9,2	3,4	11,4	2,6	13,0	3,3
ОПР	Управленческий потенциал	13,3	3,1	10,2	3,0	14,1	2,4	14,0	2,6
ССП	Планирование	6,1	1,5	5,7	1,7	7,1	1,4	8,2	0,9
	Моделирование	7,8	1,1	5,5	1,1	8,2	0,9	8,4	0,7
	Программирование	6,9	1,0	5,5	1,5	7,1	1,2	7,8	1,0
	Оценка результатов	6,0	1,2	4,8	1,5	7,1	0,9	6,8	0,9
	Гибкость	7,3	1,4	4,6	1,9	8,1	1,0	7,9	1,0
	Самостоятельность	2,5	1,2	4,5	1,7	3,7	1,8	6,2	1,4
	Общий уровень саморегуляции	31,9	1,3	26,4	3,0	35,7	1,5	38,9	1,7

Представители второй группы / кластера (N = 13) демонстрируют низкий уровень саморегуляции в сочетании с низкими средними значениями по шкалам методики КОС, СПДО (кроме шкалы «Ориентация на действие»), ОПР («Управленческий потенциал») и по шкалам методики ССП (кроме шкалы «Самостоятельность»). Для них характерны также высокие средние значения по шкалам методики ЛАК («Вспыльчивость», «Обидчивость», «Бескомпромиссность», «Подозрительность» и «Конфликтность») и по всем шкалам методики ОПВ (см. табл. 2). Характерными особенностями представителей второго кластера (группы) являются низкий коммуникативный потенциал, трудности в установлении контактов, выступлениях перед аудиторией, в отстаивании своего мнения. Сотрудникам, вошедшим в данный кластер, свойственны психоэмоциональное истощение (доходящее до уровня выгорания), низкая психическая устойчивость с раздражительностью, агрессивностью, снижением самооценки, неудовлетворенностью профессиональной деятельностью, снижением профессиональной мотивации достижения на фоне обидчивости, бескомпромиссности,

подозрительности и конфликтности. Но в силу имеющегося стажа и наработанного практического опыта они достаточно самостоятельны, хотя и действуют в рамках усвоенных рабочих стереотипов с ориентацией на окружающих и ближайшую перспективу. Кластер представителей этой группы получил название «саморегуляция выгорающего руководителя».

Представителям третьей группы / кластера (N = 33) свойственны значения выше среднего по шкале «Общий уровень саморегуляции», по многим показателям шкал кластер 3 схож с кластером 1. Как видно из табл. 1, у кластеров 1 и 3 наблюдаются различия лишь по методике ССП (кроме шкал «Моделирование» и «Программирование»). То есть отличительной особенностью представителей кластера 3 от представителей кластера 1 является умение самостоятельно и эффективно планировать деятельность, оценить изменение условий и скорректировать план действий. Согласно табл. 2 сотрудники данного кластера имеют самые низкие средние значения по сравнению с другими кластерами по шкале «Нетерпимость к мнению других» (ЛАК) и шкале «Психозмоциональное истощение» (ОПВ), а также высокие средние значения по шкале «Управленческий потенциал» (ОПР) и по шкалам «Оценка результатов» и «Гибкость» (ССП). Сотрудники, вошедшие в данный кластер, демонстрируют умение ладить с людьми, уважение к мнению других, стрессоустойчивость, способность справляться с непредвиденными, рискованными обстоятельствами. Кластер представителей этой группы получил название «саморегуляция продуктивного руководителя».

Четвертый кластер (N = 22) объединяет сотрудников с высокими значениями по шкале «Общий уровень саморегуляции» в сочетании с высокими средними значениями по шкалам методики ЛАК («Неуступчивость», «Мстительность», «Нетерпимость к мнению других», «Позитивная агрессивность», «Негативная агрессивность»), по шкале методики КОС («организаторские склонности»), по всем шкалам методики СПДО и по шкалам методики ССП (кроме шкал «Оценка результатов», «Гибкость»). Такие показатели у них сочетаются с низкими средними значениями (в сравнении с другими кластерами) по шкалам методики ОПВ (кроме шкалы психозмоционального истощения). Эти особенности компенсируются умением ориентации в трудных ситуациях, непринужденностью во взаимодействии с новыми людьми, инициативностью, самостоятельностью в принятии решений. Агрессивные тенденции у них появляются в процессе отстаивания своего мнения и достижения поставленных целей. Кластер представителей этой группы получил название «саморегуляция высокопродуктивного руководителя, компенсирующая негативную характерологию».

Обсуждение результатов. Проведенное исследование позволило детально изучить особенности взаимосвязи уровня саморегуляции, общего психического состояния и управленческого потенциала руководителей экстремального профиля деятельности – пенитенциарной службы.

Данные, полученные в исследовании, согласуются с результатами психологической литературы последних десятилетий о том, что професси-

онал, рассматриваемый через фокус саморегуляции, обладает определенными достоинствами [21] и что индивидуальные особенности саморегуляции характеризуются тем, как человек планирует и программирует достижение цели, учитывает значимые внешние и внутренние условия, оценивает результаты и корректирует свою активность для достижения субъективно-приемлемых результатов. Обобщая представления наиболее разработанных отечественных теорий и линий исследований саморегуляции деятельности [2, 11], можно заметить, что саморегуляция произвольной активности человека понимается как системно организованный психический процесс по инициации, построению, поддержанию и управлению всеми видами и формами внешней и внутренней активности, которые направлены на развитие саморегуляции и описываются ее индивидуальным профилем.

В этом подходе основной акцент делается на планировании действий и на индивидуально-стилевых характеристиках саморегуляции. В число переменных, охватываемых опросником стиливых особенностей саморегуляции поведения В.И. Моросановой, входят планирование целей, моделирование значимых условий их достижения, программирование действий, оценивание и коррекция результатов, гибкость, самостоятельность и общий уровень саморегуляции.

Однако постановка во главу угла целей как системообразующего основания саморегуляции ограничивает сферу применимости теории подхода О.А. Конопкиной и В.И. Моросановой, так как существенная часть человеческой активности действительно направлена на произвольное преследование осознаваемых целей, но неверно сводить к этому всю активность человека. Проведенный анализ показателей методик по группам (с помощью критерия различий Манна–Уитни), отличающимся уровнем саморегуляции, показал, что все четыре образованные группы имеют достоверные различия практически по всем шкалам использованных методик (за исключением шкал методики ЛАК «Неуступчивость», «Бескомпромиссность», «Подозрительность», «Позитивная агрессивность»). На наш взгляд, большой интерес представляют результаты, отражающие вклад уровня саморегуляции (низкого и высокого) в личностно-профессиональную сферу руководителей.

Руководители с низким уровнем саморегуляции. Полученные результаты позволяют отнести руководителей с низким уровнем саморегуляции к «группе риска», так как им свойственны сниженные значения показателей профессионально важных качеств: коммуникативных, организаторских и управленческих. Кроме того, высокие значения по индексу психологического выгорания свидетельствуют о том, что данная группа руководителей в ситуации стресса в первую очередь будет демонстрировать признаки истощения, проявляющиеся в хроническом эмоциональном и физическом утомлении, равнодушии и холодности по отношению к окружающим с признаками депрессии и раздражительности. Мотивационная сфера руководителей с низким уровнем саморегуляции также характеризуется снижением продуктивности профессиональной деятельности, опти-

мизма и заинтересованности в работе, оценки своей профессиональной компетентности и степени успешности работы с другими людьми.

Руководители с высоким уровнем саморегуляции. Характерной особенностью руководителей данной группы является чётко сформированная индивидуальная система осознанной саморегуляции (произвольной активности) в сочетании с развитой управленческой и организаторской сферой деятельности. Руководителей данной группы отличают умение ориентироваться в трудных ситуациях, самостоятельность в принятии решений, ориентация на достижение поставленных целей, умение детально планировать деятельность и распределять обязанности среди подчиненных, непринужденность во взаимодействии с окружающими и умение устанавливать новые контакты. Стоит уделить внимание особенностям коммуникативной сферы руководителей с высоким уровнем саморегуляции, которая характеризуется несколько противоречивым сочетанием стремления представителей данной группы к взаимодействию с окружающими, умением устанавливать отношения и разрешать конфликты с нетерпимостью к мнению других и мстительностью. Представителям данной группы свойственны тенденция к единоличному принятию решений, склонность игнорировать доводы и мнения других лиц; в случае реальной или предполагаемой угрозы, несправедливости или обиды со стороны они стремятся к неминуемому наказанию и даже мести. Выявленные характерные особенности рисуют образ инициативного и властного руководителя, который уверен в правильности и важности своего правления и не приемлет альтернативных точек зрения. На данном этапе исследования полученные взаимосвязи уровня саморегуляции и особенностей коммуникативной сферы мы отнесли к специфике профессиональной деятельности сотрудников ФСИН, где одним из основных условий взаимодействия руководителя и коллектива является точное и своевременное выполнение приказов вышестоящих. При высокой мотивации достижения цели руководители с высокой саморегуляцией способны формировать такой стиль саморегуляции, который позволяет компенсировать влияние негативных личностных особенностей, способных отрицательно повлиять на достижение профессиональных целей.

Выводы

1. Результаты исследования позволили углубить представления о саморегуляции и ее роли в руководящей деятельности представителей пенитенциарных учреждений путем выявления психологических факторов, обеспечивающих оптимизацию управленческих компетенций в условиях экстремальной профессиональной деятельности. Система саморегуляции обеспечивает осознанный контроль и управление своей активностью, что позволяет представителю руководящего звена пенитенциарной службы оптимизировать собственные коммуникативные, организаторские, мотивационные и эмоциональные ресурсы, повышающие эффективность и надежность профессиональной деятельности. Система осознанной саморегуляции позволяет реализовать индивидуальную устойчивость процессов

саморегуляции произвольной активности руководителя при воздействии стресс-факторов в напряженных условиях деятельности, мобилизовать личностные ресурсы, необходимые для эффективного функционирования и выполнения профессионально важных задач руководителя экстремального профиля деятельности, апеллируя к его мотивационной, коммуникативной, управленческой и организационной сферам.

2. Глубинное качественное изучение индивидуально-психологических характеристик руководителей позволяет выявить основные трудности и несформированные компетенции (навыки) с целью последующего коррекционного и психотерапевтического воздействия. Полученные результаты различий и особенностей взаимосвязи саморегуляции и профессионально важных качеств руководящего состава ФСИН позволяют говорить о необходимости дополнительного психологического сопровождения и обучения навыкам саморегуляции представителей данной группы рискованных (экстремальных) профессий.

Полученные результаты дают возможность продолжить исследований в этом направлении. Перспективной нам представляется разработка практических программ, направленных на повышение саморегуляции сотрудников экстремальных профессий, изучение динамики изменения ресурсов их личности в зависимости от развития уровня саморегуляции.

Литература

1. Дикая Л.Г. Психология саморегуляции функционального состояния субъекта в экстремальных условиях деятельности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2002.
2. Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. 2-е изд., испр. и доп. М. : Ленанд, 2011. 320 с.
3. Моросанова В.И. Развитие теории осознанной саморегуляции: дифференциальный подход // Вопросы психологии. 2011. № 3. С. 132–144.
4. Личностный потенциал. Структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2011. 675 с.
5. Рассказова Е.И. Саморегуляция в психологии здоровья и клинической психологии // Вопросы психологии. 2012. № 1. С. 75–82.
6. Кон И.С. Категория «Я» в психологии // Психологический журнал. 1981. Т. 2, № 3. С. 25–37.
7. Kuhl J. Action Control: The maintenance of motivational states // Motivation, Intention, and Volition. Berlin ; Heidelberg : Springer-Verl., 1987. P. 279–291.
8. Deci E.L., Ryan R.M. The «what» and «why» of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior // Psychological Inquiry. 2000. Vol. 11. P. 227–268.
9. Baumeister R.F., Vohs K.D., Tice D.M. The strength model of self-control // Current Directions in Psychological Science. 2007. Vol. 16. P. 396–403.
10. Моросанова В.И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) : руководство. М. : Когито-Центр, 2004. 44 с.
11. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции индивидуальных стилей саморегуляции человека. М. : Наука, 2001. 192 с.
12. Моросанова В.И., Коноз Е.М. Стилевая саморегуляция поведения человека // Вопросы психологии. 2000. № 2. С. 118–124.

13. Харламенкова Н.Е. Личностная безопасность и стратегии ее достижения // Проблемы психологической безопасности / отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. М. : Ин-т психологии РАН, 2012. С. 133–159.
14. Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. 2015. № 8 (40). С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.03.2016).
15. Кобозев И.Ю. Оценка интенсивности профессионального стресса и его влияния на копинг-поведение и механизмы психологической защиты руководителей ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2011. № 2. С. 45–49.
16. Деркач А.А., Казаков Ю.Н., Черняева В.В. Оптимизация устойчивости психического здоровья государственных служащих к экстремальным ситуациям. Ростов н/Д: Изд-во РИА-КМВ, 2008. 148 с.
17. Бережнова О.В., Пилюгина Е.И. Компетентность профессионала как психолого-акмеологическая проблема // Психология в России и за рубежом : матер. междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, октябрь 2011 г.). СПб. : Реноме, 2011. С. 60–63.
18. Мещерякова Э.И., Ларионова А.В., Горчакова О.Ю., Гриднева А.А. Сравнительный анализ гендерных особенностей эмоционально-коммуникативной сферы руководящего состава службы исполнения наказаний // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 163–172. doi: 10.17223/15617793/403/27
19. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. 339 с.
20. Батаршев А.В. Диагностика способности к общению. СПб. : Питер, 2006. 176 с.
21. Carver C.S., Scheier M.F. Control Processes and Self-Organization as Complementary Principles Underlying Behavior // Personality and Social Psychology Review. 2002. Vol. 6, № 4. P. 304–315.

Поступила в редакцию 17.01.2017 г.; принята 06.03.2017 г.

Сведения об авторах:

МЕЩЕРЯКОВА Эмма Ивановна, доктор психологических наук, профессор кафедры генетической и клинической психологии, руководитель лаборатории психологической экспертизы Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mei22@mail.ru

ГОРЧАКОВА Олеся Юрьевна, старший преподаватель кафедры организационной психологии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: avendus@mail.ru

ЛАРИОНОВА Анастасия Вячеславовна, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры философии и социологии Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: ravlova13@mail.ru

КОЗЛОВА Наталья Викторовна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой генетической и клинической психологии факультета психологии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: akme_2003@mail.ru

ГРИДНЕВА Алена Андреевна, аспирант кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: a_mia@ngs.ru

SPECIFIC FEATURES OF SELF-REGULATION AMONG MANAGERS IN THE PENITENTIARY SERVICE

Siberian journal of psychology, 2017, 64, 49–64. DOI: 10.17223/17267080/64/3

Meshcheryakova Emma I., Gorchakova Olesya Yu., Kozlova Natalia V., Gridneva Aлена A., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mei22@mail.ru; avendus@mail.ru; akme_2003@mail.ru; a_mia@ngs.ru

Larionova Anastasia V. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pavlova13@mail.ru

Keywords: self-regulation; manager; professional competence; extreme profession; penitentiary service.

The article addresses the problem of a current trend in foreign and domestic psychological science which is self-regulation among professionals working under extreme conditions. Self-regulation in risk situations plays a crucial role in making decisions and choosing strategies of behavior under conditions of uncertainty, which is not only a rational process implemented by cognitive mechanisms but also an emotional process including people's attitudes toward a situation. A set of extreme professions includes service of managers in the penitentiary service, which is associated with emotionally intense social activity and involves a constant presence of pronounced negative stressors. Studying the problem of self-regulation related to the interaction of managers with the socium of extreme nature focuses on answering the key question: What psychological and situational factors contribute to a sufficient level of self-regulation for successful activities under stress conditions? To analyze the system of self-regulation among managers in the penitentiary service we conducted a research using 6 standardized psychodiagnostic technique: Behaviour Self-Regulation Style (V.I. Morosanova, E.M. Konozy); Burnout Assessment, adapted by A.A. Rukavishnikov; Personal Aggressiveness and Propensity to Conflicts (E.P. Ilyin and P.A. Kovalev); Rapid Evaluation of Management Potential (N.P. Fetiskin, V.V. Kozlov, G.M. Manuylov); Evaluation of Communicative and Organizational Aptitudes (V.V. Sinyavsky and B.A. Fedorishin); Orientation Styles of Professional Communication (N.P. Fetiskin, V.V. Kozlov, G.M. Manuylov). The principal assumption in this research was that the structure of individual features of self-regulation (a self-regulation style) and its levels was determined by one's personal characteristics and professional-environmental factors. The study objectives were: to identify the relationship between the level of self-regulation, overall mental state, and management potential in managers involved in extreme activity (working in the penitentiary service); to reveal psychological factors for optimization of managerial competencies under extreme conditions of professional activity; and to identify main difficulties and competence deficiencies for subsequent corrective and psychotherapeutic interventions. The research conducted enabled us: to study in details the peculiarities of self-regulation, overall mental state, and management potential among managers in the penitentiary system; and to determine which system components require intentional development in order to mitigate deficiencies and to increase the effectiveness of managers.

References

1. Dikaya, L.G. (2002) *Psikhologiya samoregulyatsii funktsional'nogo sostoyaniya sub"ekta v ekstremal'nykh usloviyakh deyatel'nosti* [Psychology of self-regulation of the subject's functional state in the extreme conditions of activity]. Abstract of Psychology Dr. Diss. Moscow.
2. Konopkin, O.A. (2011) *Psikhologicheskie mekhanizmy regulyatsii deyatel'nosti* [Psychological mechanisms of activity regulation]. 2nd ed. Moscow: Lenand.
3. Morosanova, V.I. (2011) Razvitie teorii osoznannoy samoregulyatsii: differentsial'nyy podkhod [Development of the theory of conscious self-regulation: a differential approach]. *Voprosy psikhologii*. 3. pp. 132–144.
4. Leontyev, D.A. (ed.) (2011) *Lichnostnyy potentsial. Struktura i diagnostika* [Personal Potential. Structure and Diagnostics]. Moscow: Smysl.
5. Rasskazova, E.I. (2012) Samoregulyatsiya v psikhologii zdorov'ya i klinicheskoy psikhologii [Self-regulation in the psychology of health and clinical psychology]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 75–82.
6. Kon, I.S. (1981) Kategoriya "Ya" v psikhologii [The Category "I" in psychology]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2(3). pp. 25–37.

7. Kuhl, J. (1987) Action Control: The maintenance of motivational states. In: Kuhl, J. & Halisch, F. (eds) *Motivation, Intention, and Volition*. Berlin; Heidelberg: Springer-Verl. pp. 279–291.
8. Deci, E.L. & Ryan, R.M. (2000) The “what” and “why” of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. *Psychological Inquiry*. 11. pp. 227–268. DOI: 10.1207/S15327965PLI1104_01
9. Baumeister, R.F., Vohs, K.D. & Tice, D.M. (2007) The strength model of self-control. *Current Directions in Psychological Science*. 16. pp. 396–403. DOI: 10.1111/j.1467-8721.2007.00534.x
10. Morosanova, V.I. (2004) *Oprosnik “Stil’ samoregulyatsii povedeniya” (SSPM): Rukovodstvo* [Questionnaire “Style on self-regulation of behavior” (SMPM): Management]. Moscow: Kogito-Tsentr.
11. Morosanova, V.I. (2001) *Individual’nyy stil’ samoregulyatsii: fenomen, struktura i funktsii individual’nykh stiley samoregulyatsii cheloveka* [Individual style of self-regulation: Phenomenon, structure and functions of individual styles of self-regulation of a person]. Moscow: Nauka.
12. Morosanova, V.I. & Konozy, E.M. (2000) Stilevaya samoregulyatsiya povedeniya cheloveka [Style self-regulation of human behavior]. *Voprosy psikhologii*. 2. pp. 118–124.
13. Kharlamenkova, N.E. (2012) Lichnostnaya bezopasnost’ i strategii ee dostizheniya [Personal security and strategies for its achievement]. In: Zhuravlev, A.L. & Tarabrina, N.V. (eds) *Problemy psikhologicheskoy bezopasnosti* [Problems of psychological security]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. pp. 133–159.
14. Kornilova, T.V. (2015) The principle of uncertainty in the psychology of choice and risk. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 8(40). pp. 3. [Online] Available from: <http://psystudy.ru>. (Accessed: 21st March 2016). (In Russian).
15. Kobozev, I.Yu. (2011) The Assessment of the Intensity of Professional Stress and Its Effect on the Coping Behavior and the Mechanisms of Psychological Defense of Internal Law Enforcement Executives. *Psikhopedagogika v pravookhranitel’nykh organakh*. 2. pp. 45–49. (In Russian).
16. Derkach, A.A., Kazakov, Yu.N. & Chernyaeva, V.V. (2008) *Optimizatsiya ustoychivosti psikhicheskogo zdorov’ya gosudarstvennykh sluzhashchikh k ekstremal’nym situatsiyam* [Optimisation of the mental health of civil servants in extreme situations]. Rostov on Don: RIA-KMV.
17. Berezhnova, O.V. & Pilyugina, E.I. (2011) [Professional competence as a psychological-acmeological problem]. *Psikhologiya v Rossii i za rubezhom* [Psychology in Russia and Abroad]. Proc. of International Conference. St. Petersburg. October, 2011. St. Petersburg: Renome. pp. 60–63. (In Russian).
18. Meshcheryakova, E.I., Larionova, A.V., Gorchakova, O.Yu. & Gridneva, A.A. (2016) Comparative analysis of gender characteristics in the field of emotional communication skills of the penitentiary service management staff. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 403. pp. 163–172. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/403/27
19. Fetiskin, N.P., Kozlov, V.V. & Manuylov, G.M. (2002) *Sotsial’no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i mal’nykh grupp* [Socio-psychological diagnosis of personality development and small groups]. Moscow: Institute of Psychotherapy.
20. Batarshchev, A.V. (2006) *Diagnostika sposobnosti k obshcheniyu* [Diagnosis of communicative ability]. St. Petersburg: Piter.
21. Carver, C.S. & Scheier, M.F. (2002) Control Processes and Self-Organization as Complementary Principles Underlying Behavior. *Personality and Social Psychology Review*. 6(4). pp. 304–315. DOI: 10.1207/S15327957PSPR0604_05

Received 17.01.2017;

Accepted 06.03.2017

UDC 159.9

DOI: 10.17223/17267080/64/4

Linkov Václav¹, Zámečník Petr², Zaoral Aleš¹

¹ CDV – Transport Research Centre (Brno, Czech Republic)

² Palacký University, Department of Psychology

The Use of Driving Simulators in Psychological Research

Driving simulators are important research tools that help to assess drivers' behavior. The article reviews which topics are studied with driving simulation in psychological journals, what kinds of driving simulation might be used, how many participants are necessary for such research to be publishable, and what kind of variables might be used. The text might be useful for psychologists when they plan to conduct research using a driving simulator.

Key words: driving simulator; psychology; stereotypes; distraction; cognitive overload.

Driving simulators are valuable research tools that allow studying the complex activity of driving. This text analyzes articles published in psychological journals where some kind of driving simulation has been used for psychological research. First, we described the content of the studies. Second, we analyzed the kind of technology used for the driving simulation, including the kind of information acquired and used in the driving simulation, and how large the samples were. Third, we demonstrated the differences between social psychological research and research in other branches of psychology, and we performed an analysis in which cases driving simulator were beneficial for the research.

We originally planned to analyze how driving simulators are used in personality and social psychology. We searched journals in the Web of Science category “Psychology, Social” for the words “driving simulator”. The search resulted only in six articles that use driving simulation in research. We decided to add articles from other psychological areas into the analysis and searched for articles published in journals in Web of Science categories “Psychology, Experimental”, “Psychology, Applied”, and “Psychology, Multidisciplinary”. We excluded articles that studied behavior under the influence of drugs or alcohol and studies about motion/simulator sickness, and we also did not include two studies from the same author about similar topics. This resulted in an additional 21 articles being included in the analyses below. If a study used driving simulation as one of multiple studies in the article, we refer only to the content and results of the overall study and not to the studies which did not use driving simulation.

Research questions studied when employing driving simulators in psychological journals

In the following paragraphs we describe the analysis of 27 articles. The first type of social psychological study that used a driving simulator concerns

the influence of making stereotypes salient about driving behavior. Lambert et al. [1] found that for elderly drivers who read documents stating that elderly people are bad drivers and that reported accidents committed by elderly drivers (a stereotype threat condition), working memory capacity was positively related to following distance and negatively to brake reaction time. These effects were not observed for drivers who had not read such texts. Terror management theory postulates that people's awareness of one's own mortality leads to anxiety and terror, which people fight by pursuing the enhancement of their self-esteem. The mortality salience hypothesis states that making people aware of their own mortality leads to the enhancement of their effort for self-esteem. Taubman Ben-Ari et al. [2] used a driving simulator to test this hypothesis and showed that for participants for whom driving was important for their self-esteem, the making mortality salient led to faster driving. Making mortality salient had no effect for those for whom self-esteem driving was not important. If participants received positive feedback, the effect of mortality salience on the connection between driving speed and the importance of driving for self-esteem vanished.

Other types of studies search for the effect of some social influence, like peer influence or the self-concept, on driving. Jackson and Blackman [3] used a driving simulator to test the hypothesis that the higher cost of a possible accident, the lower the number of accidents is. When the penalty was higher, participants exceeded the speed limit less often. Fischer et al. [4] found that participants who watched risky scenes from movies (as compared to those who watched neutral scenes), had a larger number of accidents during a video game, accelerated up to 160 km/h more quickly, needed less time to drive through a race course, and drove with higher maximum speed. Shepherd et al. [5] were interested in how social pressure influences risky driving behavior in a PlayStation driving game. Participants who heard pro-risky comments (e.g., "Go faster!") drove faster and had more accidents than those who heard neutral comments and anti-risky comments (e.g., "You're driving too fast."). Conner et al. [6] found that speeding correlates with the intention to speed and positive attitudes about speeding, the number of accidents in the last five years, the subjective norm about speeding, and the perceived behavioral control over speeding. Speeding correlates negatively with age, driving experience, the moral norm not to speed, and the anticipated regret for such behavior. Similar research has been conducted by Elliot, Armitage, and Baughan [7], who report that the mean speed in a simulator was negatively correlated with the attitude that speeding is bad, the negative subjective norm about speeding, and the intention to avoid speeding. Brewster et al. [8] found that people who write down their intention not to speed in certain situations speed less frequently in those situations than people who had written down their intention not to speed in a different situation or who did not write down any intention.

Phoning while driving reduces the driver's attention; however, this effect could be reduced if the communication partner has more information about the driver's actual situation. Janssen et al. [9] showed that when the sounds of driving or the sound of a driver's heartbeat are shared with the person who is on the

other end of the call, the driver reacts more quickly to changes of speed of another leading car. If sounds are shared, callers have shorter talk segments. Gaspar et al. [10] found that collision risk during dangerous merging events was reduced when the partner with whom the driver was talking could see the same view as the driver.

A driving simulator might also be used to assess how people think about a car, specifically with the perception that it has human characteristics. Waytz et al. [11] let their participants drive either in a normal car or in a car which controlled its own steering and speed (agentic car). Some participants who drove the agentic car were told that car's name was Iris, it had a gender (female), and used a voice to speak to the participants while driving (anthropomorphic car). They thought the car could feel, anticipate, and was smarter in the anthropomorphic condition than in the agentic condition, and more in the agentic condition than in a normal condition. They trusted the car more in the anthropomorphic condition than in the agentic condition and more in the agentic condition than in the normal condition. They were asked how much they blamed the car for a crash which occurred during the scenario and they blamed the car more in the anthropomorphic condition than in the normal condition. However, they blamed the car more in the agentic condition than in the anthropomorphic condition.

Studies using a driving simulator to assess the influence of personality on driving are quite rare in personality journals. Morton and White [12] found that while people with a higher score in the fearful personality trait (FFFS) drive under stress, they have a larger braking distance at intersections. Obsessive passion relates to a strong desire to perform an activity which is not under the person's control. Harmonious passion also relates to a strong desire to perform the activity, but this desire is under control. Philippe et al. [13] found that an obsessive passion for driving correlates with aggressive behavior, while harmonious passion for driving does not.

Many studies using a driving simulator deal with the influence of cognitive or perceptual overload on driving. Active fatigue is caused by cognitive overload from overly frequent activity. Passive fatigue is caused by a long-term monotonous task. Saxby et al. [14] found that drivers with an induced active fatigue condition felt more distress than normal, while drivers in passive fatigue condition felt lower engagement than normal. Drivers with active fatigue avoided collisions more often than drivers without fatigue, while drivers with passive fatigue avoided collisions less often. Lying is more cognitively demanding than telling truth; therefore, liars have less available cognitive resources and they are prone to cognitive overload. Gawrylovicz et al. [15] found that drivers with cognitive overload induced by lying increased their speed and have a longer reaction time. Murphy and Greene [16] showed that drivers are less likely to notice an unexpected pedestrian under a high perceptual load. Blalock et al. [17] researched connections between cognitive load and the ability to remember moving and stationary objects in a simulated environment. People with no load were more accurate than people under cognitive load. People asked about stationary objects were more accurate than people asked about moving objects. People un-

der cognitive load were worse in the accuracy of answers to questions about moving objects than people in the no-load condition. However, there was no difference between people under and without cognitive load for the questions about stationary objects. Janssen and Brumby [18] let their participants complete a set of dual-processing 30-second drives where they had to dial a number while driving. The distance from the center of the lane was larger and the dialing was quicker in the dialing-focused tasks than in the steering-focused tasks. Watson et al. [19] researched the effect of dual tasks (driving and recalling words from memory) on memory and driving performance. Participants were slower to press the brake pedal and had a slightly elongated follow distance in the dual tasks as compared to when they should only drive. They also remembered fewer items and became increasingly reliant on reconstructive forms of memory in the dual task as compared to when they should only recall words.

Other studies concern the influence of distraction by objects on the road or people in the car. Chan et al. [20] found that drivers keep their lane better when there are taboo words on billboards along the road. Provocative content on billboards might arouse the attention of drivers, so that they drive more carefully. Garrison and Williams [21] researched the impact of distraction by conversation on visual attention and driving performance. During each drive, participants passed three types of objects: billboards, signs, and hazards (e.g., stalled or parked vehicles, etc.). Mean velocity and its variability were higher during the distraction drive. The distraction drive also showed a higher variability of steering and participants drove closer to the lane-divider line. There were fewer gazes toward objects during the distraction drive. Mean lane position varied more near hazards than near signs. Hazards received more gazes than billboards and billboards – more than signs.

Other studies analyzed differences in driving behavior among human groups. Crawley et al. [22] found no difference between pregnant and non-pregnant women while driving in a simulator. Lundqvist et al. [23] found no difference in driving performance in a simulator between people after a stroke and people of a similar age who hadn't suffered stroke (although differences were found on the real road). Raw et al. [24] found a higher difference between car position and the center of the road for older drivers than for younger drivers when driving fast, although the difference was not found for slower driving.

Several other themes have also been studied. Eriksson et al. [25] researched how people estimate the speed needed to save time on a specific distance while driving. The lower speed participants overestimated the speed increase needed to save three minutes, so they drove faster. The higher speed participants underestimated the necessary speed increase so they drove slower than they should have. Tozman et al. [26] researched the relationship between flow and heart rate variability in different driving environments. They let their participants drive in three environments to induce boredom (a straight country road with no bends and no traffic), to fit the person's skills (a bendy race course without opponents, where participant should speed), and to create anxiety (a very bendy race with nine highly skilled opponents). The flow was higher for

the fit condition than for the anxiety condition and also higher for the anxiety condition than for the boredom condition. The increase in task difficulty decreased both high-frequency and low-frequency components of heart rate variability. The low-frequency component was a predictor of flow in the anxiety and fit conditions, and the high-frequency component only in the anxiety condition. Antonson et al. [27] researched the effect of the surrounding landscape on driving behavior. Drivers drove in a simulator through three types of roadside environments: open, forested, and varied. The lowest speed was for the varying landscape, higher for the forested landscape, and the highest for the open landscape. Drivers in the open landscape drove more to the right than in the forested landscape. Steering wheel grasp frequency was higher for the open landscape than for the forested landscape.

Analysis of reviewed articles

The tables below contain an analysis concerning the types of driving simulation that were used in the selected articles (see table 1), and what the sample sizes and the observed outcome of participants' performance in the simulator drives used in the 27 reviewed studies (see table 2).

Table 1

Types of driving simulation used in the reviewed studies

Fidelity	Driving simulation	Studies
High fidelity	Realistic driving simulator (car-like) with projection on large film screens (or cylindrical screen) providing view of at least 180° and rear-mirrors	Antonson et al. [27]; Blalock et al. [17]; Conner et al. [6]; Elliot et al. [7]; Garrison and Williams [21]; Lundqvist et al. [23]; Murphy and Greene [16]; Waytz et al. [11]; Gaspar et al. [10]
Medium fidelity	Car-like cabin with projection on one screen in front of the car	Philippe et al. [13]
	Driver seat with a dashboard, steering wheel, and pedal, three large screens with a total view of 120°	Crawley et al. [22]; Tozman et al. [26]
	Car-like cabin, projection on three displays providing a view of 180°	Eriksson et al. [25]
	Driving simulator (not car-like) with realistic driving controls and shown on three large displays	Brewster et al. [8]; Janssen et al. [9]; Lambert et al. [1]; Watson et al. [19]; Chan et al. [20]; Saxby et al. [14]
	Driver seat in front of a large screen	Raw et al. [24]; Jackson and Blackman [3]; Gawrylowicz et al. [15]
Low fidelity	Driving in a video/computer game or simulation projected on one display	Fischer et al. [4]; Janssen and Brumby [18]; Morton and White [12]; Shepherd et al. [5]; Taubman Ben-Ari [2]

Table 2

Number of participants driving in simulation and dependent variables measured in reviewed studies

Study	Number of participants in simulation	Observed outcome
Antonson et al. [27]	18	Speed, lateral vehicle position in the lane, and maximum and mean variations in the frequency of steering wheel grasping
Blalock et al. [17]	28 (+5 M)	Ability to remember objects around the road
Brewster et al. [8]	139	Percentage of critical situations when the driver exceeded the speed limit
Chan et al. [20]	30 (+ 9 E)	Mean driving speed, root-mean-square error [RMSE] of the driver's lateral lane position with respect to the roadway dividing line, RMSE of how fast the driver turns the steering wheel
Conner et al. [6]	178	Percentage of time spent driving at 10mph or more in excess of the speed limit
Crawley et al. [22]	30 (+ 2 M)	Reaction time, brake time until 100 Newtons of pressure after signal to brake, time until participant started the maneuver, the maneuver time, gap-size accepted, time to collision, number of collisions
Elliot et al. [7]	150	Mean driving speed, proportion of the distance with speed limit exceeded by 10%
Eriksson et al. [25]	12	Time gain after being instructed to drive faster
Fischer et al. [4]	60	Maximum speed, time to accelerate to 160kph, total driving time, number and type of accidents
Garrison and Williams [21]	20	Mean velocity, lane offset, steering angle, brake pressure, gazes towards objects
Gaspar et al. [10]	24	Collisions per merging event, collisions per braking event, percentage of correct exits taken, mean and standard deviation of speed, following distance, maintaining lateral lane, recognition memory for 24 road signs
Gawrylowicz et al., [15]	90	Speed, reaction time when seeing pedestrian
Jackson and Blackman [3]	14	Average speed, average speed when car is not stopped, average speed at corners, amount of time spent driving over 40kph and over 60kph, maximum speed, number of times the steering wheel passed through the zero-degree position, time spent over the central line
Janssen and Brumby [18]	14	Distance from the center of the lane
Janssen et al. [9]	24	Time of reaction to the leading car's speed change, whether driver responded to speed changes with the same pace as the leading car, distance from the leading car
Lambert et al. [1]	39 (+21 M)	Gollowing distance, brake reaction time
Lundqvist et al. [3]	60	Speed, lateral position, reaction time, time to collision and distance to collision
Morton and White [12]	71	Meters from sign when signal first detected, meters from hazard when brake first applied,

Study	Number of participants in simulation	Observed outcome
		force applied to brake pedal, average speed, speed variability, standard deviation of wheel movement
Murphy and Greene [16]	42	Ability to notice object different from the previous drive
Philippe et al. [13]	44	Self-report questionnaire assessing driver's aggressive feelings, judges' assessment of aggressiveness of driver's behavior on a videotaped session
Raw et al. [24]	28	Difference between car position and the middle of the road
Saxby et al. [14]	108, 168	Scales assessing participant feelings before and after a drive, ability to avoid a crash in an induced collision situation
Shepherd et al. [5]	199, 103	Maximum speed, number of accidents
Taubman Ben-Ari et al. [2]	56, 108	Average speed as assessed by judges watching videotape
Tozman et al. [26]	18	Interbeat intervals of the heart, feeling of flow
Watson et al. [19]	23 (+15 M)	Brake-reaction time, distance following the leading car
Waytz et al. [11]	100	Perceived anthropomorphism of the car, trust in car, blaming car for responsibility for crash

Note. M – removed from study due to motion sickness; E – excluded from analyses

Discussion

Psychological disciplines differ by their narrow focus (details and mechanisms) or their wide focus (systems and larger processes). Cognitive psychology and experimental disciplines are narrower, social psychology is broader [28]. The narrower disciplines more often apply experimental design in research, while the broader disciplines apply survey research design. As we can see, six of the seven examined studies with a sample larger than 100 people belong to the area of social or personality psychology. It seems that the studies in the areas of social and personality psychology keep larger samples and the studies in other areas keep smaller samples even when they use a similar research design.

The difference between social psychology and other disciplines could also be seen when assessing the type of driving simulation used. The largest number of studies (10) used high-fidelity simulation, while five studies used some type of a computer game. Four of five studies that used the lowest quality simulation belong to social or personality psychology. For broader psychological disciplines details are not such important. Therefore, it is not necessary to have realistic simulation when conducting research. Such acceptance of imprecision would be less acceptable in more narrow disciplines.

Driving simulation is an interaction between human and environment. As such, it allows observing two kinds of measures: those measuring something that happened in the environment during the simulation and those measuring human ex-

perience. The first type of variable in the reviewed studies – the environment-based variables – contains speed, the lateral position of the vehicle or the distance from other cars, steering wheel usage, reaction time, the number of collisions, gazes toward objects, and brake pressure. The second type of variable – human experience-based variables – contains the quality of memory recognition, the change of participant's feelings after the drive, the aggressiveness of the driver's behavior, and the driver's opinion about the car.

Another question we may ask is: in which cases it was necessary to use a driving simulation when conducting the research in the analyzed articles. First, many of the articles researched driver's behavior in a collision situation [11] or used the number of collisions as a measure ([4, 10, 14 and 22]). This would not be possible in real-life conditions. Second, other articles studied the following distance behind a leading car ([1] and [19]) or reaction to provocations from other drivers [8]. Conducting such experiments in the real environment would be possible, but there would be a high risk for an accident. Third, a study like [16] – showing driver repeatedly certain static situation in a traffic – would be impossible to conduct with the same precision in the real environment, where it is not possible to reach the same level of control over the intervening variables.

Driving simulators are, therefore, necessary for psychological research in some conditions. When a researcher wants to research a behavior which would be illegal (e.g., an accident), a driving simulator is an option. A driving simulator is also an option when a researcher wants to have an environment where they might control the intervening variables. And driving simulators might be the safer option when the researcher wants to study risky driving behavior.

Conclusion

The use of driving simulators in articles published in psychological journals has been analyzed in this text. First, the content of the selected articles was described. The type of driving simulation used, the measured outcome of the driving simulation, and the sample sizes were also analyzed. Driving simulator usage is quite rare in (non-transportation) psychological journals. It could be a very valuable source for realistic psychological research because it is possible to study things like accidents or reactions to other driver's provocations, which would otherwise not be possible to study. Nevertheless, researchers do not use driving simulators because realistic research is not perceived as necessary in some parts of psychology.

The current study provides two suggestions for future researchers. First, high-fidelity driving simulators seem to be less used in social psychology. Simulations using devices like a computer game or PlayStation are accepted in the field. Researchers who work with realistic simulators might consider conducting some research that would be publishable in social psychological journals. Such research might contain the study of other people's influence on driving performance, social norms and stereotype influence, driving while having an interpersonal conflict with another person in the car, and similar themes. Second, simulator studies might also use more human experience-based measures (e.g. the feelings of drivers in different situations).

Acknowledgements

This article was produced with the financial support of the Ministry of Education, Youth and Sports within the National Sustainability Programme I, project of Transport R&D Centre (LO1610), on the research infrastructure acquired from the Operation Programme Research and Development for Innovations (CZ.1.05/2.1.00/03.0064).

References

1. Lambert, A.E., Watson, J.M., Stefanucci, J.K., Ward, N., Bakdash, J.Z. & Strayer, D.L. (2016) Stereotype threat impairs older adult driving. *Applied Cognitive Psychology*. 30. pp. 22–28. DOI: 10.1002/acp.3162
2. Ben-Ari, O.T., Florian, V. & Mikulincer, M. (2000) The impact of mortality salience on reckless driving: A test of terror management mechanisms. *Journal of Personality and Social Psychology*. 76. pp. 35–45. DOI: 10.1037/0022-3514.76.1.35
3. Jackson, J.S.H. & Blackman, R. (1994) A driving-simulator test of Wilde's risk homeostasis theory. *Journal of Applied Psychology*. 79. pp. 950–958. DOI: 10.1037/0021-9010.79.6.950
4. Fischer, P., Guter, S. & Frey, D. (2008) The effects of risk-promoting media on inclinations toward risk taking. *Basic and Applied Social Psychology*. 30. pp. 230–240. DOI: 10.1080/01973530802375029
5. Shepherd, J.L., Lane, D.J., Tapscott, R.L. & Gentile, D.A. (2011) Susceptible to social influence: Risky “driving” in response to peer pressure. *Journal of Applied Social Psychology*. 41. pp. 773–797. DOI: 10.1111/j.1559-1816.2011.00735.x
6. Conner, M., Lawton, R., Parker, D., Chorlton, K., Manstead, A.S.R. & Stradling, S. (2007) Application of the theory of planned behaviour to the prediction of objectively assessed breaking of posted speed limits. *British Journal of Psychology*. 98. pp. 429–453. DOI: 10.1348/000712606X133597
7. Elliot, M.A., Armitage, Ch.J. & Baughan, Ch.J. (2007) Using the theory of planned behaviour to predict observed driving behaviour. *British Journal of Social Psychology*. 46. pp. 69–90. DOI: 10.1348/014466605X90801
8. Brewster, S.E., Elliot, M.A., McCartan, R., McGregor, B. & Kelly, S.W. (2016) Conditional or Unconditional? The Effects of Implementation Intentions on Driver Behavior. *Journal of Experimental Psychology: Applied*. 22. pp. 124–133. DOI: 10.1037/xap0000072
9. Janssen, Ch.P., Iqbal, S.T. & Ju, Y.-Ch. (2014) Sharing a driver's context with a caller via continuous audio cues to increase awareness about driver state. *Journal of Experimental Psychology: Applied*. 20. pp. 270–284. DOI: 10.1037/xap0000020
10. Gaspar, J.G., Street, W.N., Windsor, M.B., Carbonari, R., Kaczmarek, H., Kramer, A.F. & Mathewson, K.E. (2014) Providing Views of the Driving Scene to Drivers' Conversation Partners Mitigates Cell-Phone-Related Distraction. *Psychological Science*. 25. pp. 2136–2146. DOI: 10.1177/0018720809337503
11. Waytz, A., Heafner, J. & Epley, N. (2014) The mind in the machine: Anthropomorphism increases trust in an autonomous vehicle. *Journal of Experimental Social Psychology*. 52. pp. 113–117. DOI: 10.1016/j.jesp.2014.01.005
12. Morton, R.D. & White, M.J. (2016) Revised reinforcement sensitivity theory: The impact of FFFS and stress on driving. *Personality and Individual Differences*. 54. pp. 57–63. DOI: 10.1016/j.paid.2012.08.005
13. Philippe, F.L., Vallerand, R.J., Richer, I., Vallieres, E. & Bergeron, J. (2009) Passion for driving and aggressive driving behavior: A look at their relationship. *Journal of Applied Social Psychology*. 39. pp. 3020–3043. DOI: 10.1111/j.1559-1816.2009.00559.x

14. Saxby, D.J., Matthews, G., Warm, J.S., Hitchcock, E.M. & Neubauer, C. (2013) Active and Passive Fatigue in Simulated Driving: Discriminating Styles of Workload Regulation and Their Safety Impacts. *Journal of Experimental Psychology: Applied*. 19. pp. 287–300. DOI: 10.1037/a0034386
15. Gawrylowicz, J., Fairlamb, S., Tantot, E., Qureshi, Z., Redha, A., & Ridley, A.M. (2016) Does Practice Make the Perfect Liar? The Effect of Rehearsal and Increased Cognitive Load on Cues to Deception. *Applied Cognitive Psychology*. 30. pp. 250–259. DOI: 10.1002/acp.3199
16. Murphy, G. & Greene, C.M. (2016) Perceptual load induces inattentional blindness in drivers. *Applied Cognitive Psychology*. 30. pp. 479–483. DOI: 10.1002/acp.3216
17. Blalock, L.D., Sawyer, B.D., Kiken, A., Gutzwiller, R.S., McGill, C.L. & Clegg, B.A. (2014) Cognitive load while driving impairs memory of moving but not stationary elements within environment. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 3. pp. 95–100. DOI: 10.1016/j.jarmac.2014.04.006
18. Janssen, Ch.P. & Brumby, D.P. (2010) Strategic adaptation to performance objectives in a dual-task setting. *Cognitive Science*. 34. pp. 1548–1560. DOI: 10.1111/j.1551-6709.2010.01124.x
19. Watson, J.M., Memmott, M.G., Moffitt, Ch.C., Coleman, J., Turrill, J., Fernández, Á. & Strayer, D.L. (2016) On working memory and a productivity illusion in distracted driving. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 5. pp. 445–453. DOI: 10.1016/j.jarmac.2016.06.008
20. Chan, M., Madan, Ch.R. & Singhal, A. (2016). The effects of taboo-related distraction on driving performance. *Acta Psychologica*. 168. pp. 20–26. DOI: 10.1016/j.actpsy.2016.03.010
21. Garrison, T.M. & Williams, C.C. (2013) Impact of relevance and distraction on driving performance and visual attention in a simulated driving environment. *Applied Cognitive Psychology*. 27. pp. 396–405. DOI: 10.1002/acp.2917
22. Crawley, R., Grant, S. & Hinshaw, K. (2008) Cognitive changes in pregnancy: Mild decline or societal stereotype? *Applied Cognitive Psychology*. 22. pp. 1142–1162. DOI: 10.1002/acp.1427
23. Lundqvist, A., Gerdle, B. & Rönnerberg, J. (2000) Neuropsychological aspects of driving after a stroke – in the simulator and on the road. *Applied Cognitive Psychology*. 14. pp. 135–150. DOI: 10.1002/(SICI)1099-0720(200003/04)14:2<135::AID-ACP628>3.0.CO;2-S
24. Raw, R.K., Kountouriotis, G.K., Mon-Williams, M. & Wilkie, R.M. (2012) Movement control in older adults: Does old age mean middle of the road? *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 38. pp. 735–745. DOI: 10.1037/a0026568
25. Eriksson, G., Svenson, O. & Eriksson, L. (2013) The time-saving bias: Judgements, cognition and perception. *Judgment and Decision Making*. 8. pp. 492–497.
26. Tozman, T., Magdas, E.S., MacDougall, H.G. & Vollmeyer, R. (2015) Understanding the psychophysiology of flow: A driving simulator experiment to investigate the relationship between flow and heart rate variability. *Computers in Human Behavior*. 52. pp. 408–418. DOI: 10.1016/j.chb.2015.06.023
27. Antonson, H., Mårdh, S., Wiklund, M. & Blomqvist, G. (2009) Effect of surrounding landscape on driving behavior: A driving simulator study. *Journal of Environmental Psychology*. 29. pp. 493–502. DOI: 10.1016/j.jenvp.2009.03.005
28. Peterson, D. (2016) The depth of fields: Managing focus in the epistemic subcultures of mind and brain science. *Social Studies of Science*. [Online] Available from: <http://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0306312716663047>.

Received 03.05.2017;

Accepted 23.05.2017

Information about the authors:

LINKOV Václav, CDV – Transport Research Centre, Brno, Czech Republic. E-mail: vaclav.linkov@hotmail.com

ZÁMEČNÍK Petr, Palacký University, Department of Psychology, Olomouc, Czech Republic. E-mail: Petr.zamecnik@centrum.cz

ZAORAL Aleš, CDV – Transport Research Centre, Brno, Czech Republic. E-mail: ales.zaoral@cdv.cz

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИМУЛЯТОРОВ ВОЖДЕНИЯ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Линков Вацлав, Центр транспортных исследований (Líšeňská 33a, 636 00 Brno, Czech Republic). E-mail: vaclav.linkov@hotmail.com

Замечник Петр, Университет Палацкого, г. Оломоуц (Vodární 6, 771 80 Olomouc, Czech Republic). E-mail: Petr.zamecnik@centrum.cz

Заорал Алеш, Центр транспортных исследований (Líšeňská 33a, 636 00 Brno, Czech Republic). E-mail: ales.zaoral@cdv.cz

Ключевые слова: симулятор вождения; психология; стереотипы; отвлечение внимания; когнитивная перегрузка.

Симуляторы вождения – важный исследовательский инструмент, помогающий оценить поведение водителей. В статье рассматриваются изученные при помощи симуляторов вождения вопросы, описанные в психологических журналах, определяется, какие симуляторы могут быть использованы, сколько участников необходимо для публикации подобного исследования, а также параметры, которые могут быть использованы. Статья может быть полезна специалистам в области психологии, планирующим провести исследование при помощи симулятора вождения.

Д.М. Егоров

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Влияние установки на избирательность восприятия лживого текста

Раскрывается психологическая специфика формирования избирательности восприятия лживого текста в зависимости от типа установки. Эксперимент показал, что установка, задаваемая ситуацией (экспериментатором), определяла смысловой узел, в котором выражалось формирование ведущего, центрального отношения к обману, а также вектор восприятия лживого текста. Описан эксперимент с выявлением мотивационных, когнитивных, аффективных и аутентичных установок. В данном исследовании ложь и восприятие лжи определяются как психологическая система (Теория психологических систем В.Е. Ключко). Стратегия восприятия лжи представляется как формирующаяся в ситуации тенденция восприятия, основными характеристиками которой выступают смысловой узел, вектор и адекватность. Эксперимент выявил ведущие и вспомогательные смысловые узлы и векторы восприятия. В зависимости от типа установки выявлены тенденции к усложнению стратегий восприятия лживого текста. Выявлены процессы смыслового структурирования лживого текста, в которых находят свое выражение процессы самоорганизации в психологических системах. На основании эксперимента также выделены 8 параметров, характеризующих специфику и многообразие стратегий восприятия.

Ключевые слова: *ложь; установка; стратегия восприятия; психологическая система; отношение; направленность; избирательность; смысловой узел; вектор.*

Введение

Ложь и обман как психологическое явление пронизывают практически все стороны человеческой жизни. Достаточно отметить политические, социальные, экономические и другие сферы общественной жизни, чтобы убедиться в том, что эти феномены имеют большое значение для каждого человека. Восприятие и распознавание обмана становятся актуальной задачей каждого человека и психологической науки.

Исследование восприятия и распознавания лжи в контексте естественных способностей человека осуществляется с конца 60-х гг. XX в. Основоположником таких исследований принято считать П. Экмана. Анализ работ, сделанных в этой области, позволяет сделать вывод о том, что ложь представляет собой сложноорганизованное явление, которое изучается в разных системах отношений. Включение обмана в различные системы отношений раскрывает его качественные специфические особенности.

В отношении социальной перцепции исследуется связь распознавания лжи и точности межличностного восприятия [1], в отношении мозгового субстрата изучается связь распознавания лжи с активностью определенных отделов коры головного мозга [2], в отношении когнитивной сферы осуществляются попытки установить взаимосвязь распознавания обмана с функционированием познавательных процессов [3]. Акцент в таких исследованиях делается на процессе распознавания обмана в ходе взаимодействий человека с человеком. Вместе с тем, с нашей точки зрения, уделяется недостаточное внимание изучению стратегий восприятия, в которых отражается специфика направленности и избирательности отношения человека к лживому сообщению. В статье представлено исследование тенденций, характеризующих ложь как психологическую систему, в которой находят выражение процессы ее усложнения и самоорганизации [4].

Изучение установки остается одной из центральных задач психологической науки. Вычленение этого феномена произошло в начале XX в. Первые работы представителей Вюрцбургской школы положили начало экспериментальному этапу в исследовании установки в сфере мыслительных процессов. Н. Ах, исследуя процесс решения мыслительных задач, ввел понятие «детерминирующая тенденция», а его соотечественник О. Зельц использовал понятие «антиципаторная схема», которым обозначил явление, связанное с предвосхищением правильного пути в решении мыслительных задач. Известны работы Г. Олпорта, посвященные социальным установкам. В отечественной науке экспериментальные исследования установки осуществлялись А.Г. Асмоловым, Ф.В. Басиным, Ш.А. Надирашвили, А.С. Прангисвили, Д.Н. Узнадзе, Ш.Н. Чхартисвили, А.Е. Шерозия и др. Были изучены формы и свойства установок в сфере мышления, восприятия, речи, памяти. Вместе с тем эта проблема остается одной из самых важных и актуальных в современной психологии [5]. Не вдаваясь в подробный анализ проблематики, связанной с установкой, можно отметить такие важные ее аспекты, как проблема взаимосвязи установки и деятельности [6], установки и бессознательного [7], проблема содержательного вычленения понятийных, существенных признаков установки. Одной из важных целей является дифференциация установки от других психических феноменов. Кроме этого, слабо исследовано то, как она влияет на восприятие в ситуации обмана. Каким образом осуществляется детерминация установкой перцептивного процесса при взаимодействии человека с текстом, содержащим ложь?

Установку мы понимаем в соответствии с определением Д.Н. Узнадзе как готовность совершать активность под влиянием потребности человека, которая находит свое удовлетворение в определенной ситуации [8]. Центральной идеей выступает тезис о том, что установка находит вектор возможных отношений, характеризующихся своей интенциональностью, а также соответствующие смысловые узлы, которые определяют избирательность восприятия и в которых проявляются процессы самоорганизации.

Стратегия восприятия понимается как тенденция, которая находит свое выражение в связи с направленным и избирательным отношением человека к обману. Одной из важных характеристик стратегий восприятия обмана выступает «векторизованность». Избирательности как свойству стратегии восприятия соответствует смысловой узел, который предположительно связан с формирующимися точками, узлами, определяющими смысловое структурирование ситуации, предмета посредством соответствующих параметров. Направленности соответствует вектор. Вектор связан с отношением человека к информации, содержащей ложь. В соответствии с теоретическими представлениями смысловой узел и вектор даны в трех «проекциях». В первой проекции вектор характеризуется как «интенциональный» и соотносится с направленностью отношений. В соответствии с операциями ранжирования, оценивания и отбора стратегия восприятия представлена как стратегии ранжирования, оценивания и отбора. Ложь в статье понимается как правдоподобное сообщение в форме печатного текста. В предыдущей работе было установлено влияние формы презентации на стратегии восприятия лживого сообщения [9]. В данной статье будут представлены результаты экспериментального и корреляционного исследования роли установки в специфике и многообразии стратегий восприятия лживого текста. Ложь понимается как психологическая система, которая характеризуется самоорганизацией, усложнением и интенсивностью саморазвития. В.Н. Мясищев указывал на взаимосвязь категории «отношение» с мотивами, эмоциями, познанием [10]. В соответствии с данными представлениями были выделены четыре тенденции, характеризующие отношение человека к обману на уровне восприятия. Среди тенденций были выделены:

- мотивационная (интерес, вовлеченность);
- когнитивная (понимание, логичность);
- аффективная (переживание, эмоциональность);
- аутентичная (доверие, реалистичность).

Восемь параметров описывали стратегии восприятия на эмпирическом уровне в понятиях смысловых узлов и векторов восприятия.

Была сформулирована **гипотеза** исследования. *Если установка влияет на специфические особенности в избирательности и направленности восприятия лживого текста, то эта специфика будет проявляться в тенденциях соответствия между смысловыми узлами и векторами и определенными типами установок.*

Процедура исследования

1. *Выборка.* В исследовании приняли участие 120 студентов колледжа, преимущественно женского пола. Возраст участников исследования – 18–21 год. Формирование выборочной совокупности осуществлялось случайным способом.

2. Переменные

2.1. *Независимые переменные.* Тип установки выступал в качестве независимой переменной. В соответствии с типом установки независимая переменная принимала четыре значения.

2.1.1. Первое значение выражалось в мотивационной установке, или установке на интерес и вовлеченность в содержание лживого текста.

2.1.2. Второе значение выражалось в когнитивной установке, или установке на понимание и логичность лживого текста.

2.1.3. Третье значение независимой переменной определялось как аффективная установка, или готовность воспринимать лживый текст через призму переживания и эмоциональности.

2.1.4. Наконец, четвертое значение выражалось в аутентичной установке на доверие и реалистичность лживого текста.

Таким образом, были сформированы четыре экспериментальные группы. Первая группа (26 человек) образовала группу с мотивационной установкой (МУ), вторая группа (34 человека) была представлена когнитивной установкой (КУ), третья группа (30 человек) была связана с аффективной установкой (ЭУ), четвертая группа (30 человек) – с аутентичной установкой (АУ).

2.2. Зависимые переменные

2.2.1. Стратегия ранжирования параметров (первый способ измерения).

2.2.2. Стратегия оценивания, связанная с количественной оценкой текста (второй способ измерения).

2.2.3. Стратегия отбора параметров (третий способ измерения).

2.2.4. Адекватность стратегий восприятия лживого текста, характеризующих полноту различения текстов.

2.2.5. Смысловая динамика, или соответствие между процедурой ранжирования и отбором параметров, характеризующая переосмысление и переоценку значимости параметров восприятия лживого текста.

3. Методика исследования

3.1. *Содержание экспериментальной методики.* Был составлен неопределенно-лживый текст, который описывал военный конфликт между вымышленными племенами. Текст выглядел как правдоподобное описание в печатной форме, стилизованное под новостное сообщение. Содержание выражалось в том, что вымышленные племена были помещены в конкретные временные рамки и географическое положение. Тем самым создавалось правдоподобие содержания текста.

3.2. *Параметры оценивания.* Содержание текста предлагалось воспринимать при помощи восьми параметров, которые были связаны между собой определенным образом. *Интерес и вовлеченность* характеризовали мотивационный смысловой узел и соответствующий вектор восприятия лживого текста. *Понимание и логичность* определяли когнитивный смысловой узел и вектор восприятия. *Переживание и эмоциональность* были связаны с аффективным смысловым узлом и вектором восприятия лжи. *Доверие и реалистичность* характеризовали аутентичный смысловой узел

и вектор восприятия лживого текста. Все четыре смысловых узла и вектора характеризовали избирательность и направленность восприятия человека по отношению к неопределенно-лживому тексту.

3.3. *Ход эксперимента.* Участникам четырех экспериментальных групп выдавался бланк согласия на участие в исследовании. После этого каждому респонденту предлагалась методика, которая состояла из печатного текста и шкал оценивания. Мотивационная группа получала следующую инструкцию: «Перед Вами текст, содержание которого обычно воспринимается людьми как неувлекательное и неинтересное». Когнитивная группа: «Перед Вами текст, содержание которого воспринимается обычно как трудно понимаемое и нелогичное». Аффективная группа: «Перед Вами текст, содержание которого обычно воспринимается людьми как неэмоциональное и не вызывающее сочувствия и сопереживания». Аутентичная установка: «Перед Вами текст, содержание которого обычно воспринимается людьми как нереалистичное и не вызывающее доверия». После этого экспериментатор объяснял последовательность выполнения операций с параметрами.

Первой операцией выступало первичное *ранжирование*, которое было связано с первым способом измерения избирательности и направленности восприятия. Респондентам предлагались все восемь случайным образом распределенных параметров в таблице. Необходимо было произвести расстановку параметров в порядке убывания значимости для восприятия текста. Расстановка осуществлялась через присвоение рангов от 1 до 8 без повторения ранга.

Второй операцией было *оценивание (второй способ измерения)*. Оно осуществлялось при помощи шкалы, диапазон которой находился в пределах от -10 до $+10$. Текст необходимо было оценить при помощи этой шкалы по всем параметрам восприятия: -10 – абсолютно негативное отношение, связанное с самым низким уровнем оценивания; 0 – неопределенное отношение к содержанию; $+10$ – абсолютно высокий уровень позитивного оценивания по каждой из восьми шкал.

Третьей операцией был *отбор (третий способ измерения)*, выбор предпочитаемых параметров, необходимых для адекватного восприятия и отсеивания несущественных с точки зрения респондента. Такой отбор осуществлялся при помощи условных обозначений в соответствующем столбце таблицы для ранжирования. Таким образом, выбор параметров находился в диапазоне от 1 до 8 параметров.

Четвертая операция заключалась в повторном ранжировании только тех параметров, которые респондент отбирал для адекватного восприятия лживого текста. Повторное ранжирование позволяло точно определить ведущий смысловой узел и вектор восприятия и тем самым стратегию восприятия лжи.

4. Операционализация понятий

4.1. *Стратегия восприятия* определялась как индивидуализированный способ ранжирования параметров, оценивания по параметрам и выбора параметров при формировании отношения человека к лживому тексту.

4.2. *Смысловой узел* – форма описания избирательности восприятия: на количественном уровне – посредством параметров, имеющих наибольшее число связей в корреляционных рисунках; на качественном уровне – посредством процедуры отбора и повторного ранжирования параметров.

4.3. *Вектор* – это форма описания направленности восприятия, характеризующая стратегию на эмпирическом уровне. Вектор в соответствии с базовыми характеристиками отношения был разложен на три составляющие. *Вектор ранжирования* характеризовал стратегию ранжирования. *Оценочный вектор* соответствовал стратегии оценивания. *Избирательный вектор* был связан со стратегией отбора параметров, необходимых для адекватного восприятия лживого текста.

4.4. *Адекватность* стратегии восприятия лживого текста – это среднее значение оценок по шкалам «доверие» и «реалистичность».

4.5. *Шкала оценивания* была поделена на 5 уровней выраженности каждого параметра. Необходимо заметить, что шкала имеет рабочий вариант и требует серьезных эмпирических и теоретических способов обоснования. Вместе с тем ряд математических преобразований и эмпирические статистики, такие как средние, дисперсия и стандартные отклонения, позволили предложить нижеуказанный вариант шкалы.

1-й уровень – очень низкая степень выраженности ($-10 \leq z \leq -6$).

2-й уровень – низкая степень выраженности ($-6 < z < -2$).

3-й уровень – средняя степень выраженности ($-2 \leq z \leq +2$).

4-й уровень – высокая степень выраженности ($+2 < z < +6$).

5-й уровень – очень высокая степень выраженности ($+6 \leq z \leq +10$).

4.6. *Переосмысление значимости параметров* – несоответствие между первыми тремя рангами параметров, определенными в процедуре первичного ранжирования, и выбором соответствующих первым трем рангам параметров в процедуре отбора.

4.7. *Количественный состав стратегий* – это число векторов, входящих в стратегии восприятия.

4.8. *Качественный состав стратегий* определялся через операцию отбора и повторного ранжирования параметров, каждый из которых унаследовывал стратегию как мотивационную, когнитивную, аффективную, аутентичную или их комбинацию.

4.9. *Простая стратегия* включала один вектор, образованный одним параметром или двумя параметрами, относящимися к одному из четырех видов тенденций. Степень усложнения стратегий описывалась на уровне ранжирования, оценивания и отбора. На уровне ранжирования и оценивания усложнение выявлялось по числу корреляционных связей между параметрами. На уровне отбора – по числу параметров, отбираемых в стратегию восприятия.

4.10. *Сложная стратегия* включала два и более вектора, выявляемых через процедуры первичного ранжирования, оценивания, отбора и вторичного ранжирования.

5. Математические методы обработки

5.1. Однофакторный дисперсионный анализ.

5.2. Хи-квадрат-тест.

5.3. Корреляционный анализ. Вычисление ранговых корреляций Спирмена и коэффициентов корреляций Пирсона. Обработка проводилась при помощи статистического пакета SPSS 16.0.

Результаты исследования

Описание результатов эксперимента начнем со стратегий ранжирования.

А) *Стратегии ранжирования параметров.* Здесь необходимо произвести сравнение коррелограмм ранжирования параметров в зависимости от типа установки (рис. 1).

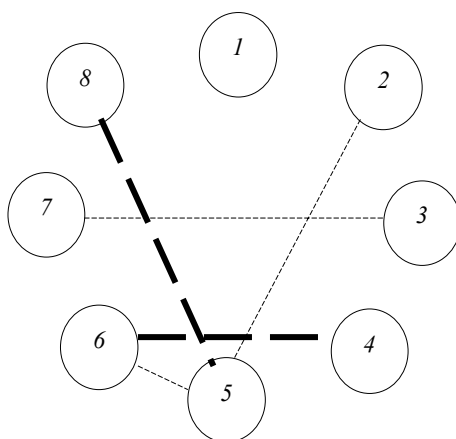

Рис. 1. Коррелограмма связи ранжирования параметров с мотивационной установкой:

Здесь и на рис. 2–8: 1 – интерес; 2 – вовлеченность; 3 – понимание; 4 – логичность;

5 – переживание; 6 – эмоциональность; 7 – доверие; 8 – реалистичность.

$p < 0,05: 0,36 < r < 0,46$ – ————

$p < 0,01: 0,46 < r < 1$ – —————

$p < 0,05: -0,36 < r < -0,46$ – - - - -

$p < 0,01: -0,46 < r < -1$ – — — — —

Можно наблюдать, что и смысловой узел, и соответствующий вектор восприятия при актуализации мотивационной установки не находят ярко выраженного формирования. Здесь намечаются лишь тенденции формирования смыслового узла в параметре «переживание» и соответствующего аффективного вектора восприятия.

Анализ коррелограммы связей между параметрами при когнитивной установке характеризуется выделением одного смыслового узла (рис. 2). Таким смысловым узлом здесь выступают параметры «переживание» и «эмоциональность», а соответствующий *вектор* определяется аф-

фективной направленностью восприятия лживого текста. Если сравнивать данный рисунок корреляций при когнитивной установке с корреляционным рисунком при мотивационной установке, то можно видеть, что актуализация когнитивной установки увеличивает число связей аффективных параметров с когнитивными и аутентичными параметрами.

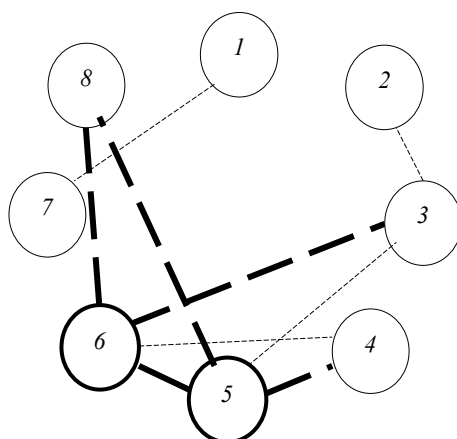

Рис. 2. Коррелограмма связи ранжирования параметров с когнитивной установкой

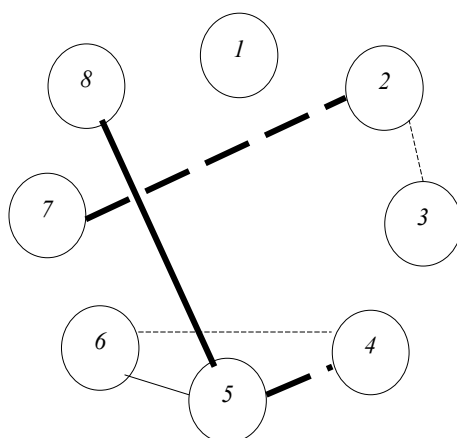

Рис. 3. Коррелограмма связи ранжирования параметров с аффективной установкой

Анализируя рис. 3, мы можем отметить продолжающуюся неопределенность в формировании и смысловых узлов, и векторов восприятия. Как наиболее вероятную тенденцию можно отметить увеличение числа корреляций у параметра «переживание».

Наконец, переходя к анализу корреляционного рис. 4, можно наблюдать, что при актуализации аутентичной установки выявляется дальнейший рост корреляционных связей вокруг параметров «логичность», «пере-

живание» и «эмоциональность». Можно предположить, что аутентичная установка актуализирует поливекторную направленность стратегий восприятия лживого сообщения. Основными вероятными смысловыми узлами, на которые замыкаются связи, выступают такие параметры, как «логичность», «переживание», «эмоциональность».

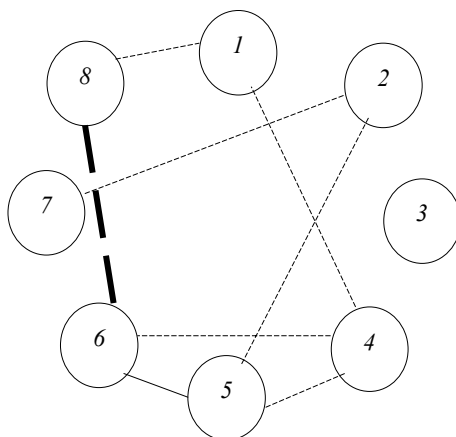

Рис. 4. Коррелограмма связи ранжирования параметров с аутентичной установкой

Резюмируя сравнительный анализ корреляционных рисунков ранжирования в зависимости от типа установки, можно отметить их общие и отличительные признаки. Общим признаком, характеризующим избирательность и направленность стратегий восприятия, выступают устойчивый смысловой узел и соответствующий вектор восприятия лживого текста. Такая устойчивость находит выражение в восприятии на основе «переживания» и «эмоциональности», а вектор определяется *аффективной интенциональностью*. Во всех четырех случаях этот смысловой узел и соответствующий ему вектор выступали ведущим центром восприятия лживого текста. Отличительный признак, характеризующий стратегию ранжирования, заключался в том, что в зависимости от типа установки к аффективной избирательной направленности добавлялись когнитивная, аутентичная и мотивационная. Последние и выступают предположительно в качестве вариативных смысловых узлов и векторов восприятия.

Б) *Стратегии оценивания*. Вначале приведем коррелограммы оценивания содержания лживого сообщения. Далее представим вторичный статистический анализ.

Из рис. 5 мы видим, что стратегия оценивания выстраивается в соответствии с *аффективно-когнитивным* вектором. Параметры «эмоциональность» и «логичность» имеют наибольшее число связей и выступают в качестве основных смысловых узлов оценивания лжи. Вместе с тем параметры «понимание» и «доверие» составляют дополнительные когнитивно-аутентичные смысловые узлы. Они же соответствуют когнитивно-аутентичному вектору оценивания.

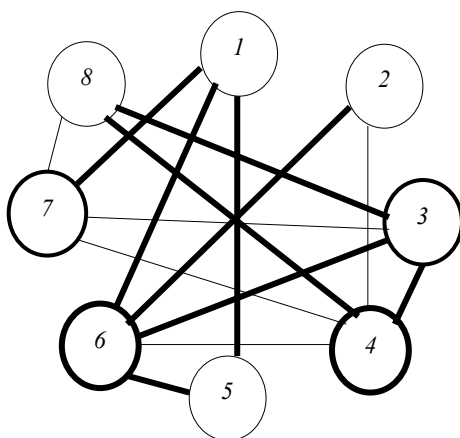

Рис. 5. Коррелограмма связи оценивания лжи по параметрам с мотивационной установкой

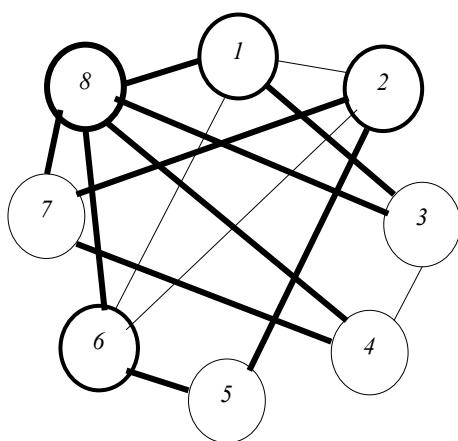

Рис. 6. Коррелограмма связи оценивания лжи по параметрам с когнитивной установкой

Из рис. 6 видно, что при актуализации когнитивной установки основной смысловой узел оценивания лживого сообщения выстраивается вокруг параметра «реалистичность». Можно предположить, что когнитивной установке соответствует *аутентичный вектор* оценивания лжи с привлечением *аффективных, мотивационных и когнитивных* векторов. Вместе с тем выделяются дополнительные смысловые узлы, которые находят выражение в параметрах «интерес», «вовлеченность» и «эмоциональность», что соответствует *мотивационно-аффективному вектору* оценивания лживого текста.

Анализ корреляционного рис. 7, связанного с аффективной установкой показывает, что стратегия оценивания лживого сообщения разворачивается на основе смысловых узлов в параметрах «интерес», «пережива-

ние», «эмоциональность» с привлечением дополнительных смысловых узлов на основе параметров «доверие» и «вовлеченность». Данным смысловым узлам соответствует *аффективно-мотивационный вектор* с привлечением аутентичной и когнитивной направленности.

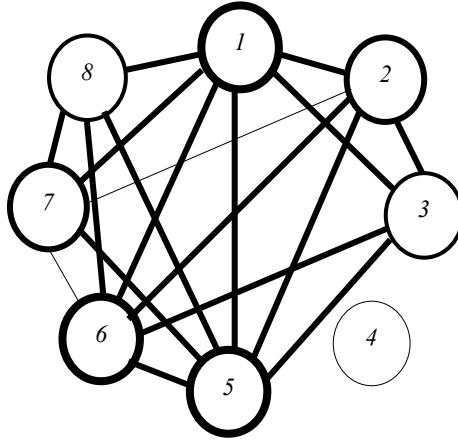

Рис. 7. Коррелограмма связи оценивания лжи по параметрам с аффективной установкой

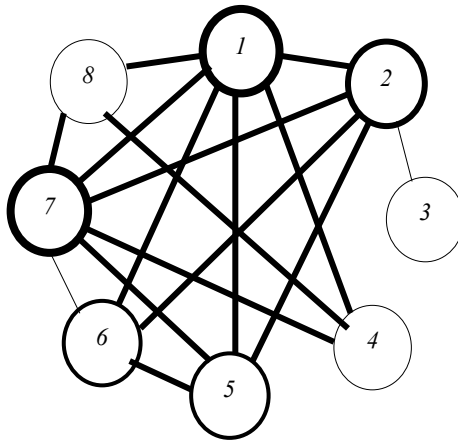

Рис. 8. Коррелограмма связи оценивания лжи по параметрам с аутентичной установкой

Аутентичная установка была связана с двумя основными векторами оценивания (рис. 8). Первый вектор можно назвать аутентичным, а смысловой узел выражен параметром «доверие». Второй вектор – мотивационный, а смысловой узел лежал в параметре «интерес». В качестве дополнительных смысловых узлов можно выделить параметры «переживание» и «эмоциональность», образующие *аффективный вектор* оценивания лживого текста.

Промежуточный итог сравнительного анализа стратегий оценивания можно выразить в следующих общих и специфических особенностях. Общей особенностью является формирование смысловых узлов на основе параметров «интерес», «переживание» и «эмоциональность», которые и образовывали аффективно-мотивационный вектор оценивания лживого текста. В качестве специфических особенностей выделялись смысловые узлы на основе параметров «доверие», «реалистичность», «понимание» и «логичность», которые образовывали аутентично-когнитивный вектор оценивания.

Приведем результаты дисперсионного анализа процедуры оценивания лживого сообщения в зависимости от типа установки. Перед этим представим основную гистограмму распределения средних значений оценивания лживого сообщения.

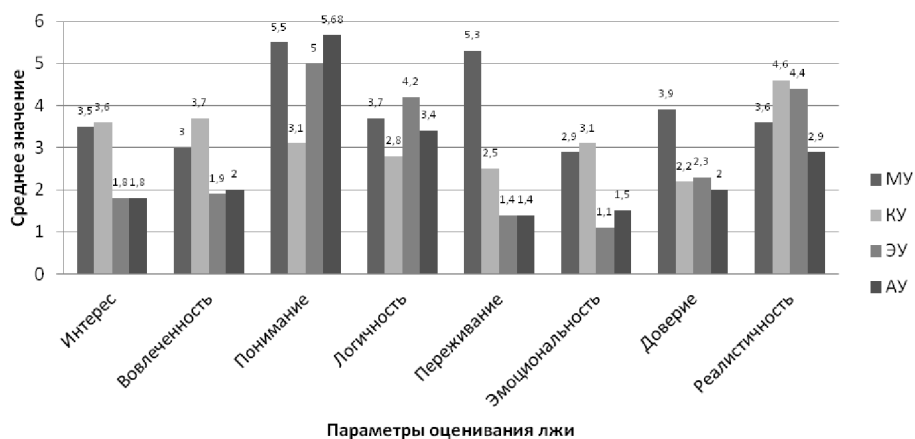

Рис. 9. Распределение средних значений оценивания по параметрам

Из рис. 9 следует, что оценивание лживого сообщения по восьми параметрам в зависимости от типа установки имеет наглядные различия. Наибольшие различия выявляются в таких параметрах оценивания, как *понимание*, *переживание*, *эмоциональность* и *доверие*. Межгрупповые различия в оценивании по данным параметрам являются самыми большими.

Вместе с тем результаты дисперсионного анализа позволяют утверждать, что достоверно различаются только средние значения по параметру «переживание»: $F = 4,308$, $\alpha = 0,006$, $F = 11,311$, $\alpha = 0,000...$ В данном случае аффективная установка закономерно изменяла процесс оценивания лживого сообщения по параметру «переживание».

В) *Стратегии отбора*. Здесь мы проанализируем частоты распределений параметров.

Гистограмма (рис. 10) иллюстрирует параметры, чаще всего отбираемые участниками в отношении к лживому сообщению в зависимости от типа установки. Можно видеть, что основными параметрами отбора, кото-

рые были необходимы участникам в их отношении к лживому сообщению и выступали в качестве смысловых узлов восприятия, были «интерес» и «понимание».

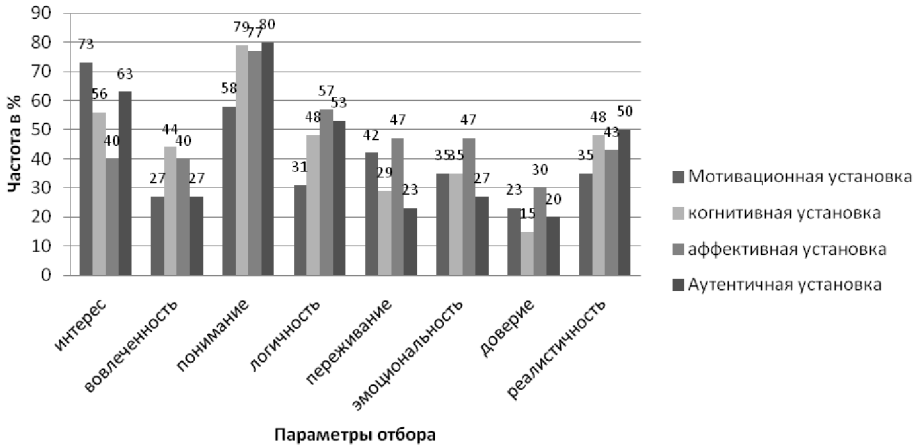

Рис. 10. Частота распределения отбора параметров

Логичность и реалистичность также являлись предпочитаемыми параметрами, определявшими избирательность восприятия участников по отношению к лживому тексту. Также стоит сказать о том, что тип установки предрасполагал к отбору соответствующих параметров восприятия лжи. Так, аффективная установка, судя по параметрам «переживание» и «эмоциональность», приводила к усилению избирательного вектора по аффективному типу в стратегиях восприятия. Такие результаты отбора параметров, необходимых для адекватного восприятия лживого сообщения, с точки зрения участников, позволяют выделить инвариантные компоненты стратегий отбора, которые связаны с когнитивно-мотивационным вектором восприятия лжи. В качестве вариативной части был выделен аффективно-аутентичный вектор со смысловыми узлами в параметрах «реалистичность», «переживание» и «эмоциональность».

Проведенный Хи-квадрат-тест для проверки гипотезы о неслучайном характере частоты распределений стратегий восприятия по количественному составу не выявил значимых различий.

Г) *Уровень адекватности стратегий восприятия.* Тест Хи-квадрат также не выявил различий в уровнях адекватности стратегий восприятия лживого сообщения. Можно констатировать, что тип установки не влиял на количественный состав стратегий восприятия и на уровень их адекватности.

Д) *Динамика смысловой значимости параметров.* Последнее, что следует описать, это переосмысление значимости параметров восприятия лживого текста. Ниже представлена гистограмма, иллюстрирующая эту сторону исследования (рис. 11).

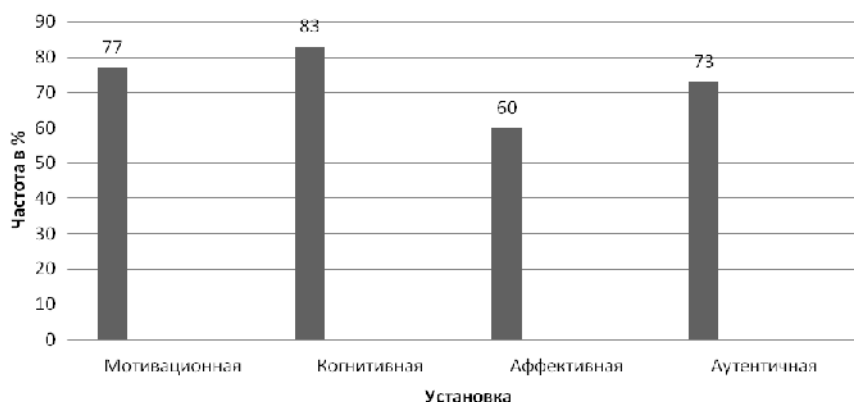

Рис. 11. Динамика смысловой значимости параметров в зависимости от типа установки

Смысловой сдвиг мы определяли как несоответствие между процедурами ранжирования и отбора параметров восприятия. Из гистограммы следует, что переосмысление и переоценка значимости параметров в отношении восприятия лживого содержания текста наблюдались во всех четырех экспериментальных группах. Наибольшую смысловую динамику по частоте несоответствия продемонстрировали участники когнитивной группы, наименьшая частота смысловой динамики зафиксирована в аффективной группе. Можно предположить, что когнитивная установка актуализировала когнитивные ресурсы, которые определенным образом влияли на переосмысление значимости параметров в отношении их восприятия и оценки лживого текста, тогда как аффективная установка уменьшала вероятность такого переосмысления и переоценки значимости параметров в отношении их адекватного восприятия лживого сообщения. Вместе с тем статистическая проверка не выявила существенных различий в переосмыслении и переоценке значимости параметров восприятия лживого текста.

Обсуждение и анализ результатов

Приступая к обсуждению результатов эксперимента, отметим, что гипотеза о влиянии установки на стратегии восприятия лживого сообщения, а точнее, на формирование направленности и избирательности, оценки и адекватности стратегий, а также смысловую динамику, нашла частичное подтверждение. Выводы о психологической специфике избирательности восприятия лживого текста в зависимости от определенной установки сделаем на основании выделенных свойств, описывающих эту специфику. Как было отмечено, к числу таких свойств отнесены смысловые узлы и векторы восприятия, выступающие в качестве атрибутов индивидуализированных стратегий.

Во-первых, установка детерминирует избирательность и направленность восприятия посредством формирования смысловых узлов и векто-

ров, которым присущи характеристики устойчивости и вариативности. Устойчивость или инвариантность смыслового узла на стадии ранжирования связана с восприятием лживого текста на основе эмоциональности, переживания и логичности относительно содержания сообщения.

На стадии оценивания выделены следующие соответствия:

- мотивационная установка детерминирует формирование ведущего смыслового узла оценивания на основе переживания и логичности лживого текста. В качестве дополнительных смысловых узлов выступают понимание и доверие к содержанию лживого текста. В этом случае ведущая направленность восприятия определяется аффективно-когнитивным вектором с привлечением дополнительного аутентичного вектора;

- когнитивной установке соответствует процесс формирования ведущего смыслового узла на основе доверия к лживому тексту. Дополнительные смысловые узлы выражаются через интерес, вовлеченность и эмоциональность лживого сообщения. Ведущая направленность восприятия определяется посредством аутентичного вектора с привлечением мотивационно-аффективного вектора;

- аффективная установка определяет формирование ведущего смыслового узла на основе переживания, эмоциональности и интереса по отношению к лживому тексту. В качестве дополнительных смысловых узлов выступают доверие и вовлеченность в лживое сообщение. Ведущей направленностью восприятия выступает аффективно-мотивационный вектор с привлечением аутентичного вектора;

- аутентичной установке соответствует формирование ведущего смыслового узла на основе интереса и доверия к содержанию лживого сообщения. В качестве дополнительных смысловых узлов выступают вовлеченность, переживание и эмоциональность лживого текста. Ведущей направленностью восприятия здесь является мотивационно-аутентичный вектор с привлечением аффективного вектора.

На стадии отбора устойчивость смыслового узла не зависит от типа установки и определяется интересом и пониманием лживого текста. В качестве дополнительных смысловых узлов здесь выделяются реалистичность и логичность содержания лживого сообщения. Устойчивость смыслового узла в стратегиях восприятия выражается в его независимости от влияний установок определенных типов. Устойчивый смысловой узел выражался в интересе и понимании лживого сообщения. Вариативность или изменчивость связывается с аутентичными и аффективными смысловыми узлами и векторами восприятия.

Таким образом, смысловое структурирование лживого текста как предмета лжи выражается в вышеуказанных соответствиях, в которых находят выражение формирующиеся параметры порядка, вокруг которых осуществляется упорядочивание процесса восприятия за счет образования соответствующих смысловых узлов и векторов. Здесь же обнаружено усложнение процесса восприятия, признаком которого выступает форми-

рование двух и более смысловых узлов и соответствующих ведущих и вспомогательных векторов восприятия.

Во-вторых, тип установки не влияет на степень адекватности стратегий восприятия. Вместе с тем тип установки детерминирует степень выраженности переживания участников эксперимента относительно содержания лживого сообщения. Аффективная установка достоверно снижала степень переживания относительно содержания лживого текста.

В-третьих, установки существенно не влияли на переосмысление и переоценку значимости параметров восприятия лживого сообщения.

В заключение целесообразно обсудить два вопроса относительно полученных выводов. Первый вопрос формулируется следующим образом: почему смысловые узлы и соответствующие им векторы восприятия различаются на стадии ранжирования и оценивания? На этот вопрос можно ответить следующим образом. Степень выявления смысловых узлов и векторов восприятия, вероятнее всего, зависит от уровня чувствительности измеряемых шкал. Оценочная (интервальная) шкала имела большую чувствительность по сравнению с порядковой шкалой ранжирования. Второй вопрос связан с отличительными признаками смыслового узла от смысла. Здесь заметим, что одним из вероятных индикаторов выступала способность объяснить через письменный и устный опрос респондентов выбор соответствующих параметров. Другими словами, чем мотивировался каждый участник эксперимента, когда отбирал и ранжировал параметры восприятия. Мы наблюдали объяснения различной степени ясности от четких мотивировок до полного отсутствия объяснения. Данный аспект может относиться к феноменологическому описанию смыслового узла. Понимая всю сложность этого аспекта, отметим, что организация дальнейших исследований и проверка соответствующих гипотез будут способствовать ответу на поставленный вопрос.

Полученные результаты могут быть использованы в сфере противостояния технологиям манипулирования массовым сознанием людей, в психотерапевтической и консультативной практике на стадии взаимодействия клиент–психотерапевт. Пока нами не были изучены временные параметры и их роль в динамике стратегий восприятия обмана. Также актуальным нам представляется изучение восприятия лжи в контексте проблемы избирательности восприятия [11].

Литература

1. Симоненко С.И. Психологические основания оценки правдивых и ложных сообщений. М., 1998. 114 с.
2. Abe N., Suzuki M., Tsukiura T., Mori E., Yamaguchi K., Itoh M., Fujii T. Dissociable roles of prefrontal and anterior cingulate cortices in deception // *Cereb. Cortex*. 2006. № 16. P. 192–199.
3. Walczyk J.J., Harris L.L., Duck T.K., Mulay D. A social-cognitive framework for understanding serious lies: Activation-decision-construction-action theory // *New Ideas in Psychology*. 2014. № 34. P. 22–36.

4. Ключко В.Е., Галажинский Э.В., Краснорядцева О.М., Лукьянов О.В. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 9–20.
5. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М., 2002. 480 с.
6. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М., 1996. 768 с.
7. Бассин Ф.В. Проблема бессознательного. М., 1968. 469 с.
8. Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб. : Питер, 2001. 416 с.
9. Егоров Д.М. Зависимость индивидуальных стратегий восприятия лжи от форм ее предъявления // Сибирский психологический журнал. 2016. № 60. С. 40–52. doi: 10.17223/17267080/60/3
10. Мясищев В.Н. Избранные психологические труды / под ред. А.А. Бодалева. М., 1995. 356 с.
11. Галажинский Э.В., Ключко В.Е. Категория «отношение» в психологии в свете парадигмальной динамики в науке // Мир психологии. 2011. № 4. С. 14–31.

Поступила в редакцию 31.10.2016 г.; повторно 24.04.2017 г.; принята 06.05.2017 г.

Сведения об авторе:

ЕГОРОВ Дмитрий Михайлович, аспирант Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: e_dima@bk.ru

THE INFLUENCE OF MINDSET ON SELECTIVE PERCEPTION OF AN UNTRUE TEXT

Siberian journal of psychology, 2017, 64, 76–93. DOI: 10.17223/17267080/64/5

Egorov Dmitry M., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: e_dima@bk.ru

Key words: lie; mindset; strategy of perception, psychological system; attitude; orientation; selective perception; semantic clustering; vector.

Selectivity of perception is considered as an attribute of a person's attitude to lies. Selectivity is studied through perception strategies in the trends of compliance and non-compliance. Lying is thought of as a plausible message presented in the form of a printed text. Lies are presented as a psychological system characterized by self-organization and complication.

This article describes the results of an experimental study of the role of a mindset in the specifics and variety of strategies for perceiving an untrue text.

The general hypothesis of the study was the following: if the mindset influences specific features in selective perception of untrue texts, then this specificity should manifest itself in the trends of compliance and non-compliance of semantic clusters and vectors relating to certain types of mindset.

The motivational mindset actualized the affective selective orientation. The participants of the research perceived the untrue message through the prism of emotional concern about those who participated in the events described in the untrue text. The cognitive mindset actualized the affective-cognitive selective orientation including affective components. Authentic mindset actualized the multivector path of formation of selectivity.

In the affective group the level of emotional concern about the described events was the lowest. In the cognitive group the level of understanding of the untrue text tended to be underestimated compared to the rest of the groups.

Perceptual strategies in terms of quantity did not differ. The selectivity, which was expressed through the selection of parameters, did not find its confirmation regarding the mindset.

The mindset did not affect the level of effectiveness of strategies for perceiving the untrue message.

Participants in the cognitive group demonstrated a non-compliance between ranking and selection of parameters more often than others, explaining the non-compliance with reassessing the importance of certain parameters with respect to their perception of the untrue message.

It can also be noted that the attitude to the untrue text was expressed in accordance with a scale that reflects the levels of expression of the parameters. In accordance with the mindset of the affective type, the level of concern tended to be low in comparison with the mindset of other types.

The hypothesis about the influence of the mindset on selective perception of an untrue message, or rather on the specifics of the formation of strategies, as well as the semantic dynamics of the ranking and selection parameters, was confirmed.

The practical significance of the results: they can be used in the field of confronting techniques of manipulating the mass consciousness of people.

References

1. Simonenko, S.I. (1998) *Psikhologicheskie osnovaniya otsenki pravdivykh i lozhnykh soobshcheniy* [Psychological grounds for evaluating truthful and false messages]. Moscow: Moscow State University.
2. Abe, N., Suzuki, M., Tsukiura, T., Mori, E., Yamaguchi, K., Itoh, M. & Fujii, T. (2006) Dissociable roles of prefrontal and anterior cingulate cortices in deception. *Cereb. Cortex*. 16. pp. 192–199. DOI: 10.1093/cercor/bhi097
3. Walczyk, J.J., Harris, L.L., Duck, T.K. & Mulay, D. (2014) A social-cognitive framework for understanding serious lies: Activation-decision-construction-action theory. *New Ideas in Psychology*. 34. pp. 22–36. DOI: 10.1016/j.newideapsych.2014.03.001
4. Klochko, V.E., Galazhinsky, E.V., Krasnoryadtseva, O.M. & Lukyanov, O.V. (2015) System anthropological psychology: framework of categories. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 56. pp. 9–20. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/56/2
5. Asmolov, A.G. (2002) *Po tu storonu soznaniya: metodologicheskie problemy neklasicheskoy psikhologii* [On the other side of consciousness: the methodological problems of nonclassical psychology]. Moscow: Smysl.
6. Asmolov, A.G. (1996) *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya i konstruirovaniye mirov* [Cultural and Historical Psychology and Construction Of Worlds]. Moscow: Institute of Practical Psychology.
7. Bassin, F.V. (1968) *Problema bessoznat'nogo* [The problem of the Unconscious]. Moscow: Meditsina.
8. Uznadze, D.N. (2002) *Psikhologiya ustanovki* [Psychology of attitudes]. St. Petersburg: Piter.
9. Egorov, D.M. (2016) Relation between individual strategies of lie perception and forms of its presentation. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 60. pp. 40–52. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/60/3
10. Myasishchev, V.N. (1995) *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected Works on Psychology]. Moscow: Institute of Practical Psychology.
11. Galazhinskiy, E.V. & Klochko, V.E. (2011) Kategoriya “otnoshenie” v psikhologii v svete paradigmal'noy dinamiki v nauke [Category “attitude” in psychology in terms of paradigmal dynamics in science]. *Mir psikhologii*. 4. pp. 14–31.

Received 31.10.2016;

Revised 24.04.2017;

Accepted 06.05.2017

Е.Н. Митрофанова

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
(Пермь, Россия)*

Активность индивидуальности, психологическое благополучие и удовлетворенность жизнью студентов

Приводятся результаты эмпирического исследования структуры взаимосвязей активности индивидуальности, психологического благополучия и удовлетворенности жизнью студентов, а также эффектов, которые оказывает активность индивидуальности на указанные характеристики.

Было обнаружено, что не все параметры активности индивидуальности связаны с психологическим благополучием и удовлетворенностью жизнью студентов, но в целом активность индивидуальности оказывает значимые эффекты на психологическое благополучие и удовлетворенность жизнью студентов. Удовлетворенность жизнью и психологическое благополучие ниже у студентов с низким уровнем активности индивидуальности.

Ключевые слова: *активность; активность индивидуальности; психологическое благополучие; удовлетворенность жизнью; эффекты активности индивидуальности.*

Введение и основные понятия

Активность индивидуальности. Категория активности признается фундаментальной в философии и психологии. Существует множество взглядов на объяснение этой категории в разных философских и психологических школах. Мы в своем исследовании придерживаемся линии С.Л. Рубинштейна. Активность здесь понимается «не только как мера взаимоотношения и взаимодействия внутреннего и внешнего (по принципу «внешнее через внутреннее»), но и как особый способ взаимодействия – взаимодействие, которое не ограничивается только деятельностью» [1. С. 87–103].

Основные принципы понимания активности в нашем исследовании:

1. Субъектом активности выступает вся интегральная индивидуальность [2. С. 212].

2. Отрицание «чистой» активности и реактивности, равно как и отрицание абсолютной субъектности и объектности. Активность в таком понимании всегда представляет собой ситуативную либо типичную (результатирующую многочисленные ситуативные проявления) меру субъектности, «точку» в континууме активность–реактивность [3–5].

3. Использование в исследованиях активности двух «линий» – С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева – при решении проблемы соотноше-

ния категорий «активность» и «деятельность», характерной для российской психологии [4, 5]. Эти две «линии» позволяют анализировать феномен активности в двух основных планах: 1) человек *проявляет* активность, и в этом случае на первый план выходит качественная сторона феномена – формы и способы взаимодействий субъекта с миром, среди которых предметная деятельность, познание, общение, созерцание и поведение; 2) человек *действует* активно, и в этом случае акцент в понимании активности смещается к мере взаимодействия, мере субъектности, авторства своего бытия. Данный аспект акцентирует количественную сторону феномена и позволяет проводить эмпирические исследования активности, например активности в конкретных видах деятельности, познания, общения и т.д. [5].

4. Переход от поэлементного, экстенсивного изучения отдельных проявлений к интегративным концепциям целостной активности человека [4, 5].

5. Понимание активности как целостной активности субъекта с возможным существованием одного или нескольких латентных факторов активности, а также необходимость построения экспериментальных планов изучения целостной активности субъекта бытия (или активности индивидуальности).

6. Активность индивидуальности рассматривается как система проявлений активности на различных уровнях и подуровнях интегральной индивидуальности. В нашем исследовании затрагиваются формально-динамические, личностные и частично межличностные проявления активности в коммуникативной, познавательной, учебной сферах жизни, а также в созерцании и рефлексии. Тем самым в конкретном исследовании реализован переход от экстенсивного, поэлементного изучения различных проявлений активности индивидуальности к интегративному, целостному подходу. В этом плане понятие «активность индивидуальности» соотносится с понятиями «активность субъекта бытия», «активность субъекта жизнедеятельности» [Там же].

7. Активность индивидуальности, с одной стороны, определяется как активность различных уровней и подуровней интегральной индивидуальности; с другой – как совокупность трех мер взаимодействия индивидуальности с миром: 1) меры воздействия индивидуальности на среду; 2) меры устойчивости индивидуальности к воздействиям среды и 3) меры удовлетворенности результатами взаимодействия индивидуальности с миром. Эта гипотетическая модель в целом соотносится с трехкомпонентной структурой активности по А.А. Волочкову, в которой отражены потребность во взаимодействии – произвольный (волевой) контроль непосредственной динамики взаимодействия – удовлетворенность результатами взаимодействия [Там же].

Исследования общей активности и удовлетворенности жизнью. Удовлетворенность жизнью и психологическое благополучие часто рассматриваются в популярной сейчас как в зарубежной, так и в отечественной науке психологии счастья (М. Селигман, М. Аргайл, С. Миллер, М. Чиксентмихайли, К. Муздыбаев, Е.П. Ильин, И.А. Джидарьян и др.).

«Счастье чаще всего определяют как ощущение радости. Согласно исследованиям, таков один из трех основных компонентов счастья – наряду с удовлетворенностью жизнью и отсутствием отрицательных эмоций. Радость – его эмоциональная сторона, а удовлетворенность – когнитивная» [6. С. 33]. «С удовлетворенностью жизнью, к примеру, связано состояние здоровья; в целом здоровые люди больше довольны своей жизнью, чем люди не очень здоровые. Связь с удовлетворенностью жизнью имеет и семейное положение; у лиц, состоящих в браке, показатели удовлетворенности жизнью в целом выше, чем у овдовевших или разведенных. Удовлетворенность жизнью также имеет связь с доходом, причем в ожидаемом направлении. Наконец, с удовлетворенностью жизнью связаны переменные поведенческого и психического плана. Наверное, наиболее интересный результат касается связи между *уровнем активности и удовлетворенностью жизнью* (курсив автора). В ряде исследований было обнаружено, что эта связь положительна – то есть пожилые люди, ведущие активный образ жизни, более довольны своей жизнью, чем те, у кого уровень активности снижен» [7. С. 263].

В зарубежной психологии счастья и удовлетворенности жизнью наметилась линия частных эмпирических исследований. Как отмечает И.А. Джидарьян, «вопросы теории не могут решиться сами собой», поэтому необходимо построение более общей теории счастья, объединяющей уже полученные многочисленные результаты [8].

Исследованиями активности и удовлетворенности жизнью в отечественной психологии широко занималась И.А. Джидарьян. Опираясь на идею К.А. Абульхановой-Славской «о семантическом интеграле личности», И.А. Джидарьян пишет о том, что «удовлетворенность жизнью является необходимым звеном в структуре активности личности, образуя механизм обратной связи между разными составляющими и этапами жизненной активности личности, влияя на ее последующий уровень и способы реализации» [Там же. С. 156]. Исследование И.А. Джидарьян было посвящено соотношению удовлетворенности–неудовлетворенности жизнью с личностной активностью, где в качестве конкретной эмпирической модели выступали разные стратегии и способы совладающего поведения.

И.А. Джидарьян пишет и о счастье как целостной характеристике: «...понимание счастья как интегральной характеристики субъекта целостной жизни, связанной с осознанием себя и своего существования в мире с точки зрения баланса положительных и отрицательных чувств, переживаний реальных приобретений и потерь, реализованных и упущенных возможностей... Жизнь каждого человека, целостной и ценностной характеристикой которой... выступает в его сознании счастье...» [Там же]. «Счастье, как и удовлетворенность жизнью, в своем широком философско-онтологическом контексте и является, по нашему мнению, способом субъективного бытия человека, в котором выражаются его наиболее индивидуализированные, интимно-личностные и одновременно целостные формы осознания себя и своего существования в мире с точки зрения реализации

личностных смыслов и жизненных устремлений, соотношений действительности и идеала, ценностных приобретений и понесенных потерь, надежд и разочарований. В отличие от широкого философско-мировоззренческого подхода конкретно-научное понимание и анализ счастья связаны с выделением его собственно психологических характеристик, с раскрытием внутренней структуры, составляющих компонентов с их тончайшими переплетениями и различными композициями...» [8. С. 61].

«Счастье и удовлетворенность жизнью – это не только эмоционально выраженные состояния личности, связанные с ее текущими настроениями, конкретными событиями и их переживаниями. Одновременно это и достаточно устойчивые структуры личности, целостные характеристики ее сознания и бытия, способные определить особенности отношения субъекта к окружающему миру, формы поведения и организацию индивидуальной жизни» [Там же. С. 70].

«...счастье–несчастье, удовлетворенность–неудовлетворенность не являются лишь антиподами, простой альтернативой друг другу... Напротив, у них есть своя качественная определенность и внутренняя психологическая целостность, не сводимая лишь к противоположному знаку эмоциональности... противоположные чувства и эмоции не “гасят” друг друга вопреки всем физическим законам, а своим необычным сочетанием выражают состояния высокого душевного накала и высших форм эмоционального самовыражения и самосознания личности» [Там же. С. 64–65].

И.А. Джидарьян выделяет двухкомпонентную структуру счастья: эмоционально насыщенный фон и рефлексивное «ядро», включающее когнитивные образования, «к которым относятся различные процессы и механизмы оценивания, сравнения, осмысления и т.д.» [Там же. С. 69], а также три «типа счастья»: гедонистический, смысложизненный и настороженно-оборонительный, отмечая, что в реальности «чистых» типов нет.

Механизм «обратной связи» или ощущение удовлетворенности результатами деятельности также включены и в концепцию целостной активности субъекта бытия А.А. Волочкова [4], где наряду с потенциалом, динамикой, регуляцией представлен и результирующий компонент активности субъекта.

Общий вывод, который делает И.А. Джидарьян по итогам исследования: «...счастье и удовлетворенность жизнью оказывают существенное влияние на поведение людей в трудных жизненных ситуациях и отражаются на выборе стратегий и конкретных способов их преодоления... Удовлетворенность и счастье включены в структуру активности личности как выражение механизма “обратной связи” между ее разными составляющими и уровнями проявления» [8. С. 176]. В связи с теми методами, которые мы использовали в исследовании, можно утверждать, что шкала SWLS Динера может отражать когнитивную оценку счастья, а опросник GHQ Д. Гольдберга – эмоционально-поведенческую. А так как исследование И.А. Джидарьян в основном было проведено на студентах, оно вполне может быть сопоставимо с нашим.

Постановка проблемы исследования

Итак, активность индивидуальности представляет собой меру взаимодействия человека с миром. Как связаны психологическое благополучие и удовлетворенность жизнью между собой? Как эти компоненты счастья связаны с общей активностью индивидуальности? Какие параметры активности индивидуальности в наибольшей мере связаны с психологическим благополучием и удовлетворенностью жизнью?

Может ли мера (качество и количество) взаимодействий оказывать влияние на удовлетворенность жизнью и психологическое благополучие студентов? Оказывает ли эффект уровень собственной активности человека на переживание благополучия и удовлетворенности? Может ли повышение активности индивидуальности студентов вести к повышению удовлетворенности жизнью? На тестирование этих гипотез направлено организованное нами исследование.

Методы исследования

Для измерения общей удовлетворенности жизнью студентов использовалась шкала Satisfaction with Life Scale – SWLS (авторы E. Diener, R.A. Emmons, R.J. Larsen and S. Griffin), ориентированная на измерение когнитивно-оценочного компонента общей удовлетворенности жизнью [8. С. 159].

Для измерения психологического благополучия использовался General Health Questionnaire – GHQ Д. Гольдберга.

Исследование активности индивидуальности на разных ее уровнях было проведено с помощью следующих методик: GWPQ (Gray–Wilson Personality Questionnaire), шкала активности (опросник FCB-Ti, автор Я. Стреляу, в адаптации О. Митиной, Б. Завадского и др.), опросник «Диагностика активности студентов» (ДАС, авторы А.А. Волочков, А.Ю. Попов), «Пермский вопросник Я» (ПВЯ, автор Л.Я. Дорфман).

Для статистической обработки данных использовалось приложение STATISTICA 10.0.

Участники исследования

В исследовании приняли участие 188 студентов вузов городов Пермь и Чайковский, из них 128 девушек, 60 юношей; возрастной диапазон от 18 до 25 лет ($M = 20,7$; $SD = 1,9$).

Результаты и их обсуждение

1. *Факторная структура взаимосвязей активности индивидуальности, удовлетворенности жизнью и психологического благополучия.* Имеется ли связь активности индивидуальности студента, его психологического бла-

гополучия и удовлетворенности жизнью? Если такие связи существуют, то какие именно параметры, характеристики активности в наибольшей мере связаны с психологическим благополучием и удовлетворенностью жизнью? Поставленные гипотезы проверялись с помощью эксплораторного факторного анализа структуры взаимосвязей указанных переменных (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Факторная структура взаимосвязей показателей активности индивидуальности, психологического благополучия и удовлетворенности жизнью в общей выборке студентов

Методы	Переменные	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
ДАС	Общение	0,34	0,31	0,45	-0,01	0,38
	Созерцание	-0,12	0,58	-0,07	0,34	-0,04
	Познание	0,32	0,75	-0,02	-0,15	0,02
	Учебная деятельность	0,34	0,64	0,01	0,02	0,45
	Рефлексия	-0,14	0,74	0,04	0,06	0,02
ПВЯ	Авторское Я	0,60	0,26	-0,05	0,39	-0,30
	Воплощенное Я	0,21	0,09	0,81	-0,01	-0,18
	Превращенное Я	0,24	0,08	-0,08	0,81	0,05
	Вторящее Я	-0,20	-0,20	0,79	0,05	0,09
GWPQ	СТП	-0,38	-0,01	0,21	0,54	0,05
	САП	-0,02	-0,04	0,06	-0,05	-0,90
FCB-TI	Активность	0,62	0,27	0,27	-0,17	0,03
GHQ	Психологическое благополучие	0,71	0,00	-0,09	-0,05	0,14
SWLS	Удовлетворенность жизнью	0,74	-0,14	0,08	0,13	0,05
	Собственные числа	2,46	2,16	1,63	1,28	1,31
	Доля объяснимой дисперсии	0,18	0,15	0,12	0,09	0,09

По критерию «каменистой осыпи» было выделено пять основных факторов. *Первый фактор* демонстрирует связь психологического благополучия и удовлетворенности жизнью и таких параметров активности индивидуальности, как «Авторское Я», «Активность темпераментальная» (с меньшими нагрузками «Общение», «Познание», «Учебная деятельность», «Система торможения поведения» с отрицательным знаком). Данный фактор наиболее нагружает «Темпераментальную активность» и «Авторское Я». Таким образом, удовлетворенность жизнью и психологическое благополучие студентов наиболее тесно связаны с такими характеристиками активности индивидуальности, как общий энергетический потенциал и самостоятельность, независимость, автономность, целенаправленность, внутренний контроль, в меньшей степени – с количеством и качеством социальных контактов, а также с учебно-познавательной активностью. Похожие данные были получены в исследованиях, обзор которых делает в своей книге «Психология счастья и оптимизма» И.А. Джидарьян: «...самую высокую корреляцию с общей удовлетворенностью жизнью показывает такой личностный параметр, как удовлетворенность собой или своим Я (самоуважение и чувство внутреннего контроля). По сравнению с

влиянием этого обобщенного параметра значение всех других факторов на уровень общей удовлетворенности заметно ниже (в порядке убывания): семейные отношения, жизненные стандарты, работа, жилье, здоровье и община, образование. В ряде собственно психологических исследований на самых разных выборках была обнаружена высокая степень влияния на общую удовлетворенность жизнью не только самоуважения и самооценок, но и таких личностных характеристик, как интернальность, экстраверсия, нейротизм и др.» [8. С. 56]. Первый фактор можно интерпретировать как «фактор удовлетворенности жизнью и психологического благополучия студента, связанного с общим энергетическим потенциалом и авторством».

Второй фактор нагружают переменные «Созерцание», «Познание», «Учебная деятельность» и «Рефлексия». Во второй фактор вошли все шкалы опросника ДАС, кроме шкалы «Общение». Наибольшие нагрузки имеют переменные «Познание» и «Рефлексия». По данным предыдущих исследований (А.А. Волочков, А.Ю. Попов, Е.Ю. Рослякова) на первое место в различных юношеских и студенческих выборках выходят учебно-познавательная и смыслообразующая активности. Этот фактор можно охарактеризовать как «познавательно-рефлексивная активность». Интересно, что удовлетворенность жизнью входит в этот фактор с отрицательным знаком, а психологическое благополучие – с «нулевой» нагрузкой.

Третий фактор нагружен переменными «Общение», «Воплощенное Я» и «Вторящее Я» (по Л.Я. Дорфману). Воплощенное и вторящее Я характеризуют полюс, диспозицию «слияния с миром» и описывают активность, характеризующуюся обладанием, ориентацией на идентификацию с окружением. Третий фактор можно обозначить как «активность, направленная на слияние с окружающим миром». Психологическое благополучие входит в этот фактор с небольшой, но отрицательной нагрузкой.

Четвертый фактор включает переменные «Превращенное Я» и «Система торможения поведения», а также с меньшей нагрузкой «Авторское Я». «Превращенное Я» описывает область принятия. Такая активность характеризуется поддержкой, спонтанностью, ответственностью. Этот фактор обозначим как «активность, направленная на принятие мира». Система торможения поведения здесь, возможно, связана с тревогой перед самореализацией, самостоятельностью, авторством.

В *пятый фактор* вошли переменные «Активность в сфере учебной деятельности» и «Система активации поведения» (с отрицательным знаком), а также с небольшой нагрузкой «Активность в сфере общения». Мы не можем однозначно говорить о шкале САП, так как она характеризует как активность приближения, так и активность избегания. Авторы адаптации (Г. Князев с соавт.) указывают на неоднородность данной шкалы. Данный фактор охарактеризуем как «учебная деятельность».

Итак, представим общую факторную структуру активности индивидуальности студентов, их психологического благополучия и удовлетворенности жизнью.

Фактор 1: удовлетворенность жизнью и психологическое благополучие студента, связанные с общим энергетическим потенциалом и авторством.

Фактор 2: познавательно-рефлексивная активность.

Фактор 3: активность, направленная на слияние с окружающим миром.

Фактор 4: активность, направленная на принятие мира.

Фактор 5: активность в учебной деятельности.

Таким образом, в наибольшей степени с удовлетворенностью жизнью и психологическим благополучием связаны такие параметры активности индивидуальности, как темпераментальная активность и Я-авторское. Можно сказать, что удовлетворенность жизнью и психологическое благополучие студентов определяет не вся активность индивидуальности, а только ее общий энергетический потенциал, независимость, самостоятельность, интернальность, ответственность, целенаправленность, авторство, в меньшей степени мера общения и учебно-познавательная активность. Таким образом, переживание счастья может иметь генетическую предрасположенность, так как основной вклад вносит активность темпераментальная.

Полученные данные пересекаются с теорией самодетерминации Э. Деси, Р. Райана, в которой утверждается, что «возможность удовлетворения потребностей в автономии, компетентности и связи с другими людьми обеспечивает свободу активности и организации» [9].

2. *Эффекты активности индивидуальности на удовлетворенность жизнью и психологическое благополучие студентов.* Оказывает ли эффект фактор «активность индивидуальности» (далее – АИ) на психологическое благополучие и удовлетворенность жизнью студентов? Поставленная гипотеза проверялась с помощью однофакторного дисперсионного анализа ANOVA (табл. 2), интегративный показатель АИ был получен на основе регрессионного уравнения.

Т а б л и ц а 2

**Эффекты фактора «Активность индивидуальности»
на психологическое благополучие и удовлетворенность жизнью студентов**

Переменные	MS Effect	MS Error	Стат. величины	
			F	p-level
Психологическое благополучие	822,4	92,2	8,918	0,000
Удовлетворенность жизнью	326,6	97,5	3,350	0,037

Таким образом, уровень активности индивидуальности оказывает значимые эффекты на психологическое благополучие и удовлетворенность жизнью студентов.

Более выраженный эффект АИ оказывает на психологическое благополучие студентов, т.е. на эмоциональный компонент счастья. Причем выраженность психологического благополучия на среднем и высоком уровне АИ практически полностью пересекается. То есть для среднего и высокого уровня АИ уровни переживания психологического благополучия практически одинаковы. Резко отличается уровень психологического благополучия у студентов с низкой АИ (рис. 1).

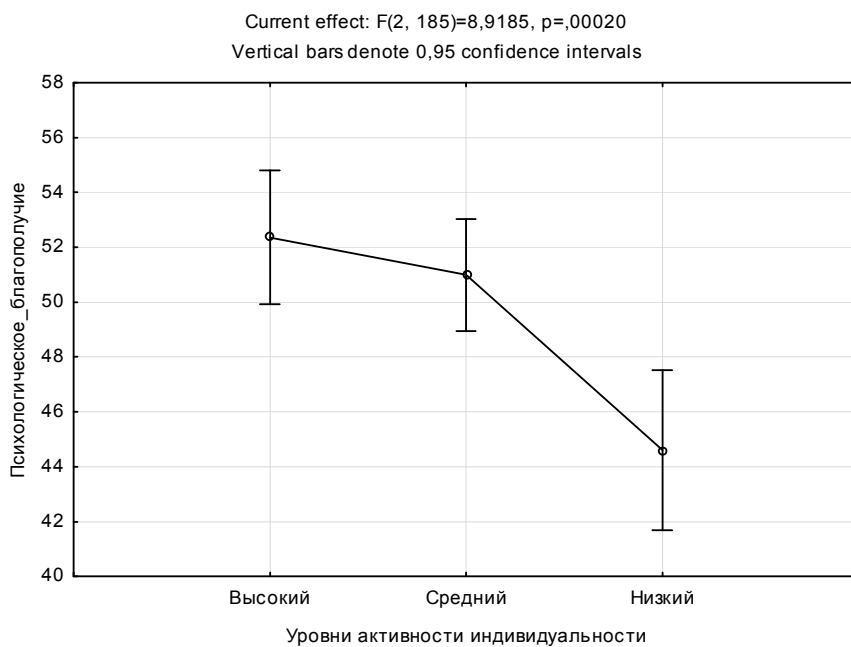

Рис. 1. Эффекты фактора «Активность индивидуальности» на психологическое благополучие студентов

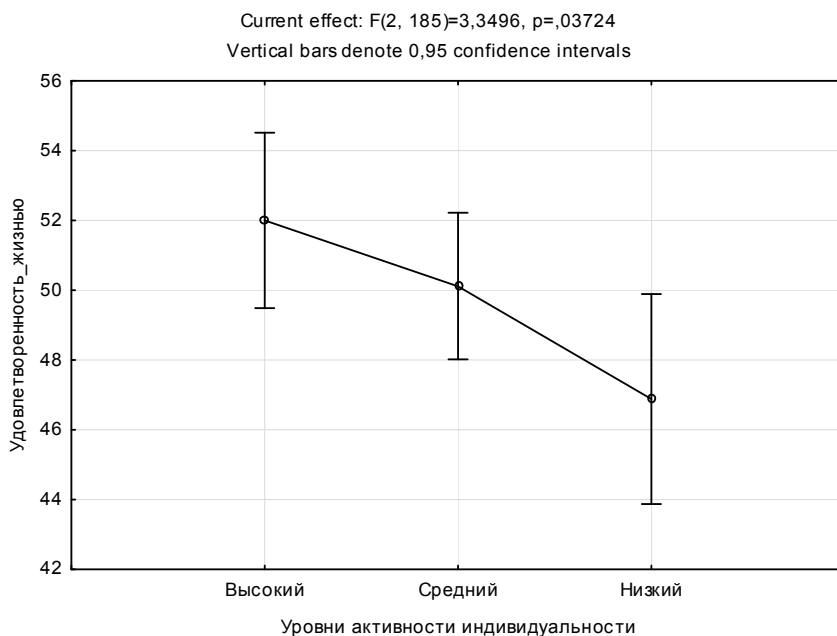

Рис. 2. Эффекты фактора «Активность индивидуальности» на удовлетворенность жизнью студентов

Примерно ту же картину мы наблюдаем, отмечая эффекты фактора АИ на удовлетворенность жизнью студентов. В целом у студентов с высоким и средним уровнем АИ средняя удовлетворенность жизнью выше. Но удовлетворенность жизнью студентов на всех трех уровнях АИ пересекается между собой (рис. 2).

Все полученные эффекты отражают позитивное влияние фактора АИ на когнитивную и эмоциональную составляющую счастья.

Выводы

1. В наибольшей степени с удовлетворенностью жизнью и психологическим благополучием студентов связаны такие особенности активности индивидуальности, как общий энергетический потенциал, независимость, самостоятельность, интернальность, ответственность, целенаправленность, авторство.

2. Психологическое благополучие и удовлетворенность жизнью студентов соответственно как эмоциональная и когнитивная составляющие переживания счастья могут иметь генетическую предрасположенность, связанную с темпераментальной активностью.

3. Студенты со средней и высокой активностью индивидуальности характеризуются более высоким уровнем психологического благополучия.

4. В целом удовлетворенность жизнью выше у студентов с высоким и средним уровнем АИ. Но и в группе с низкой АИ есть студенты, которые выражают среднюю удовлетворенность жизнью.

5. Активность индивидуальности оказывает позитивный эффект на психологическое благополучие и удовлетворенность жизнью студентов. Высокий уровень АИ предполагает повышение как эмоциональной, так и когнитивной (в меньшей степени) составляющих счастья.

Литература

1. Вяткин Б.А. Лекции по психологии интегральной индивидуальности человека. Пермь : Звезда, 2000. С. 87–103.
2. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М. : Педагогика, 1986. 256 с.
3. Дорфман Л.Я. Метаиндивидуальный мир: методологические и теоретические проблемы. М. : Смысл, 1993. 456 с.
4. Волочков А.А. Активность субъекта бытия: интегративный подход. Пермь, 2007. 376 с.
5. Волочков А.А. Активность субъекта сферы жизни: теоретическая модель и эмпирика (на примере профессиональной активности учителя) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7, № 1. С. 12–45.
6. Аргайл М. Психология счастья. 2-е изд. СПб. : Питер, 2003. 271 с. (Сер. «Мастера психологии»).
7. Миллер С. Психология развития: методы исследования. СПб. : Питер, 2002. 441 с.
8. Джидарьян И.А. Психология счастья и оптимизма. М. : Институт психологии РАН, 2013. 268 с. (Достижения в психологии).
9. Дергачева О.Е. Автономия и самодетерминация в психологии мотивации: теория Э. Деси и Р. Райана // Современная психология мотивации / под ред. Д.А. Леонтьева. М., 2002. С. 103–121.

Поступила в редакцию 28.09.2016 г.; повторно 18.01.2017 г.; принята 17.04.2017 г.

Сведения об авторе:

МИТРОФАНОВА Елена Николаевна, аспирант, старший преподаватель кафедры практической психологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет» (Пермь, Россия). E-mail: alenafox27@mail.ru

ACTIVITY OF INDIVIDUALITY, WELL-BEING AND LIFE SATISFACTION OF STUDENTS

Siberian journal of psychology, 2017, 64, 94–105. DOI: 10.17223/17267080/64/6

Mitrofanova Elena N., Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation). E-mail: alenafox27@mail.ru

Key words: activity; activity of individuality; well-being; life satisfaction; individual activity effects.

The category of “activity” is widely discussed and described in philosophy and psychology. In psychology, there are quite a lot of concepts of activity: in classical approaches (P.K. Anokhin, N.A. Bernstein, S.L. Rubinstein, A.N. Leontiev, A.V. Brushlinskii, A.V. Petrovsky, K.A. Abulkhanova, I.A. Dzhidaryan et al.) and in modern theories (A.A. Volochkov, Y.R. Vagin, O.A. Konopkin, V. I. Morosanova, V.V. Znakov, A.K. Osnitsky, N.E. Harlamenkova et al.). Mostly, both in theoretical and empirical research in the postnonclassical paradigm activity as a phenomenon is given a system-generating function. Its leading role in the formation of subjectivity is widely discussed. The theory of metaparadigmality of activity by A. Ivashchenko, N. B. Karabushchenko et al. discusses activity more broadly. The category of “activity” may become a theoretical foundation for many modern studies conducting within different psychological schools and approaches.

Our study makes a transition from abstract theories to case studies of human activity. The activity of an individual is the activity of each of the levels of an integrated individuality (bt V. S. Merlin). In our previous studies we proved the integrity of activity of an individual, the presence of an integral, general factor of human activity. In practical terms it is important to understand which parameters of activity of an individual (neurodynamic, psychodynamic, personality or social) are most strongly associated with psychological well-being and life satisfaction; how activity of an individual as a whole affects the quality of human life.

The article presents the empirical study of the structural interrelation between activity, psychological well-being, and students' life satisfaction, as well as the effects an individual activity has on these characteristics. It was found that not all of the parameters of individual activity were associated with psychological well-being and students' life satisfaction. In particular, psychological well-being and life satisfaction appeared to be associated with temperamental activity, authorship, and independence. In general, individual activity has significant effects on psychological well-being and life satisfaction of students. Life satisfaction and psychological well-being were significantly lower among students with low levels of individual activity.

References

1. Vyatkin, B.A. (2000) *Lektsii po psikhologii integral'noy individual'nosti cheloveka* [Lectures on the psychology of the integral individuality of man]. Perm: Zvezda. pp. 87–103.
2. Merlin, V.S. (1986) *Ocherk integral'nogo issledovaniya individual'nosti* [Essay on the integral study of individuality]. Moscow: Pedagogika. pp. 212.
3. Dorfman, L.Ya. (1993) *Metaindividual'nyy mir: metodologicheskie i teoreticheskie problemy* [Metaindividual world: methodological and theoretical problems]. Moscow: Smysl.
4. Volochkov, A.A. (2007) *Aktivnost' sub"ekta bytiya: Integrativnyy podkhod* [Activity of the subject of being: Integrative approach]. Perm: PGPU.

5. Volochkov, A.A. (2010) Activity of Subject of Life Sphere: Theoretical Model and Empirical Data. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 7(1). pp. 12–45. (In Russian).
6. Argyl, M. (2003) *Psikhologiya schast'ya* [Psychology of Happiness]. 2nd ed. Translated from English by A. Lisitsyn. St. Petersburg: Piter.
7. Miller, S. (2002) *Psikhologiya razvitiya: metody issledovaniya* [Developmental Psychology: Research Methods]. Translated from English by V. Belousov. St. Petersburg: Piter.
8. Dzhidaryan, I.A. (2013) *Psikhologiya schast'ya i optimizma* [Psychology of Happiness and Optimism]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences.
9. Dergacheva, O.E. (2002) Avtonomiya i samodeterminatsiya v psikhologii motivatsii: teoriya E. Desi i R. Rayana [Autonomy and self-determination in the psychology of motivation: The theory of E. Desi and R. Ryan]. In: Leontyev, D.A. (ed.) *Sovremennaya psikhologiya motivatsii* [Modern Psychology of Motivation]. Moscow: Smysl. pp. 103–121.

Received 28.09.2016;

Revised 18.01.2017;

Accepted 17.04.2017

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

УДК 159.942.5-08:612.832-001-06

DOI: 10.17223/17267080/64/7

И.Н. Нестерова¹, О.Г. Прудникова¹, Л.Т. Баранская^{2,3}, А.В. Губин¹

¹ ФГБУ «РНЦ “ВТО” им. акад. Г.А. Илизарова» Минздрава России (Курган, Россия)

² ФГБОУ ВО УГМУ Минздрава России (Екатеринбург, Россия)

³ Свердловская областная клиническая больница № 1 (Екатеринбург, Россия)

Психозомоциональный статус и копинг-стратегии у пациентов с отдаленными последствиями травматической болезни спинного мозга

Статья посвящена проблеме оценки психозомоционального статуса и стилей совладания с болезнью пациентов с травматической болезнью спинного мозга (тип повреждения спинного мозга В, С по шкале ASIA). Выявлено, что уровень депрессии не коррелирует с характером повреждения спинного мозга и тяжестью клинических проявлений заболевания. У пациентов без депрессии преобладают эмоциональные и поведенческие адаптивные копинг-стратегии. У больных с депрессией на фоне адаптивного эмоционального копинга «оптимизм» неадаптивные и условно адаптивные поведенческие и когнитивные копинг-стратегии формируют неблагоприятный психозомоциональный статус.

Ключевые слова: травматическая болезнь спинного мозга; психозомоциональный статус; состояние депрессии; ситуативная и личностная тревожность; совладающее поведение; копинг-стратегии.

Введение

Повреждение позвоночника и спинного мозга составляет до 15% от всех видов травм и характеризуется тяжелыми медицинскими и социально-психологическими последствиями [1]. Травма спинного мозга и последующая обездвиженность пациента могут вызвать психологический шок и впоследствии привести к развитию депрессии [2, 3]. Согласно зарубежным исследованиям, депрессия у пациентов с травматической болезнью спинного мозга (ТБСМ) имеет такие особенности. Наряду со сниженным настроением, отсутствием желаний и побуждений пациенты не верят в возможность выздоровления и восстановления трудоспособности, что в целом приводит к снижению мотивации к восстановительному лечению, уменьшает его эффективность [4, 5].

Для исследования личностных ресурсов и возможностей адаптации человека в критической ситуации травмы спинного мозга и ее последствий

необходимо изучение его стратегии совладания со стрессом и копинг-механизмов. В настоящее время в исследованиях стратегий совладания происходит смещение интереса с исследований неосознаваемых защитных механизмов на исследование целенаправленного и активного преодоления личностью кризисных ситуаций [6]. Исследования совладания преимущественно проводятся в рамках транзактной когнитивно-поведенческой модели копинга. В данной теории *копинг* (англ. cope – преодолевать, справляться с чем-либо) понимается как способ взаимодействия личности со стрессовой или критической ситуацией [7].

Цель настоящего исследования – оценка психоэмоционального статуса больных в отдаленном периоде ТБСМ и выявление стилей совладания с болезнью.

Материалы и методы

Клиническое исследование проводилось на базе нейрохирургического отделения ФГБУ РНЦ ВТО им. акад. Г.А. Илизарова. В исследовании приняли участие 49 пациентов с травматической болезнью спинного мозга.

Средний возраст больных составил $32,4 \pm 2,2$ года, что свидетельствует о преимущественном поражении лиц молодого трудоспособного возраста, из них: 31 мужчина (63,3%) и 18 женщин (36,7%).

Механизмы повреждения: автодорожная травма – 44,8%; кататравма – 26,5%; травма ныряльщика – 18,3%; бытовая травма – 10,2%.

Больные находились в промежуточном (1–2 года после травмы) – 21% и позднем (неопределенно долго) – 79% – периодах ТБСМ, т.е. спустя длительный период от начала болезни [8].

Распределение по уровню повреждения позвоночника: шейный отдел – 42%, грудной – 39%, поясничный – 19% случаев.

Для оценки двигательной активности и чувствительных нарушений больных в зависимости от состояния проводимости спинного мозга при его повреждениях использовалась шкала ASIA (ASIA\ISCSI – American Spine Injury Association International Standards for Neurological and Functional Classification of Spinal Cord Injury), где A – грубые неврологические нарушения с полным обездвиживанием в зависимости от уровня повреждения спинного мозга, а D – отсутствие нарушений [9]. Большинство больных отнесены к группам B и C с грубым неполным повреждением спинного мозга (рис. 1).

Для оценки психоэмоционального статуса пациентов и особенностей адаптации использовались: шкала тревожности Спилбергер–Ханина, направленная на исследование уровня личностной и реактивной тревожности [10]; шкала самооценки депрессии А. Бэка [11]; методика исследования копинг-механизмов Э. Хайма [7].

Использовали метод вариационной статистики: вычисление средней арифметической (M) и ее ошибки ($\pm m$), коэффициент корреляции r -Пирсона с оценкой по шкале Челдока.

Рис. 1. Диаграмма распределения больных по степени тяжести повреждения (шкала ASIA)

Результаты исследования

Среднее значение показателей депрессии по шкале А.Т. Бека (1961) составило $8,2 \pm 0,7$, что говорит о низком общем депрессивном фоне с точки зрения самих больных. В большинстве случаев депрессии не отмечалось (63,2%), субдепрессия выявлена у 24,4% больных, умеренная депрессия – в 8,1% случаев, выраженная – в 4%. Тяжелой депрессии не определялось (рис. 2).

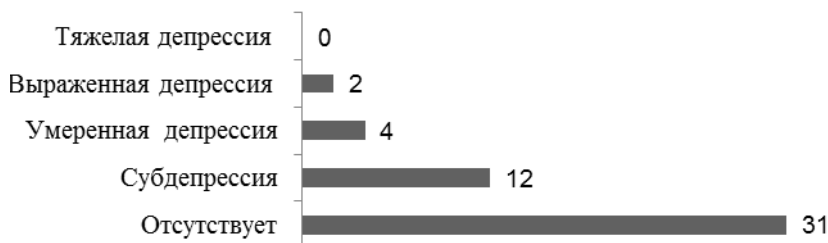

Рис. 2. Диаграмма распределения депрессии (по: Beck, 1961)

Соотношение выраженности депрессии и типа повреждения спинного мозга представлено на рис. 3.

При анализе выраженности неврологических проявлений и показателей психоэмоционального состояния коэффициент корреляции имел отрицательное значение, что указывает на отсутствие корреляционной зависимости между этими характеристиками. Коэффициент корреляции ситуативной тревожности и характера повреждения спинного мозга (шкала ASIA) определялся как $r = -0,07$; уровня депрессии и характера повреждения спинного мозга (шкала ASIA) – как $r = -0,04$.

При изучении уровня тревожности *личностная тревожность* (т.е. тревожность как устойчивая, конституциональная доминанта личности) определялась практически у всех пациентов (91,8%) и практически в рав-

ной степени распределилась между высоким и умеренным уровнем тревожности. *Ситуативная тревожность* (субъективно переживаемые эмоции, связанные со стрессовой ситуацией) выявлена всего в 26,5% случаев: у 2 больных на высоком уровне и у 11 – на умеренном.

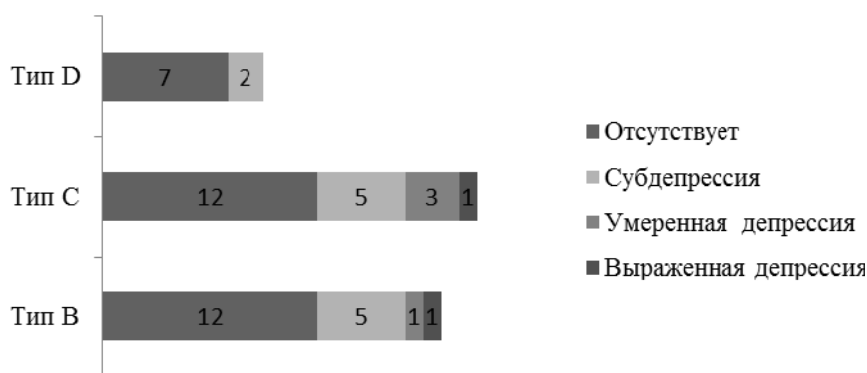

Рис. 3. Диаграмма распределения оценки тяжести депрессии в зависимости от типа повреждения спинного мозга (шкала ASIA)

Высокие показатели личностной тревожности определены у 21 человека, тогда как высокая ситуативная тревожность наблюдалась всего в 2 случаях (рис. 4).

Рис. 4. Диаграмма показателей личностной и ситуативной тревожности

При статистическом анализе ситуативной и личностной тревожности с помощью коэффициента корреляции Пирсона выявлена умеренная положительная взаимосвязь между этими переменными ($r = 0,6$). Коэффициент корреляции между уровнем ситуативной тревожности и депрессией составил 0,5 (рис. 5), а между личностной тревожностью и депрессией – 0,4 ($p < 0,05$) (рис. 6). Следовательно, по нашим данным, ситуативная тревожность более выражена в обследуемой группе больных.

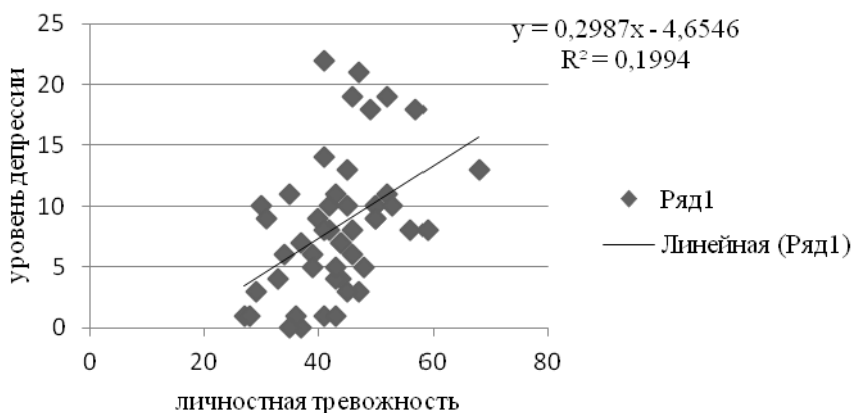

Рис. 5. Корреляция личностной тревожности и депрессии

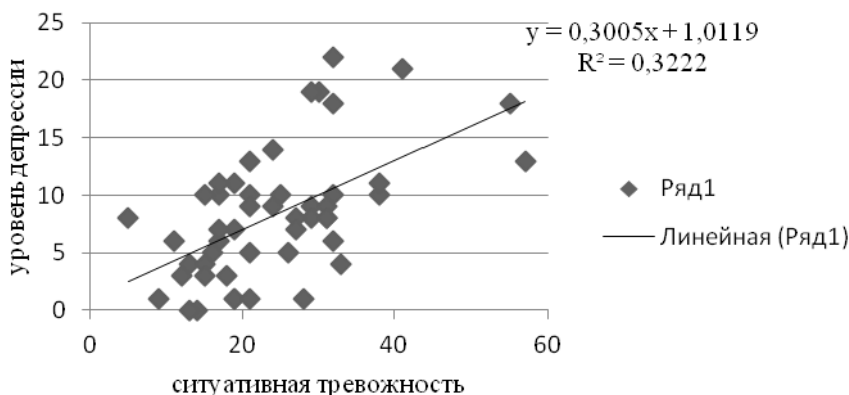

Рис. 6. Корреляция ситуативной тревожности и депрессии

По методике исследования *копинг-стратегий* Э. Хайма были получены следующие результаты. Среди вариантов **когнитивного копинга** преобладают «сохранение самообладания» (22,4%), «смирение» (14,2%) и «религиозность» (22,4%) (рис. 7).

Из **эмоционального блока копингов** наибольший процент отмечен в таких стратегиях, как «оптимизм» (61,2%) и «подавление эмоций» (18,3%) (рис. 8).

Поведенческие копинг-стратегии представлены относительно адаптивным копингом «отвлечение» (38,7%) и адаптивным «сотрудничество» (20,4%) (рис. 9).

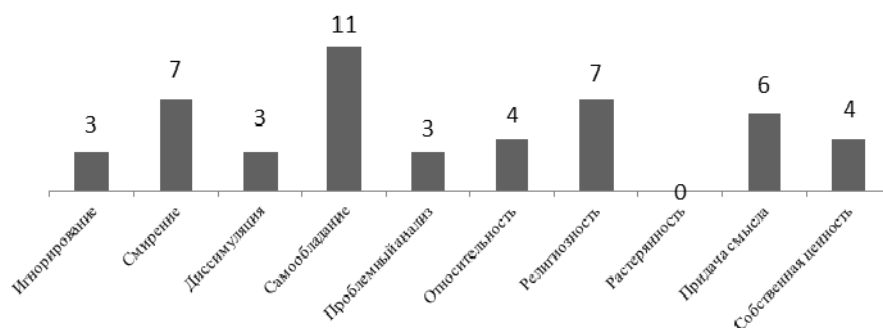

Рис. 7. Распределение когнитивных копинг-стратегий

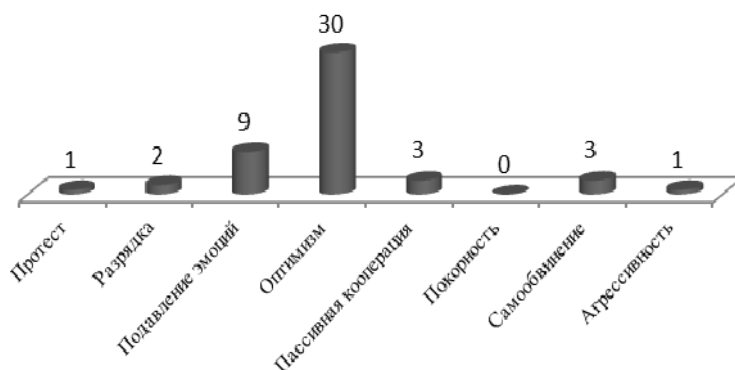

Рис. 8. Распределение эмоциональных копинг-стратегий

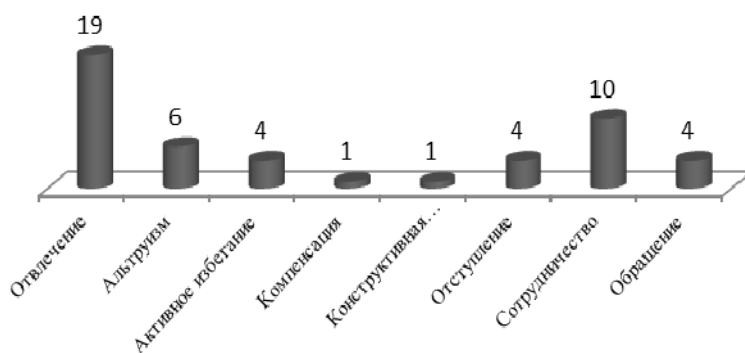

Рис. 9. Распределение поведенческих копинг-стратегий

Учитывая, что копинг-стратегии являются адаптационным механизмом, в данной клинической ситуации нам представилось интересным проследить варианты адаптивного поведения пациентов с депрессией и без нее (таблица).

Преобладающие копинг-стратегии у больных с депрессией и без депрессии

Название стратегии	С депрессией (n = 18)		Без депрессии (n = 31)	
	Количество человек	%	Количество человек	%
Когнитивные:				
смирение	4	22,2	3	9,6
религиозность	4	22,2	3	9,6
сохранение самообладания	3	16,6	8	25,8
придача смысла	1	5,5	5	16,1
установка собственной ценности	0	0	5	16,1
Эмоциональные:				
оптимизм	8	44,4	22	70,9
подавление эмоций	4	22,2	5	16,1
Поведенческие:				
отвлечение	6	33,3	16	51,6
сотрудничество	3	16,6	7	22,5

У 18 пациентов с депрессией преобладали такие стратегии совладания, как: «отвлечение», «оптимизм», «религиозность» и «смирение». У 31 больного без депрессии преобладали «сохранение самообладания» (25,8 %), «оптимизм» (70,9%), «отвлечение» (51,6%) и «сотрудничество» (22,5%).

Обсуждение результатов

В последнее десятилетие в медицине происходит смена нозоцентрической модели отношения к пациенту на личностно-ориентированную модель, в которой большую роль играют вопросы адаптации, мотивации и личностных ресурсов для преодоления стрессовой и критической ситуации болезни и ее последствий [7]. Одним из направлений исследования процесса адаптации пациентов с ТБСМ является диагностика психоэмоционального статуса и изучение копинг-стратегий и стилей совладания.

Вопрос диагностики депрессии у пациентов с ТБСМ остается спорным. По данным одних исследователей [12, 13], частота депрессии в отдаленном периоде ТБСМ составляет от 30 до 60%. По данным других авторов [14, 15], уровень депрессии у данной категории больных определяется в 11,4–16% случаев. В некоторых исследованиях установлено полное отсутствие депрессии у пациентов, перенесших травму спинного мозга [16, 17].

Анализ публикаций о зависимости тревожно-депрессивных расстройств от выраженности повреждения спинного мозга не дает четкой картины. Исследования В.Л. Кемп (2004) не выявили связи между уровнем депрессии и характером травмы [18]. Л.В. Кокоткина с соавт. (2008) показывает четкую взаимосвязь этих параметров. С нарастанием степени повреждения увеличивается частота и выраженность депрессии, а также повышается уровень личностной и реактивной тревожности [1].

В обследуемой группе у всех пациентов диагностированы клинически выраженные нарушения проводимости спинного мозга, приводящие к

функциональным ограничениям: 81,6% больных отнесены к группам В и С по шкале ASIA с грубым неполным повреждением спинного мозга. Повреждение чаще локализовалось на шейном и грудном уровне, что привело к выраженным неврологическим нарушениям с инвалидизацией пациентов. По результатам оценки психоэмоционального состояния у больных в промежуточном и позднем периодах ТБСМ высокая личностная тревожность выявлена в 42,8% случаев, тогда как ситуативная тревожность – всего у 4% больных. Выраженная депрессия диагностирована всего у 4% пациентов. При этом ни уровень ситуативной тревожности, ни уровень депрессии не зависели от тяжести неврологических проявлений. Следовательно, нельзя утверждать, что у больных в отдаленном периоде ТБСМ имеется высокий уровень ситуативной тревожности и тяжелой депрессии, несмотря на выраженные ограничения двигательных функций и высокий уровень инвалидизации (тип В, С по шкале ASIA).

Эта несогласованность результатов исследований может быть объяснена тем, что на адаптацию к травме влияет не только эмоциональное состояние пациентов, но и комплекс факторов и прежде всего адаптивные механизмы [4, 19].

При изучении вариантов совладающего поведения больных с последствиями повреждения спинного мозга исследователями предлагались модели копинг-стратегий, не связанные с диагнозом, но определяющие степени адаптации [20–22]. Однако ни предлагаемые шкалы, ни унифицированные модели не подтвердили свою универсальность [23].

Исследования Р.А. Dorsett (2008) показали, что большинство пациентов с ТБСМ в отдаленном периоде используют множественные копинг-стратегии [24].

В нашей работе при анализе копинг-поведения по методике Э. Хайма среди вариантов **когнитивного копинга** отмечено преобладание неадаптивных форм копинг-поведения, из которых чаще встречались «смирение» (14,2%), «диссимуляция» (6,1%) и «игнорирование» (6,1%); среди адаптивных форм преобладают «сохранение самообладания» (22,4%), «установка собственной ценности» (8,1%) и «проблемный анализ» (6,1%). Такие формы когнитивных копинг-стратегий считаются успешными в преодолении трудностей, направлены на анализ возникших проблем и путей выхода из них, на повышение самоконтроля и самооценки, усиливающих уверенность в возможности совладания с ситуацией угрозы, психологическое благополучие индивида. Из относительно адаптивных форм отмечены «религиозность» (14,2%), «придача смысла» (12,2%) и «относительность» (8,1%) – типы поведения, связанные с совершенствованием, прочной стойкости духа и верой.

В **эмоциональном блоке копингов** наибольший процент отмечен в таких стратегиях, как «оптимизм» (61,2%) – адаптивная копинг-стратегия и «подавление эмоций» (18,3%) – неадаптивная копинг-стратегия, характеризующаяся подавленным эмоциональным состоянием, состоянием безразличия и переживанием злости и чувством безысходности. Несмотря на

объективную тяжесть всей ситуации, копинг «*оптимизм*» помогает данным больным не терять веру в лучшее, находить положительные моменты, не обращать внимание на возникающие трудности и продолжать успешно бороться со своим заболеванием.

Поведенческие копинг-стратегии у большинства пациентов представлены относительно адаптивным копингом «*отвлечение*» (38,7%), отражающее стремление к временному отходу от решения проблем. При временных и незначимых трудностях такое поведение может считаться адаптивным, помогая успешно преодолевать трудности, но при длительных и значимых стрессовых воздействиях оно может расцениваться как дезадаптивное, способствующее поддержанию эмоционального напряжения, связанного с этими воздействиями. Среди адаптивных форм копингов преобладали «*сотрудничество*» (20,4%), «*альтруизм*» (12,2%) и «*обращение*» (8,1%). Эти копинг-стратегии относятся к способствующим успешной адаптации и выражаются в активном поведении личности, при котором личность вступает в сотрудничество со значимыми (более опытными) людьми, в активности по разрешению сложных ситуаций; данные индивиды также готовы предложить свою помощь в разрешении проблем. Неадаптивные копинг-стратегии представлены такими вариантами, как «*активное избегание*» (8,1%) и «*отступление*» (8,1%), предполагающими отказ от решения проблем.

При этом для пациентов с **депрессией** чаще использовались когнитивные стратегии «*религиозность*» (22,2%) и «*смирение*» (22,2%). Смирение является неадаптивным копингом, это пассивная форма поведения, которая проявляется в отказе от преодоления трудностей из-за неверия в свои силы. Стратегию «*смирение*» в основном выбирали пациенты с умеренно выраженной депрессией и депрессией средней тяжести; эмоциональные копинги «*оптимизм*» (44,4%) и «*подавление эмоций*» (22,2%) преобладали в основном у пациентов с субдепрессией. Поведенческие копинг-стратегии у больных с депрессией представлены такой относительно адаптивной стратегией, как «*отвлечение*» (33,3%).

В группе пациентов с ТБСМ, где депрессии **не выявлено**, диагностированы следующие копинг-стратегии: среди когнитивных «*сохранение самообладания*» (25,8%), «*придача смысла*» (16,1%), «*установка собственной ценности*» (16,1%); данные стратегии являются адаптивными, они направлены на анализ возникших трудностей и возможных путей выхода из них, на повышение самооценки и самоконтроля, более глубокое осознание собственной ценности как личности и наличие веры в собственные ресурсы. Среди эмоциональных стратегий диагностируется «*оптимизм*» (70,9%), который характеризуется уверенностью в наличии выхода из любой, даже самой сложной ситуации. Поведенческие стратегии представлены таким копингами, как «*отвлечение*» (51,6%) и «*сотрудничество*» (22,5%). Представленный набор копинг-стратегий является адаптивным, т.е. данные варианты копинг-поведения помогают пациентам с ТБСМ

успешно адаптироваться к последствиям спинальной травмы как психологически, так и социально.

Заключение

Факторами, определяющими развитие депрессивного состояния у больных в промежуточном и позднем периодах ТБСМ, являются личностная, ситуативная тревожность и варианты неадаптивного поведения. При этом уровень депрессии не коррелирует с характером повреждения спинного мозга и тяжестью клинических проявлений заболевания. Формирование депрессии определяется множественными вариантами копинг-поведения: когнитивными, эмоциональными, поведенческими. Преобладание адаптивных копинг-стратегий формирует позитивный психоэмоциональный статус больных. Неблагоприятный психоэмоциональный статус наблюдается при наличии неадаптивных и относительно адаптивных поведенческих и когнитивных копинг-стратегий. С нашей точки зрения, отсутствие тяжелой депрессии и психогенных изменений объясняется работой механизмов совладания и копинг-механизмов, которые направлены на преодоление трудностей, остроты переживания и помогают личности адаптироваться к тяжелой жизненной ситуации, связанной со спинальной травмой.

Литература

1. Кокоткина Л.В., Цыганков Б.Д., Кочетков А.В., Добровольская Ю.В. Современные особенности медико-психологической реабилитации больных с травматической болезнью спинного мозга // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 2008. № 2. С. 51–57.
2. Gill M. Psychosocial implications of spinal cord injury // Crit. Care Nurs. Quart. 1999. Vol. 22, № 2. P. 1–7.
3. Hoffman J.M., Bombardier C.H., Graves D.E. et al. Natural history of mayor depression after spinal cord injury // J. Spinal. Cord Med. 2008. Vol. 31, № 2. P. 236–237.
4. Булюбаш И.Д. Психический статус пациента с последствиями спинальной травмы: депрессия и реакция горя // Медико-социальная экспертиза. 2015. URL: <http://www.invalidnost.com/forum /11-2652-1> (дата обращения: 18.07.2016).
5. Булюбаш И.Д., Морозов И.Н., Приходько М.С. Психологическая реабилитация пациентов с последствиями спинальной травмы. Самара, 2011. 272 с.
6. Вишнева А.Е. Динамика стратегий совладания у больных с последствиями инсультов и черепно-мозговых травм // Национальный психологический журнал. 2013. № 1 (9). С. 103–109.
7. Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Исаева Е.Р., Трифонова Е.А. Методика для психологической диагностики совладающего поведения в стрессовых и проблемных для личности ситуациях. СПб. : Психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 2008. 35с.
8. Амелина О.А. Травма спинного мозга. Клиническая неврология с основами медико-социальной экспертизы / под ред. А.Ю. Макарова. СПб. : Золотой век, 1998. С. 232–248.
9. Белова А.Н., Щепетова О.Н. Шкалы, тесты и опросники в медицинской реабилитации. М. : Антидор, 2002. 440 с.
10. Ханин Ю.Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера. Л. : ЛНИИТЕК, 1976. 18 с.

11. Beck A.T. et al. An Inventory for Measuring Depression // Archives of general psychiatry. 1961. Vol. 4, № 6. P. 561–571.
12. Craig A.R., Hancock K.M., Dickson H.G. A longitudinal investigation into anxiety and depression in the first 2 years following a spinal cord injury // Paraplegia. 1994. Vol. 32, № 10. P. 675–679.
13. De Carvalho S.A., Andrade M.J., Tavares M.A., de Freitas J.L. Spinal cord injury and psychological response // Gen. Hosp. Psychiatry. 1998. Vol. 20, № 6. P. 353–359.
14. Scivoletto G., Perrelli A., Di Lacente L., Castellano V. Psychological investigation of spinal cord injury // Spinal Cord. 1997. Vol. 35, № 8. P. 516–520.
15. Bombardier C.H., Richards J.S., Krause J.S. et al. Symptoms of major depression in people with spinal cord injury: Implications for screening // Arch. Phys. Med. Rehabil. 2004. Vol. 85, № 11. P. 1749–1756.
16. Морозов И.Н. [и др.] Диагностика психологических расстройств в промежуточном и позднем периодах спинальной травмы // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2008. № 2. С. 43–45.
17. Ahoniemi E., Pohjolainen T., Kautiainen H. Survival after spinal cord injury in Finland // J. Rehabil Med. [Electronic resource]. 2011. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/21533327> (дата обращения: 18.07.2016).
18. Kemp B.J., Mosqueda L. Aging with a disability: what the clinician needs to know. Boston, 2004. 328 p.
19. Котова О.А., Булюбаш И.Д., Байкова И.А. Психоземotionalные особенности пациентов, перенесших спинномозговую травму (обзор литературы) // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. 2013. № 4. С. 17–21.
20. Elliott T.R., Umlauf R.L. Measurement of personality and psychopathology following acquired physical disability. Psychological Assessment in Medical Rehabilitation. Washington, 1995. P. 325–358.
21. Felton B.J. et. al. Stress and coping in the explanation of psychological adjustment among chronically ill adults // Soc Sci Med. 1984. Vol. 18 (10). P. 89–98.
22. Craig A., Iran Y., Lovas J., Middleton J. Spinal cord injury and its association with negative psychological states // Intern. J. Psychosoc. Rehabil. 2008. Vol. 12, № 2. P. 115–121.
23. Buckelew S.P., Frank R.G., Elliott T.R., Chaney J., Hewett J. Adjustment to spinal cord injury // Stage theory revisited. Paraplegia. 1991. Vol. 2. P. 125–130.
24. Dorsett P. Health related outcomes of people with spinal cord injury – a 10 year longitudinal study // Spinal Cord. 2008. Vol. 46 (5). P. 386–391.

Поступила в редакцию 22.09.2016 г.; повторно 02.02.2017 г.; принята 22.02.2017 г.

Сведения об авторах:

НЕСТЕРОВА Ирина Николаевна, клинический психолог ФГБУ «РНЦ “ВТО” им. акад. Г.А. Илизарова» Минздрава России (Курган, Россия). E-mail: irina-nest2010@mail.ru

ПРУДНИКОВА Оксана Германовна, доктор медицинских наук, старший научный сотрудник научно-клинической лаборатории патологии осевого скелета и нейрохирургии, заведующая травматолого-ортопедическим отделением № 10 ФГБУ «РНЦ “ВТО” им. акад. Г.А. Илизарова» Минздрава России (Курган, Россия). E-mail: pog6070@gmail.com

БАРАНСКАЯ Людмила Тимофеевна, доктор психологических наук, заведующий кафедрой клинической психологии ФГБОУ ВО УГМУ Минздрава России, медицинский психолог высшей категории Свердловской областной клинической больницы № 1 (Екатеринбург, Россия). E-mail: lubaran@rambler.ru

Губин Александр Вадимович, доктор медицинских наук, директор ФГБУ «РНЦ “ВТО” им. акад. Г.А. Илизарова» Минздрава России (Курган, Россия). E-mail: gubin_av@ilizarov.ru

PSYCHO-EMOTIONAL STATUS AND COPING STRATEGIES IN PATIENTS WITH LONG-TERM CONSEQUENCES OF TRAUMATIC DISEASE OF SPINAL CORD

Siberian journal of psychology, 2017, 64, 106–119. DOI: 10.17223/17267080/64/7

Nesterova Irina N., Russian Ilizarov Scientific Center for Restorative Traumatology and Orthopaedics (Kurgan, Russian Federation). E-mail: irina-nest2010@mail.ru

Prudnikova Oksana G., Russian Ilizarov Scientific Center for Restorative Traumatology and Orthopaedics (Kurgan, Russian Federation). E-mail: pog6070@gmail.com

Baranskaya Lyudmila T., FSBEI HE USMU MOH Russia, GBUZ “Sverdlovsk OKB No1” (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: lubaran@rambler.ru

Gubin Aleksandr V., Russian Ilizarov Scientific Center for Restorative Traumatology and Orthopaedics (Kurgan, Russian Federation). E-mail: gubin_av@ilizarov.ru

Key words: traumatic disease of spinal cord; long-term period of disease; psycho-emotional status; condition of depression; state and trait anxiety; coping behavior and coping strategies.

Subject and purpose of the study. Personal resources of patients with traumatic disease of spinal cord (TDSC), individual abilities of psychological adaptation to changed conditions of life and motivation for recovery have significant influence on their full-value rehabilitation throughout the entire restorative period. The purpose of the present study is to evaluate psycho-emotional status and styles of coping with the disease in patients with TDSC.

Participants of the study and methods. 49 patients were selected (average age 32.4 ± 2.2 years, among them – 63.3% males) with TDSC with duration of the disease over 3-4 months; with the type of spinal cord damage B, C by ASIA scale. With all patients the following techniques were applied: 1) Self-evaluation of depression according to A. Back; 2) Evaluation of trait and state anxiety according to Spielberg-Hanin test; 3) study of coping-behaviour by E. Haim. For evaluation of the results we calculated the arithmetical mean (M) and its error ($\pm m$), correlation coefficient r-Pearson with evaluation according to Cheldok scale.

Results. In the examined group all patient were diagnosed with clinically evident disorders of conductivity of the spinal cord leading to functional limitations: 81.6% of the patients were referred to groups B and C according to ASIA scale with severe incomplete spinal cord injury. The injury was often located at cervical and thoracic level, which caused severe neurological disorders and disability of the patients. We evaluated psycho-emotional condition of patients in interim and late periods of traumatic disease of the spinal cord and observed high trait anxiety in 42.8% of cases, while state anxiety was observed only in 4% of patients. Significant depression was diagnosed only in 4% of patients. Neither level of state anxiety, nor level of depression depended on severity of neurological disorders.

Prevailing variants of cognitive coping strategies are: “Exercising self-control” (22.4%), “Humility” (14.2%) and “Religiosity” (22.4%), emotional coping “Optimism” (61.2%) and “Suppression of emotions” (18.3%), behavioural coping “Distraction” (38.7%) and adaptive “Collaboration” (20.4%).

A lot of factors contribute to formation of depression, including various variants of coping-behaviour: cognitive, emotional, behavioural. Predominance of adaptive coping-strategies forms positive psychological status of patients. Negative psycho-emotional background is observed in presence of non-adaptive and relatively adaptive behavioural and cognitive coping strategies. In our opinion, absence of severe depression and psychogenic changes is explained by the work of coping mechanisms and coping strategies, which are directed at overcoming difficulties, rueful emotions, reduction of stress and help the person to adapt to difficult life situation associated with the spinal trauma.

References

1. Kokotkina, L.B., Tsygankov, B.D., Kochetkov, A.B. & Dobrovolskaya, Yu.V. (2008) Sovremennye osobennosti mediko-psikhologicheskoy reabilitatsii bol'nykh s travmaticheskoy

- bolezniyu spinного mozga [Modern medical and psychological rehabilitation of patients with traumatic spinal cord disease]. *Obozrenie psikhiatrii i meditsinskoj psikhologii im. V.M. Bekhtereva*. 2. pp. 51–57.
2. Gill, M. (1999) Psychosocial implications of spinal cord injury. *Crit. Care Nurs. Quart.* 22(2). pp. 1–7.
 3. Hoffman, J.M., Bombardier, S.H., Graves, D.E. et al. (2008) Natural history of major depression after spinal cord injury. *Journal of Spinal Cord Medicine*. 31(2). pp. 236–237.
 4. Bulyubash, I.D. (2015) *Psikhicheskiy status patsienta s posledstviyami spinal'noy travmy: depressiya i reaktsiya gorya* [Mental status of the patient with consequences of spinal trauma: depression and grief reaction]. [Online] Available from: <http://www.invalidnost.com/forum/11-2652-1>. (Accessed: 18th July 2016).
 5. Bulyubash, I.D., Morozov, I.N. & Prikhodko, M.S. (2011) *Psikhologicheskaya reabilitatsiya patsientov s posledstviyami spinal'noy travmy* [Psychological rehabilitation of patients with the consequences of spinal trauma]. Samara: Bakhrakh-M.
 6. Vishneva, A.E. (2013) Dynamics of coping strategies in patients after stroke and traumatic brain injury. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal – National Psychological Journal*. 1(9). pp. 103–109. (In Russian). DOI: 2079-6617/2013.0114
 7. Vasserman, L.I., Iovlev, B.V., Isaeva, E.R. & Trifonova, E.A. (2008) *Metodika dlya psikhologicheskoy diagnostiki sovladayushchego povedeniya v stressovykh i problemnykh dlya lichnosti situatsiyakh* [Technique for psychological diagnosis of coping behaviour in stressful and problem-solving situations]. St. Petersburg: V.M. Bechterew Psychoneurological Institute.
 8. Amelina, O.A. (1998) Travma spinного mozga [Spinal cord trauma]. In: Makarov, A. (ed.) *Klinicheskaya nevrologiya s osnovami mediko-sotsial'noy ekspertizy* [Clinical neurology with the basics of medical and social expertise]. St. Petersburg: Zolotoy vek. pp. 232–248.
 9. Belova, A.N. & Shchepetova, O.N. (2002) *Shkaly, testy i oprosniki v meditsinskoj reabilitatsii* [Scales, tests and questionnaires in medical rehabilitation]. Moscow: Antidor.
 10. Khanin, Yu.L. (1976) *Kratkoe rukovodstvo k primeneniyu shkaly reaktivnoy i lichnostnoy trevozhnosti Ch.D. Spielbergera* [A Short Guide to Ch.D. Spielberger's Scale of Reactive and Personal Anxiety]. Leningrad: LNIITEK.
 11. Beck, A.T. et al. (1961) An Inventory for Measuring Depression. *Archives of General Psychiatry*. 4(6). pp. 561–571. DOI: 10.1001/archpsyc.1961.01710120031004
 12. Craig, A.R., Hancock, K.M. & Dickson, H.G. (1994) A longitudinal investigation into anxiety and depression in the first 2 years following a spinal cord injury. *Paraplegia*. 32(10). pp. 675–679. DOI: 10.1038/sc.1994.109
 13. De Carvalho, S.A., Andrade, M.J., Tavares, M.A. & de Freitas, J.L. (1998) Spinal cord injury and psychological response. *Gen. Hosp. Psychiatry*. 20(6). pp. 353–359. DOI: 10.1016/S0163-8343(98)00047-4
 14. Scivoletto, G., Perrelli, A., Di Lacente, L. & Castellano, V. (1997) Psychological investigation of spinal cord injury. *Spinal Cord*. 35(8). pp. 516–520. DOI: 10.1038/sj.sc.3100437
 15. Bombardier, S.H., Richards, J.S., Krause, J.S. et al. (2004) Symptoms of major depression in people with spinal cord injury: Implications for screening. *Arch. Phys. Med. Rehabil.* 85(11). pp. 1749–1756. DOI: 10.1016/j.apmr.2004.07.348
 16. Morozov, I.N. et al. (2008) Diagnostika psikhologicheskikh rasstroystv v promezhutochnom i pozdnem periodakh spinal'noy travmy [Diagnosis of psychological disorders in the intermediate and late periods of spinal trauma]. *Mediko-sotsial'naya ekspertiza i reabilitatsiya – Medico-Social Expert Evaluation and Rehabilitation*. 2. pp. 43–45.
 17. Ahoniemi, E., Pohjolainen, T. & Kautiainen, H. (2011) Survival after spinal cord injury in Finland. *Journal of Rehabilitation Medicine*. [Online] Available from: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/21533327>. (Accessed: 18th July 2016).
 18. Kemp, B.J. & Mosqueda, L. (2004) *Aging with a disability: what the clinician needs to know*. Boston: Johns Hopkins University Press.

19. Kotova, O.A., Bulyubash, I.D. & Baykova, I.A. (2013) Psychoemotional features of patients after spinal injury (literature review). *Zhurnal Grodnenskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta – Journal of Grodno State Medical University*. 4. pp. 17–21. (In Russian).
20. Elliott, T.R. & Umlauf, R.L. (1995) Measurement of personality and psychopathology following acquired physical disability. In: Scherer, M.J. & Cushman, L. (eds) *Psychological Assessment in Medical Rehabilitation*. Washington: APA. pp. 325–358.
21. Felton, B.J. et al. (1984) Stress and coping in the explanation of psychological adjustment among chronically ill adults. *Social Science and Medicine*. 18(10). pp. 89–98. DOI: 10.1016/0277-9536(84)90158-8
22. Craig, A., Iran, Y., Lovas, J. & Middleton, J. (2008) Spinal cord injury and its association with negative psychological states. *International Journal of Psychosocial Rehabilitation*. 12(2). pp. 115–121.
23. Buckelew, S.P., Frank, R.G., Elliott, T.R., Chaney, J. & Hewett, J. (1991) Adjustment to spinal cord injury. Stage theory revisited. *Paraplegia*. 2. pp. 125–130. DOI: 10.1038/sc.1991.17
24. Dorsett, P. (2008) Health related outcomes of people with spinal cord injury – a 10 year longitudinal study. *Spinal Cord*. 46(5). pp. 386–391. DOI: 10.1038/sj.sc.3102159

Received 22.09.2016;

Revised 02.02.2017;

Accepted 22.02.2017

УДК 159.9+316.6

DOI: 10.17223/17267080/64/8

**Е.Д. Счастный¹, Т.Г. Бохан², Н.А. Бохан¹,
М.Д. Заикина², О.В. Терехина²**

¹ *Томский национальный исследовательский медицинский центр
Российской академии наук (Томск, Россия)*

² *Томский государственный университет (Томск, Россия)*

**Стратегии поведения в ситуации болезни
и средства, способствующие улучшению состояния
у лиц с психическими расстройствами
с коморбидным синдромом депрессии**

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект 14-06-00113
«Влияние культуры на субъективное переживание депрессии
и экспрессию ее признаков».

Приводятся данные о доминирующих стратегиях поведения в ситуации болезни и средствах, способствующих улучшению психического состояния у респондентов с расстройствами настроения (F32), а также с психическими расстройствами с коморбидным синдромом депрессии: невротические расстройства (F48), связанные со стрессом, психические расстройства, вызванные употреблением алкоголя (F10), шизотипические расстройства (F21). Показано, что полученные результаты имеют важное значение для прогноза лечения и определения задач, методов дифференцированной психологической реабилитации и профилактики нарушений психического здоровья.

Ключевые слова: депрессия; коморбидность; совладающее поведение; психологическая профилактика; факторы, улучшающие состояние депрессии.

Введение

В последнее десятилетие появилось множество работ, посвященных изучению проблемы совладающего поведения (копинга), которое направлено на повышение адаптации личности к среде. Неправильное совладание человека со стрессом может приводить к формированию психопатологии, могут зарождаться навязчивые мысли, выражающиеся в непрерывном контроле за предотвращением потенциально опасной ситуации и различных фобий. Пациенты, страдающие различными психическими расстройствами, используют разнообразные поведенческие стратегии, способствующие совладанию с заболеванием (L. Besiroglu, R. Askin, 2004), которые включают в себя отсроченное обращение за медицинской помощью, а также за помощью к психологу. Несвоевременное обращение к специалисту может способствовать развитию депрессии, которая становится наиболее распро-

страненным недугом нашего времени. Исследователи отмечают высокую коморбидность депрессии с психическими расстройствами, которые, как предполагается, взаимосвязаны. Коморбидность двух психических расстройств может быть обусловлена рядом причин: одно из них создает условия для возникновения другого; первое является этапом развития второго; оба состояния служат результатом единого патологического процесса, а различия обусловлены влиянием внешних факторов; оба имеют общие механизмы патогенеза (H.U. Wittchen). Коморбидность буквально переводится как «соболезненность» (лат. со – вместе, morbus – болезнь). Понятие коморбидности впервые предложил A.R. Feinstein (1970), подразумевая под ней наличие или возможное появление в клинической картине текущего заболевания дополнительной клинической единицы. Концепция множественных расстройств, нашедшая отражение в МКБ-10 и DSM-IV, определяется возможным наличием нескольких диагностических категорий одновременно у одного и того же индивидуума. Т.А. Widiger (2000) предлагает заменить термин «коморбидность» термином «сочетанная патология» как более нейтральным в связи с разногласиями ученых относительно термина «коморбидность». При оценке распространенности случаев коморбидного сочетания психической патологии учитываются либо исключительно текущие расстройства – поперечный срез, либо дополнительно принимаются во внимание расстройства, перенесенные пациентами в течение жизни, – продольный срез [1–3] выделяет пять возможных вариантов в модели коморбидности психических заболеваний. Присутствие нескольких различных «связанных расстройств» у пациента соответствует первому варианту. Второй вариант свидетельствует о выводе вторичных расстройств из первичных, которые имеют соподчиненный характер по отношению к облигатным нарушениям – «иерархический порядок». Третьему варианту соответствует сочетание текущего психического расстройства с личностной дисгармонией – «производное личностного дефекта». Четвертый вариант объясняет развитие разнообразных психических расстройств у конкретного пациента наличием специфических биологических аномалий. При пятом варианте психические расстройства рассматриваются как типы реакций на внешние стимулы (психологической, либо биологической природы) со значительной индивидуальной вариабельностью – «отказ от нозологии». А. Б. Смулевич выделяет три типа коморбидных соотношений депрессии с другими психическими расстройствами [4]. О поглощающем типе речь идет в тех случаях, когда другие психопатологические образования являются составной частью гипотимии (типичная депрессия). При синергическом типе к депрессии присоединяются относительно независимые, но обнаруживающие аффинитет к аффективным расстройствам психопатологические знаки. Коморбидность автономного типа отражает взаимодействие депрессивных и полностью независимых от них расстройств аффективных регистров.

Неблагоприятные жизненные события повышают вероятность развития хронических депрессивных расстройств [5]. Дисфункциональные

когнитивные установки, обусловленные личностными особенностями, процессы самоконтроля и саморегулирования, негативный стиль атрибуции, недостаточно развитые социальные навыки занимают ведущую роль в структуре условий возникновения расстройств депрессивного спектра [6, 7]. Личность пациента при депрессии является одним из определяющих факторов как в развитии, так и в лечении, прежде всего психотерапии [8]. В этой связи особое место в лечении депрессивных больных занимает когнитивно-поведенческая психотерапия [9]. Когнитивно-поведенческая терапия способствует снижению уровня тревоги, депрессии и повышению качества жизни пациентов [10]. Важным моментом является то, что когнитивно-поведенческая психотерапия может использоваться в лечебной практике как самостоятельно, так и в комбинации с медикаментозной терапией. Целью психотерапии становится устранение депрессивных симптомов и научение пациента совладающему поведению в трудных жизненных ситуациях [11].

Рациональная психотерапия врача с пациентом в состоянии депрессии заключается в разъяснении причин заболевания и убеждении в возможности быстрого формирования ремиссии, исходя из текущих клинических особенностей депрессии и личностных особенностей пациента.

Важная роль отдается внутренним ресурсам пациентов в их попытках преодолеть проявления заболевания [12]. С этой целью применяют следующие подходы: самообразование по вопросам своего заболевания, самоконтроль с целью предотвращения обострений, соблюдение режима приема назначенных лекарственных препаратов и отказ от самолечения посредством злоупотребления психоактивными веществами, участие в тех видах деятельности, которые способствуют личностному росту, взаимной поддержке; возможность восполнить пропущенные стадии развития посредством обучения или профессиональной подготовки, а также стремление изменить личное отношение к заболеванию от полного его отрицания к признанию и принятию.

Проблема сочетания психических расстройств и депрессии влечет за собой негативные последствия как для пациента, так и для его близких. Поэтому особенно актуальным является определение факторов, способствующих улучшению состояния в клинических группах, которое необходимо для раннего выявления коморбидности и оказания помощи населению.

Цель исследования: выявить особенности поведения и средства, способствующие улучшению состояния, в представлении респондентов, страдающих психическими расстройствами. Выборку составили 98 человек в возрасте от 20 до 80 лет, страдающие психическими расстройствами и находящиеся на стационарном лечении: с расстройствами настроения F32 – 31 человек, а также с психическими расстройствами (F48, F10, F21 по МКБ–10) с коморбидным синдромом депрессии: невротические расстройства, связанные со стрессом F48, – 25 человек, психические расстройства, вызванные употреблением алкоголя F10, – 21 человек, шизотипические расстройства F21 – 21 человек.

Методы исследования: опросники «Стратегии поведения в ситуации болезни» и «Средства, способствующие улучшению состояния» (А. Райдер, Канада, ун-т Конкордия). Методы статистической обработки: описательная статистика, сравнительный анализ (критерий Краскела–Уоллиса, критерий Манна–Уитни), факторный анализ. Опросник «Стратегии поведения в ситуации болезни» включает 71 утверждение относительно способов поведения в ситуации болезни, состояния депрессии. Эти способы поведения можно отнести к таким стратегиям, как: «социальная поддержка», «диссимилиация», «пессимизм», «принятие наркотических средств», «самообвинение», «переключение», «агрессия», «сосредоточение на решении проблемы», «положительная переоценка», «эмоциональная регуляция и самоподдержка». Респондентам было предложено оценить степень вероятности использования данных способов поведения при регуляции состояния депрессии от 1 до 3 баллов. К наиболее вероятным были отнесены те способы поведения, средние значения которых превышали 1,6 балла по шкале от 0 до 3 баллов, где 1 балл – иногда, 2 балла – часто, 3 балла – всегда. Опросник «Средства, способствующие улучшению состояния» включает 28 видов средств, которые, по мнению респондентов, способствуют улучшению их психического состояния. Среди этих средств – медикаментозные средства, средства нетрадиционной медицины, релаксация, социальная поддержка, самоосознание и саморазвитие, регуляция режима работы и отдыха, религия. Респондентам предлагается оценить у себя степень (от 0 до 7 баллов) вероятности помощи этих средств в улучшении психического состояния. При обработке данных учитывалось, что значения 5,5 баллов и выше указывают на вероятность эффективности данного средства для улучшения состояния.

Результаты

Наиболее вероятными для респондентов всех групп оказались такие способы поведения, как: «Не буду думать о том, что я чувствую», «Чувствую усталость, и мне не здоровится», «Думаю, что люди увидят, кто я на самом деле», «Думаю, что моим друзьям надоело и я, и мои проблемы», «Думаю, что никто не хочет быть рядом со мной из-за моего настроения». То есть для всех респондентов с психическими расстройствами характерно избегание своих чувств (диссимилиация), отсутствие энергии, сниженная социальная самооценка.

Переживания по поводу того, что члены семьи и друзья могут испытывать из-за них чувство неловкости, характерны для респондентов с невротическими, шизотипическими и аффективными расстройствами. Мысли о том, что не оправдают надежды своих близких и друзей, более вероятны у респондентов, страдающих алкогольной зависимостью и шизотипическими расстройствами.

Стратегия защиты в ситуации болезни, проявляющаяся в уходе в мечты и фантазии, переключении на что-то приятное для себя, а также

фиксация на сожалении о неразрешенности лучшим образом недавней ситуации более вероятны для респондентов с синдромом зависимости и аффективными расстройствами. На принятие лекарств, чтобы почувствовать себя лучше, указывают в большей мере респонденты с невротизмом и алкоголизмом.

Стратегия анализа последних событий с целью попытаться понять причины депрессии более выражена в группах респондентов с синдромом зависимости, невротическими и аффективными расстройствами. Респондентам с невротизмом и аффективными расстройствами более свойственна и такая стратегия, как попытка разобраться в своем характере, в тех его проявлениях, которые связаны с депрессией.

Согласно результатам кластерного анализа в клинических группах было выделено два наиболее значимых кластера (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Распределение респондентов клинических групп по кластерам
(% количества респондентов в клинической группе)

Нозологические группы	Синдром зависимости	Невротические расстройства	Шизотипические расстройства	Аффективные расстройства
1-й кластер	14,3	52,0	61,9	25,8
2-й кластер	85,7	48,0	38,1	74,2

Как видно из табл. 1, большинство респондентов с синдромом зависимости и аффективными расстройствами попали в кластер 2. Примерно равное количество респондентов с невротическими расстройствами вошло в кластер 1 и кластер 2. Большее количество респондентов с шизотипическими расстройствами представлено в кластере 1. В результате сравнительного анализа выявлены следующие значимые различия между респондентами этих кластеров по критерию особенностей стратегий поведения в ситуации болезни. Значимо более выражены в кластере 1, чем в кластере 2, следующие стратегии: «Не буду думать о том, что я чувствую» ($p = 0,039$), «Думаю, насколько нужно сосредоточиться» ($p = 0,000$), «Думаю, что люди увидят, кто я на самом деле» ($p = 0,001$), «Думаю о том, как же неловко за меня моей семье / друзьям / половинке» ($p = 0,001$), «Думаю, что моим друзьям надоело и я, и мои проблемы» ($p = 0,000$), «Думаю, что никто не хочет быть рядом со мной из-за моего настроения» ($p = 0,000$), «Молюсь» ($p = 0,004$).

Более выражены во кластере 2 следующие стратегии: **социальной поддержки** («Прошу кого-нибудь помочь мне преодолеть проблемы» ($p = 0,028$), «Думаю о том, как кто-то, уважаемый мной человек, справился бы с данной ситуацией» ($p = 0,022$), «Делаю что-то интересное с другом / подругой» ($p = 0,041$), «Обсуждаю это с кем-то, чье мнение я уважаю (друзья / семья / духовенство)» ($p = 0,005$)); **переживания снижения жизненной энергии** («Думаю о том, насколько одиноким я себя чувствую»

($p = 0,000$), «Думаю о том, что не смогу выполнить свою работу, потому что плохо себя чувствую» ($p = 0,000$), «Думаю о том, что чувствую усталость и что мне нездоровится» ($p = 0,000$), «Чувствую себя бездельным и пассивным» ($p = 0,016$), «Думаю, что не чувствую в себе сил что-либо делать» ($p = 0,000$)); **анализа** («Анализирую последние события, чтобы попытаться понять, почему нахожусь в депрессии» ($p = 0,001$), «Думаю о том, почему я не могу приступить к работе» ($p = 0,000$), «Анализирую свой характер, чтобы попытаться понять, почему нахожусь в депрессии» ($p = 0,003$), «Думаю, почему я всегда реагирую таким образом» ($p = 0,000$), «Уединяюсь, чтобы подумать о причинах грусти» ($p = 0,0200$), «Пробую разобраться в себе, сосредоточившись на своих чувствах» ($p = 0,001$)); **защиты в виде отвлечения** («Смотрю телевизор, чтобы отвлечься» ($p = 0,016$), «Делаю что-нибудь безрассудное или опасное» ($p = 0,000$), ухода от осознания своих чувств («Отрицаю свои чувства» ($p = 0,000$), «Иду спать, чтобы избежать своих чувств» ($p = 0,000$), «Думаю о том, что мне кажется, что я больше ничего не чувствую» ($p = 0,000$), «Принимаю лекарства, чтобы почувствовать себя лучше» ($p = 0,002$), «Сознательно делаю что-то, чтобы почувствовать себя еще хуже» ($p = 0,013$), «На кого-то сержусь» ($p = 0,000$)); **фиксация на негативном опыте прошлого** («Вспоминаю недавнюю ситуацию, жалея, что она не разрешилась лучшим образом» ($p = 0,000$), «Думаю насколько мне грустно» ($p = 0,000$), «Думаю обо всех своих провалах, неудачах, недостатках, ошибках» ($p = 0,000$), «Вспоминаю о прежних эпизодах депрессии» ($p = 0,000$), «Думаю, что видимо у меня в жизни серьезные проблемы иначе я не чувствовал бы себя таким образом настолько часто» ($p = 0,000$)); **низкая самооценка и самообвинение** («Думаю о том, что все порчу» ($p = 0,000$), «Думаю, что я испортил еще один учебный год/работу/отношения» ($p = 0,009$), «Думаю, почему у меня такие проблемы, каких нет у других» ($p = 0,000$), «Думаю, почему я не справлюсь с этим лучше» ($p = 0,000$), «Думаю, что не оправдываю надежд бога» ($p = 0,031$), «Думаю о том, что я сержусь на самого себя» ($p = 0,000$)).

На основании выявленных особенностей стратегий поведения в ситуации болезни респондентов первой кластерной группы можно охарактеризовать как тип с низкой социальной самооценкой, избегающий осознания своих чувств и надеющийся на молитву. Респонденты второй кластерной группы могут быть представлены как тип, нуждающийся в социальной поддержке, с фиксацией на прошлом негативном опыте, с низкой жизненной энергией и пассивностью, низкой самооценкой себя как субъекта деятельности и самообвинением, руководствующийся стратегией защиты, склонный к анализу ситуации и собственных характеристик.

Согласно описательной статистике данных, полученных с помощью опросника «Средства, способствующие улучшению состояния» (табл. 2), к вероятным средствам, которые помогают улучшить состояние, большинство респондентов с синдромом зависимости относят: наличие отдыха (больше количество сна), время, проведенное с друзьями и близкими, фи-

зическую активность или физические упражнения, а также позитивное мышление. Для многих респондентов с невротическими расстройствами такими наиболее вероятными средствами выступают: большее количество часов отдыха (сна) и время, проведенное с друзьями и близкими. Вероятными средствами, помогающими улучшить состояние, для большинства респондентов с шизотипическими расстройствами являются консультирование или психотерапия и позитивное мышление. Многие респонденты с аффективными расстройствами считают, что их выздоровлению будет способствовать время, проведенное с друзьями и близкими.

Т а б л и ц а 2

Результаты описательной статистики показателей наиболее вероятных средств, способствующих улучшению состояния респондентов

Группа респондентов	Средства	Среднее значение	Медиана	Мода	Экссесс
С синдромом зависимости	Отдых, больше сна	5,95	6,00	6	4,017
	Время, проведенное с друзьями и близкими	5,68	6,00	7	0,543
	Больше физической активности	5,58	6,00	6	2,895
	Позитивное мышление	5,68	6,00	6	1,498
С невротическими расстройствами	Отдых, больше сна	5,52	6,00	5	3,016
	Время, проведенное с друзьями и близкими	5,57	6,00	6	0,020
С шизотипическими расстройствами	Консультирование или психотерапия	5,50	6,00	6	2,883
	Позитивное мышление	5,55	6,00	6	,583
С аффективными расстройствами	Время, проведенное с друзьями и близкими	5,46	6,00	6	2,474

В связи с показателями асимметрии и эксцесса, по которым можно предположить, что значения отличаются от нормального распределения, были определены критерии статистического сравнительного анализа Краскела–Уоллиса и Манна–Уитни. Методом сравнительного анализа с помощью критерия Краскела–Уоллиса обнаружены статистически значимые различия в средствах, улучшающих состояние респондентов: «время, проведенное с друзьями и близкими» ($p = 0,032$) и «массаж биологически активных точек (акупрессура)» ($p = 0,015$).

Методом попарного сравнительного анализа с помощью критерия Манна–Уитни установлено, что у респондентов с диагнозом алкоголизм ($U = 104,000$, $p = 0,013$), невротизм ($U = 139,500$, $p = 0,023$) и аффективные расстройства ($U = 144,500$, $p = 0,020$) более вероятным средством, которое помогает им улучшить свое состояние, является «время, проведенное с друзьями и близкими», чем у респондентов с диагнозом шизофрения. Значимые различия указывают, что средство «массаж биологически активных

точек (акупрессура)» в большей степени способно улучшить состояние респондентов в группе с синдромом алкоголизма, чем респондентов с диагнозами шизофрения ($U = 89,500$, $p = 0,004$) и аффективные расстройства ($U = 129,000$, $p = 0,014$). Остальные средства не обнаружили значимых различий.

Для выявления латентных взаимосвязей средств, способствующих улучшению эмоционального состояния респондентов всех групп, был использован метод факторного анализа методом вращения варимакс с нормализацией Кайзера. В результате выделено 8 значимых факторов (F). Определена латентная факторная структура системы средств, способствующих, по мнению респондентов, улучшению их состояния. Факторы получили условные названия по их смысловому наполнению, общая кумулятивная дисперсия составляет 67,8%.

Фактор F1 представлен положительными значимыми взаимосвязями следующих средств, способствующих улучшению состояния: «разговор о проблеме с членом семьи или близким другом» (0,788), «разговор о чувствах/эмоциях с членом семьи, близкими друзьями» (0,745), «развитие чувства цели и смысла в жизни» (0,653), «консультирование или психотерапия» (0,574). Смысловое содержание данного фактора можно условно назвать *«познание себя через общение с близкими людьми»*.

Фактор F2 включает показатели таких средств, как «чтение книг по самосовершенствованию» (0,723), «достижение лучшего самосознания» (0,719), «осмысливание своих эмоций» (0,663), «посещение мест поклонения (например, храм, церковь)» (0,531). Согласно наполнению данного фактора он получил условное название *духовная основа самопознания, самоосознания и самосовершенствования*.

Фактор F3 состоит из положительных связей показателей факторов: «позитивное мышление» (0,766), «улучшение в отношении с другими» (0,688), «релаксация (например, медитация, массаж)» (0,596), «лечебные средства из трав (например, травяные чаи)» (0,540). Содержание данного фактора позволяет дать ему условное название *собственная активность по улучшению своего мышления, своих социальных отношений и своего соматического состояния*.

Фактор F4 состоит из показателей следующих факторов: «встреча с духовным или религиозным наставником» (0,734), «визит к гадалке» (0,703), «снотворное» (0,626), «посещение мест поклонения (например, храм, церковь)» (0,559). Фактор можно условно назвать как *«обращение за внешней помощью, представленной авторитетными людьми и медикаментозными средствами»*.

Фактор F5 включает следующие показатели: «массаж биологически активных точек кожи (акупрессура)» (0,837), «иглоукалывание» (0,738), которые можно условно назвать *средства нетрадиционной восточной медицины*.

Фактор F6 наполнен положительными связями показателей факторов, способствующих улучшению состояния: «смена обстановки» (0,653),

«время, проведенное с друзьями и близкими» (0,634), «отдых, больше сна» (0,568), «сокращение обязательств (например, перерыв в работе)» (0,561). Факторная структура условно названа *отдых и общение с близкими*.

Фактор F7 представлен показателями «улучшение питания» (0,748), «народная медицина (например, фитотерапия, самолечение)» (0,680), «ожидание того, что депрессия уйдет» (0,541); соответственно этому наполнению он получил условное название *самолечение посредством улучшения питания и фитотерапии*.

Фактор F8 состоит из положительных связей значимых факторов: «антидепрессанты» (0,702) «ожидание того, что депрессия уйдет» (0,562), «больше физической активности или физических упражнений» (–,673). Фактор был условно назван *прием антидепрессантов и избегание физической активности*.

Обсуждение

Анализ особенностей поведения в ситуации болезни показал, что для всех респондентов с психическими расстройствами характерны уход от своих чувств (диссимиляция), снижение жизненной энергии и низкая социальная самооценка. При этом респонденты с невротическими и аффективными расстройствами переживают больше за чувство неловкости, которое могут испытывать из-за них их близкие, в то время как респонденты с синдромом зависимости переживают, что не оправдывают надежд своих близких. Для лиц с шизотипическими расстройствами характерны оба типа переживаний. Лица с синдромом зависимости в ситуации болезни склонны использовать стратегию защиты и приема лекарств. К стратегии защиты прибегают многие респонденты с аффективными расстройствами, в то время, как респонденты с невротическими расстройствами принимают лекарства. Лица с синдромом зависимости, невротическими и аффективными расстройствами способны к анализу причин депрессии, при этом респонденты с невротическими и аффективными расстройствами пытаются найти эти причины в себе, своем характере, что не отмечается у лиц с синдромом зависимости.

Выявленные типы респондентов по критерию особенностей стратегий поведения в ситуации болезни могут свидетельствовать, что первый тип с низкой социальной самооценкой, избегающий осознания своих чувств и надеющийся на молитву может быть представлен большинством респондентов с диагнозом шизофрения, а также одной второй частью респондентов с неврозами. Большинство респондентов с синдромом алкоголизма и аффективными расстройствами принадлежат ко второму типу, который характеризуется, как нуждающийся в социальной поддержке, с низкой жизненной энергией и пассивностью, низкой самооценкой себя как субъекта деятельности, самообвинением, руководствующийся стратегией защиты, фиксацией на прошлом негативном опыте, но склонный к рефлексии. Выявленные стратегии могут выступать как факторами, усугубляющими состояние депрессии, так и являться ресурсами для совладания с бо-

лезною. Так, для первого типа респондентов низкая социальная самооценка, избегание своих чувств могут рассматриваться как неэффективные стратегии поведения. В то же время обращение к молитве может являться для больных психическими расстройствами с коморбидным синдромом депрессии психологически важным ресурсом самоподдержки, что согласуется с литературными данными [13–15]. Для типа респондентов затруднять совладание с состояниями депрессии могут такие стратегии, как отсутствие социальной поддержки, фиксация на прошлом негативном опыте, отсутствие физических сил и жизненной энергии, инертность и пассивность, самообвинение, а также различные стратегии защиты. Однако их стремление разобраться в ситуации, причинах, собственных характеристиках, связанных с депрессией, можно рассматривать в качестве позитивного реабилитационного потенциала.

Выявленные характеристики типов имеют значение для дифференцированной психокоррекционной, психотерапевтической и психопрофилактической работы. Они позволяют определить задачи медико-психологической помощи, мишени психологической диагностики и реабилитации для каждой нозологической группы. Так, например, для выявленного первого типа респондентов задачами психологической помощи могут являться коррекция низкой социальной самооценки, повышение возможностей их социальной адаптации, осознания и принятия своих чувств, умение управлять своими чувствами. Для второго типа важным направлением психологической помощи могут стать создание условий для улучшения физического состояния, повышения жизненной энергии, личностной активности, оказание социальной поддержки, помощь в осознании своих достоинств и успехов в определенной деятельности, в самоосознании себя в возникающих трудных ситуациях. Данные направления психологической помощи согласуются с теми средствами, которые, по мнению респондентов, способствуют улучшению их состояния.

Большое значение для определения задач и методов медико-психологической и социальной помощи больным с психическими расстройствами с коморбидным синдромом депрессии имеют представления о средствах, помогающих улучшить состояние. В каждой нозологической группе были определены наиболее вероятные средства, способствующие улучшению их состояния. Однако значимые различия были выявлены только в двух средствах: «время, проведенное с друзьями и близкими» и «массаж биологически активных точек» (акупрессура). По сравнению со всеми группами лица с шизотипическими расстройствами в меньшей мере рассматривают возможность улучшить свое состояние с помощью общения с близкими и друзьями. Для респондентов этой группы, как было показано выше, характерна низкая социальная самооценка, которая проявляется тотально во всех стратегиях поведения, связанных с социальными контактами. При этом наиболее вероятным средством, улучшающим их состояние, они считают психотерапию и позитивное мышление, что может быть связано с обращением к религии, как было показано выше. Более чувстви-

тельными к акупунктуре и в целом к средствам нетрадиционной медицины (согласно факторному анализу), способствующим улучшению состояния, оказались лица с синдромом алкоголизма.

Выделено восемь значимых факторов, способствующих улучшению состояния данной выборки респондентов: познание себя через общение с близкими людьми; духовная основа самопознания, самоосознания и самосовершенствования; собственная активность по улучшению своего мышления, своих социальных отношений и своего соматического состояния; обращение за внешней помощью, представленной авторитетными людьми и медикаментозными средствами; средства нетрадиционной восточной медицины; отдых и общение с близкими; самолечение посредством улучшения питания и фитотерапии; прием антидепрессантов и избегание физической активности.

Выявленные факторы в сопоставлении их с наиболее вероятными средствами, способствующими улучшению состояния представителей определенных групп, позволяют: выделить наиболее эффективные для конкретной группы респондентов роичины, улучшающие их состояние, спрогнозировать динамику состояний в определенных условиях жизни респондентов, выявить дефициты средств, затрудняющих эффективное совладание с состояниями депрессии, а также осуществить дифференцированную психологическую помощь, направленную на восполнение дефицитов средств, способствующих улучшению состояния, актуализацию имеющихся наиболее вероятных способов помощи, задействование ресурса средств, прямо связанных в факторе как с имеющимися, так и с дефицитными средствами, способствующими улучшению состояния респондентов.

Выводы:

1. В клинических группах респондентов с психическими расстройствами с коморбидным синдромом депрессии выявлены наиболее вероятные способы поведения при формировании депрессии.
2. На основе кластерного анализа определены два типа респондентов по критерию особенностей стратегий поведения в ситуации болезни.
3. Выявлена латентная факторная структура средств, способствующих улучшению состояния в представлении респондентов, страдающих психическими расстройствами коморбидной депрессии.
4. Данные, полученные в результате исследования, могут быть положены в основу дифференцированной психологической помощи лицам, страдающим психическими расстройствами с коморбидным синдромом депрессии.

Литература

1. Sanderson W.C., Beck A.T., Beck J. Syndrome comorbidity in patients with major depression or dysthymia: prevalence and temporal relationships // *Am. J. Psychiatry*. 1990. № 147. P. 1025–1028.
2. Bruce S.E., Yonkers K.A., Otto M.W. et al. Influence of psychiatric comorbidity on recovery and recurrence in generalized anxiety disorder, social phobia, and panic disorder: a 12-year prospective study // *Am. J. Psychiatry*. 2005. № 162 (6). P. 1179–1187.

3. Van Praag H.M. Comorbidity (psycho) analysed // Br. J. Psychiatry. 1996. № 30. P. 129–134.
4. Смулевич А.Б. Дифференцированная терапия при депрессиях и коморбидной патологии // Психиатрия и психофармакотерапия. 2001. № 3. С. 3–7.
5. Краснов В.Н. Расстройства аффективного спектра. М. : Практическая медицина, 2011. 432 с.
6. Beck A.T., Beck R.W. Screening depressed patients in family practice: a rapid technic // Postgraduate Medicine. 1972. № 52. P. 81–85.
7. Newton-Howes G., Tyrer P., Johnson T. Personality disorder and the outcome of depression: meta-analysis of published studies of depression: meta-analysis of published studies // Brit. J. Psychiatr. 2006. № 188. P. 13–20.
8. Филимонова А.Н. Аффективно-когнитивный стиль репрезентации межличностной коммуникации при депрессивных расстройствах // Психологический журнал. 2010. Т. 31, № 2. С. 66–76.
9. Холмогорова А.Б. Интегративная психотерапия расстройств аффективного спектра. М. : Медпрактика-М, 2011. 480 с.
10. Kunik M.E., Veazey C., Cully J.A. et al. COPD education and cognitive behavioral therapy group treatment for clinically significant symptoms of depression and anxiety in COPD patients: a randomized controlled trial // Psychol. Med. 2008. № 38 (3). P. 385–396.
11. Ташлыков В.А. Психологическая защита у больных неврозами и с психосоматическими расстройствами: пособие для врачей. СПб. : МАПО, 1997. 23 с.
12. Hatfield A.B., Lefley H.P. Learning to manage the illness and avoid relapse // Surviving mental illness: Stress, Coping and Adaptation. New York ; London : The Guildford Press, 1993. Vol. 13. P. 154–168.
13. Полищук Ю.И. Значение религиозной веры в преодолении реакций горя в позднем возрасте // Психиатрия и религия на стыке тысячелетий. Харьков, 2006. С. 95–96.
14. Воскресенский Б.А. Духовное как социотерапевтический фактор // Независимый психиатрический журнал. 2004. № 4. С. 2–26.
15. Полищук Ю.И. Значение религиозной веры как лечебного и реабилитационного фактора при психических расстройствах непсихотического уровня // Независимый психиатрический журнал. 2004. № 4. С. 63–67.

Поступила в редакцию 26.12.2016 г.; принята 06.03.2017 г.

Сведения об авторах:

Счастный Евгений Дмитриевич, доктор медицинских наук, профессор, заведующий отделением аффективных состояний НИИ психического здоровья Томского НИМЦ (Томск, Россия). E-mail: evgeny.schastnyy@gmail.com

Бохан Татьяна Геннадьевна, доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: btg960@sibmail.com

Бохан Николай Александрович, доктор медицинских наук, профессор, директор НИИ психического здоровья Томского НИМЦ (Томск, Россия). E-mail: redo@mail.tomsknet.ru

Заикина Мария Дмитриевна, студентка факультета психологии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: zaikina-95@mail.ru

Терехина Ольга Владимировна, аспирантка кафедры психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: doterekhina@mail.ru

THE BEHAVIOR STRATEGIES IN SITUATIONS OF DISORDER AND MEASURES CONTRIBUTING HEALTH CONDITIONS OF PATIENTS WITH MENTAL ILLNESSES COMBINED WITH COMORBID DEPRESSION SYNDROME

Siberian journal of psychology, 2017, 64, 120–133. DOI: 10.17223/17267080/64/8

Schastnyy Evgeniy D., Tomsk National Research Medical Center of Russian Academy of Sciences "Mental Health Research Institute" (Tomsk, Russian Federation). E-mail: evgeny.schastnyy@gmail.com

Bokhan Tatiana G., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: btg960@sibmail.com

Bokhan Nikolay A., Tomsk National Research Medical Center of Russian Academy of Sciences "Mental Health Research Institute" (Tomsk, Russian Federation). E-mail: redo@mail.tomsknet.ru

Zaikina Mariya D., Terekhina Olga V., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zaikina-95@mail.ru; doterekhina@mail.ru

Key words: depression; comorbidity; coping behavior; psychological preventive maintenance; factors that improve the state of depression.

In the past decade many studies consider the problems of coping behaviour, which is aimed at improving an individual adaptation to the environment. Wrong coping with stress can lead to the formation of psychopathology. Patients suffering from various mental disorders use a variety of behavioral strategies that facilitate coping with a disease, which include delayed seeking medical help as well as the assistance of a psychologist. Untimely visit to a specialist could aggravate depression, which is currently the most common disorder. The researchers register high comorbidity of depression with mental disorders, which are supposed to be interrelated. The problem of mental illness combined with depression entails negative consequences for patients and their families. Therefore it is relevant to identify factors contributing to the improvement of psychological health of patients in clinical groups, which is necessary for early detection of comorbidity and therapeutic assistance to population.

Objective of the study: to reveal characteristics of behaviors and measures contributing health conditions in the representation of respondents with mental disorders. The sample includes 98 people from 20 to 80 years of age suffering mental disorders and being hospitalized.

Methods and techniques: "Strategy of behavior in situations of illness" and "Factors improving psychological state of being" (A. Ryder, Canada, University of Concordia).

In clinical groups among respondents with mental disorders most probable ways of behavior in the process of formation of depression were identified. The analysis of the behavior showed that all respondents with mental disorders are characterized with: a withdrawal from their senses (dissimulation), reduced vitality, and low social self-esteem. We revealed the latent factor structure of the means contributing to the improvement of mental state of respondents with mental disorders combined with comorbid depression syndrome. Based on cluster analysis two types of respondents were identified according to the criterion of behavior strategies in the disease situation. The issues relating to psychological assistance for people suffering from mental disorders were also identified.

References

1. Sanderson, W.C., Beck, A.T. & Beck, J. (1990) Syndrome comorbidity in patients with major depression or dysthymia: prevalence and temporal relationships. *American Journal of Psychiatry*. 147. pp. 1025–1028. DOI: 10.1176/ajp.147.8.1025
2. Bruce, S.E., Yonkers, K.A., Otto, M.W. et al. (2005) Influence of psychiatric comorbidity on recovery and recurrence in generalized anxiety disorder, social phobia, and panic disorder: a 12-year prospective study. *American Journal of Psychiatry*. 162(6). pp. 1179–1187. DOI: 10.1176/appi.ajp.162.6.1179
3. Van Praag, H.M. (1996) Comorbidity (psycho) analysed. *British Journal of Psychiatry*. 30. pp. 129–134.

4. Smulevich, A.B. (2001) Differentsirovannaya terapiya pri depressiyakh i komorbidnoy patologii [Differential therapy for depression and comorbid pathology]. *Psikhiatriya i psikhofarmakoterapiya*. 3. pp. 3–7.
5. Krasnov, V.N. (2011) *Rasstroystva affektivnogo spectra* [Affective spectrum disorders]. Moscow: Prakticheskaya meditsina.
6. Beck, A.T. & Beck, R.W. (1972) Screening depressed patients in family practice: a rapid technic. *Postgraduate Medicine*. 52. pp. 81–85. DOI: 10.1080/00325481.1972.11713319
7. Newton-Howes, G., Tyrer, P. & Johnson, T. (2006) Personality disorder and the outcome of depression: meta-analysis of published studies of depression. *British Journal of Psychiatry*. 188. pp. 13–20. DOI: 10.1192/bjp.188.1.13
8. Filimonova, A.N. (2010) Affektivno-kognitivnyy stil' reprezentatsii mezhlichnostnoy kommunikatsii pri depressivnykh rasstroystvakh [Affective-cognitive style of the representation of interpersonal communication in depressive disorders]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 31(2). pp. 66–76.
9. Kholmogorova, A.B. (2011) *Integrativnaya psikhoterapiya rasstroystv affektivnogo spectra* [Integrative psychotherapy of affective spectrum disorders]. Moscow: Medpraktika-M.
10. Kunik, M.E., Veazey, C., Cully, J.A. et al. (2008) COPD education and cognitive behavioral therapy group treatment for clinically significant symptoms of depression and anxiety in COPD patients: a randomized controlled trial. *Psychol. Med.* 38(3). pp. 385–396. DOI: 10.1017/S0033291707001687
11. Tashlykov, V.A. (1997) *Psikhologicheskaya zashchita u bol'nykh nevrozami i s psikhosomatiche-skimi rasstroystvami* [Psychological protection in patients with neuroses and with psychosomatic disorders]. St. Petersburg: MAPO.
12. Hatfield, A.B. & Lefley, H.P. (1993) *Surviving mental illness: Stress, Coping and Adaptation*. Vol. 13. New York; London: The Guildford Press. pp. 154–168.
13. Polishchuk, Yu.I. (2006) Znachenie religioznoy very v preodolenii reaktsiy gorya v pozdnem vozraste [The importance of religious faith in overcome the reactions of grief in late age]. In: Petryuk, P.T. & Bragin, R.B. (eds) *Psikhiatriya i religiya na styke tysyacheletiy* [Psychiatry and Religion at the Turn of Millennia]. Kharkov: Kharkov Regional Clinical Psychiatric Hospital. pp. 95–96.
14. Voskresenskiy, B.A. (2004) Dukhovnoe kak sotsioterapevticheskiy faktor [Spiritual as a sociotherapeutic factor]. *Nezavisimyy psikhiatricheskii zhurnal – Independent Psychiatric Journal*. 4. pp. 2–26.
15. Polishchuk, Yu.I. (2004) Znachenie religioznoy very kak lechebnogo i reabilitatsionnogo faktora pri psikhicheskikh rasstroystvakh nepsikhoticheskogo urovnya [The importance of religious faith as a treatment and rehabilitation factor in mental disorders of the nonpsychotic level]. *Nezavisimyy psikhiatricheskii zhurnal – Independent Psychiatric Journal*. 4. pp. 63–67.

Received 26.12.2016;

Accepted 06.03.2017

К.Г. Языков¹, М.Э. Абушаева²

¹ *Сибирский государственный медицинский университет
Минздрава России (Томск, Россия)*

² *Томский политехнический университет (Томск, Россия)*

Генетико-семиотические аспекты описания психопатологических состояний

В разработке типологии психопатологических феноменов в психиатрии и клинической психологии представляется естественным генетико-семиотический подход. Рассмотрение психопатологических феноменов как генетико-семиотических структур предполагает их коэволюционную динамику. В работе рассматриваются генетические и семиотические свойства психопатологических адаптационных вариантов, воплощенных в психоисторических фрагментах развития. Данный подход можно рассматривать как широкий экологический подход к познанию собственных объектов в культурной (знаковой) форме, который вскрывает процесс в коэволюционном раскрытии потенциала генетических систем в адаптивных формах в социокультурной среде.

Ключевые слова: *эволюция; психопатологические феномены; генетико-семиотические системы; феномен дефрагментации.*

Введение. Психическая патология как фактор эволюции

Историогенез психики человека показывает, что крайние варианты психики в форме психопатологических феноменов являются важнейшими факторами понимания эволюции [1]. По мнению известного психиатра В.П. Самохвалова, психическая патология является источником новых вариантов сознания и поведения человека: это «передний фронт эволюции». Под сознанием нами понимается некоторое опосредуемое развитой психикой состояние антропной системы, связанное с речевыми и знаковыми функциями.

Эволюционно настроенные исследователи призывают к пересмотру психопатологической теории и обновленному пониманию эволюционирующих функций психических процессов и их нейробиологических субстратов. По-видимому, эволюционные фенотипические стратегии включают такие адаптивные варианты, которые рассматриваются как патологические. Но исследователи считают, что область исследования весьма фрагментирована, нет организующих методологических принципов, объясняющих феноменологические соотношения в ряду от неклинических до клинических форм. Присутствие и развитие эволюционной теории в патопсихологии становятся все более актуальными. Наряду с неопределимым методологическим и эмпирическим вкладом С.Н. Давиденкова, В.П. Эфроимсона,

Л.В. Крушинского возникла клинко-эволюционная концепция В.П. Самохвалова, которая является одной из успешных попыток решения проблем эволюционной психиатрии [1].

Постановка цели

В рамках развития теоретических подходов возможно дополнение концепции рядом положений. Во-первых, положением, что дивергенция психопатологических (ПП) состояний обусловлена появлением новых и развертыванием имеющихся генетических программ. Во-вторых, нозологическая типология рассматривается как результат последовательного развития обозначающих (семиотических) структур, следующих за развитием понимания формирующихся структур сознания. В-третьих, методологическое исследование необходимо рассматривать в рамках формирующейся постнеклассической традиции, определяющей развитие как проявление процесса самоорганизации.

В разработке типологии ПП феноменов (ППФ) в психиатрии и клинической психологии семиотико-генетический подход представляется естественным. Он не претендует на единственную детерминацию нозологической директории, но является дополняющим в решении проблемы природы ППФ. Рассмотрение ППФ как генетических и как семиотических структур предполагает их коэволюционную динамику. В работе рассматриваются генетические и семиотические свойства адаптационных вариантов, воплощенных в психоисторических фрагментах развития.

Системные подходы

Очевидно, что в развертывании ППФ лежат системные механизмы. Системное направление стало традиционным, однако объяснение полиморфизма как процесса развертывания генетической системной самоорганизации в динамике формирования семиотических объектов клинической психологии и психиатрии остается приоритетной задачей. Сравнительно недавно в постклассический период доминирующей системной методологической позицией исследователей была теория Людвиг фон Берталанфи [2]. Теория Л. фон Берталанфи способствовала формированию представления о междисциплинарных холистических системных образцах 60-х гг. XX в. в рамках кибернетической эпистемологии. Известно, что Л. фон Берталанфи стремился к математизации теории и даже ставил задачу создания гештальт-математики. Однако теория Берталанфи – лишь один из возможных вариантов теории систем в рамках классического этапа развития науки [3].

Теории систем рассматривают в широком и узком смыслах [4]. В узком смысле система выводится из таких свойств, как взаимодействие, сумма, механизация, централизация, конкуренция, финальность. Так, известная теория систем М. Месаровича, согласно В.Ф. Петренко, А.П. Супруну, является теорией в узком смысле. В ней впервые устанавливается

телеологический статус теории. Система принимает решение или выбирает цель в смысле поведенческих или мотивационных подходов [4]. Отношения между уровнями системы осуществляются *на уровне целей, представлений (образов, моделей) и на уровне ограничений*.

В физиологии и психологии сложились собственные теории живых систем. В первую очередь, это теория функциональных систем Анохина. В психологии, согласно Л.Я. Дорфману, наиболее обсуждаемой и продуктивной является теория интегральной индивидуальности В.С. Мерлина. Мерлин отличал свой подход от общей теории систем (ОТС) Берталанфи и от кибернетического понимания большой системы с позиции У. Эшби (Ashby, 1956; 1959). Согласно Л. Дорфману, В.С. Мерлин рассматривал иерархизацию системы как интегральную индивидуальность по критериям телеологического и каузального типов детерминации [5]. Эти качества сближают ее с теорией М. Месаровича. В теории Мерлина определено новое понятие «метаиндивидуальность», глубокое психологическое обоснование которого сделано Л.Я. Дорфманом [Там же]. Понятие «метаиндивидуальность» определяет новую социальную форму отношений, и это является новым этапом антропологизации социобиологических теорий. Как самостоятельная и саморегулирующаяся система интегральная индивидуальность вписана в правила, требования и ожидания социальной системы. В концепции метаиндивидуальности воплощена ее динамическая сущность, ее синергичная и самоорганизующаяся сущности. В таком динамизме присутствует каузальная сторона развития, придающая характер телеологичности. Синтез, осуществленный в теории интегральной индивидуальности еще до социобиологических и синергетических концепций, создал прообраз будущих антропосистемных моделей. Любая живая система является когнитивной и одновременно постоянно эволюционирующей системой. Известные чилийские нейробиологи У. Матурана и Ф. Варела называют когнитивно-эволюционные свойства аутопоэтическими. Такие свойства живых систем универсальны. Благодаря этим свойствам создаются материальные формы и идеальные формы сознания.

Согласующимися с эволюционной линией в психологии и в психопатологии являются ОТС Месаровича, Мерлина–Дорфмана, но в наибольшей мере ОТС Урманцева (ОТС-У). Первая теория представляется теорией высокого уровня абстракции, вторая имеет возможности конкретизации, применимости, в том числе и к специфической области психики человека. ОТС-У рассматривается как наиболее перспективная теория, имеющая все необходимые признаки научной теории. ОТС-У «раскрывает органическое единство принципов системности и развития», что представляет интерес к получению прикладных результатов [6].

Развитие психопатологической типологии в семиотическом поле

С развитием психиатрии и клинической психологии внутренняя рефлексия стремится к обоснованию и эволюционной реконструкции собственной типологии. В связи с философской традицией начиная с XVII в.

она следовала двум базисным направлениям – рациональному и эмпирическому. Но к началу XXI в. сложилось новое постнеклассическое видение развития науки, которое дало возможность сопоставления любых сложных систем, в том числе на основании разных моделей познания синтезировать человекомерные системы.

Человек живет в пересекающихся реальностях. Общая «социетальная» (от «социум» и «этос») реальность обусловлена социальными системами. Другая, «витальная», обусловлена индивидуальной культурой, опытом жизни. Их соотношение содержит уникальный вид актуального проживания человека. Именно в данном отношении об адаптации человека говорят как о социобиологической пластичности, что является синонимом полиморфного диадически-диалектического свойства, воплощенного в концепции «сознание – природа». Можно предположить, что именно благодаря сознанию человек стал убиквитарным существом (лат. *ubique* – повсюду) и сознание стало основным фактором эволюции. Можно утверждать, что в определенной степени на данном временном этапе эволюция живых форм на Земле получила завершение в связи с возникновением сознания.

Б.Ф. Поршнев писал, что в мире появляется эта новая, более высокая форма движения материи, при которой прежняя форма, биологические трансформации, уже может быть приравнена неподвижности [7].

Согласно А.А. Зиновьеву, появившиеся у человека знаковые (семиотические) системы аппарата познания и творчества становятся еще и изобретаемыми аппаратами исследования [8]. Этот аппарат познания может иметь причудливую форму, но он является и адаптивным продуктом (понимая под адаптацией когницию согласно Ф. Варела, У. Матурана).

Определившаяся новая форма адаптации когниция в обязательном порядке приобретает собственную семиотическую форму. В таком виде семиоформы получают собственную среду обитания (экологическую нишу в широком смысле). Идеи о языке как средстве самоорганизации сознания высказывал еще философ и социолог Арнольд Гелен. А. Гелен был учеником Х. Дриша, создателя учения об энтелехии. Само понятие энтелехии квалифицирует специфику формы жизненной энергии, присущей только живым системам (фактор суверенности живого). А. Гелен формулирует «принцип разгрузки» Я как снятие витального напряжения, доставшегося от биологического прошлого. Принцип разгрузки – это принцип самоосуществления, высвобождения из «плена» насущных ситуаций путем их переобозначения, символического толкования. Согласно К. Ясперсу описания Я есть описания исторические. Ясперс писал, что в природе человека глубоко заложены действенные силы времен его формирования. Однако все представления о человеке, о его конститутивных свойствах и первичных импульсах не являются абсолютным установлением действительно существующего. Напротив, сами эти представления – не что иное, как моменты в пробуждении нашего проясняющегося и развивающегося самосознания. В нем эмпирически неотвратимое, которое мы вынуждены при-

знать в его фактической данности, неразрывно связано со свободой, превращающей видимые нами образы в нечто привлекательное или отталкивающее [9]. Так, описание уровней Я ядра человеческой личности, экзистенции, дается Ясперсом как описание определенных этапов развития философской мысли.

Козволюционная стратегия развития семиотических структур

Рассматриваемый подход можно трактовать как широкий экологический подход к познанию собственных объектов в культурной (знаковой) форме, который вскрывает козволюционный потенциал генетических систем в адаптивных формах в социокультурной среде.

Итак, мы имеем дело с некоторыми самореплицирующимися состояниями человеческого сознания, которые появились достаточно давно и сохраняются сегодня. Обозначение состояний является процессом, который обусловлен адаптивной динамикой и появлением новых состояний, связанных с развитием и усложнением знакового аппарата сознания человека и отражающих это развитие собственно наук о человеке. Этот процесс можно назвать овладением объекта исследования (адаптивной интерпретацией по С.В. Мейену). Язык служит примером, в котором системы символов содержат элементы, которые могут рекомбинировать в широком спектре различных значимых сообщений. В генетике для сходного процесса используется термин «альтернативный сплайсинг».

Человек несет в себе все биосвязи с живым посредством генетического кода, генетической информации и систем управления. Как наиболее древняя, уникальная и информационная семиотическая система привлекает внимание исследователей, в том числе мультидисциплинарных исследователей. Развитие генетических представлений и формализация основных этапов генетического контроля наследования и проявления фенотипических признаков позволяют применить разработанные методы в широких областях развития и адаптации человека. Еще в конце прошлого века в селекции и экспериментальных исследованиях теоретически разработаны и апробированы отдельные положения теории генетических систем признаков. Любая исторически более поздняя наука, в том числе и генетика, развивая собственный понятийный язык, неизбежно присваивает слова – термины естественного и более раннего научного языка. Так, генетик А.Е. Седов писал, что в своих образных понятиях генетики стали усиленно интерпретировать генные системы как живые сущности – самостоятельные и даже обладающие свободой воли. Седов считает, что назрела острая необходимость в структуралистском диалоге между генетиками и лингвистами, теперь уже в новом контексте – с позиций когнитивной психологии [10].

Козволюция возникает в операции отношения. В школе В.Е. Ключко отношение рассматривается как избирательное и направленное отражение [11]. Всякое отражение неизбежно становится отношением, так как оно

изменяет отражающую систему. И всякое отражение является системным развитием субъект-объектных отношений.

Возникающие такого рода генетико-семиотические реляционные системы предполагают, с одной стороны, появление эволюционных продуктов изменчивости генетических систем, с другой – их социальную оценку в конвенциональном поле норма–патология. С культурно-генетических коэволюционных позиций ППФ предполагается, что каждый исторический период характеризуется собственным спектром ПП, а каждый этнос как культурно-природный феномен – собственной лингвопсихоформой патологии.

В нашем понимании коэволюция есть динамическое сопряжение двух систем – экологической (средовой) и генетической – в их неоднзначных изоморфных отображениях. В этом сопряжении и возникает эффект отношения, векторизующий эволюцию.

В диалектике «полигенных – олигогенных» систем, детерминирующих объекты ПП, важно заметить, что их системное качество формируется по принципу «хаос – порядок», проходя фазовые переходные состояния от микро-, к мезо- и к макроуровню и последовательно стабилизируясь в формы, отображаясь далее в качестве ППФ в терминологическом тезаурусе языка. Вероятный характер преобразований описан в трудах В.Г. Буданова. Они могут представлять собой серии переходов каскадного характера [12].

Класс полигенных моделей может отражать реальность образования новых системных качеств в фазовом переходе, а олигогенность есть результат выделения из кластера управляющих элементов генов, лимитирующих широкую сетевую активность. Это позволяет говорить о свертке информации в генетических системах посредством интеграции в цистроны, скриптоны и другие информационные блоки.

В семиотических конструктах описания квазистабильных ППФ формируется конвенциональный язык классификаций заболеваний (ICD или МКБ; DSM).

Системные преобразования в рамках ОТС-У предполагают, что полный диапазон функций представляет структуру качественно-количественных переходов симметрии [13].

Системный подход ОТС-У предполагает разные механизмы преобразований объектов-систем, основанные на изменении множеств: первичных элементов, отношений (взаимодействий) и композиций. Эволюция систем основана преимущественно на комбинаторном принципе системного преобразования объектов-систем.

Знаковые отображения психопатологических форм

В популяции имеется некий набор выраженных форм психических состояний, явно или неявно отражающих диапазон переходов отдельных качеств. Эти состояния имеют в языке определенные или определяющиеся семиотические формы. Знаковые формы формировались последовательно в

соответствии с когнитивным развитием и достижением определенных методологических позиций, выраженных в теоретических конструктах. Поэтому статистический анализ распространенности фиксирует состав форм и соответственно выраженность того или иного качества как диапазона квазистабильных состояний. Язык отражает многообразие этих состояний, ухватывает в реальности определенные сущностные качества, включая одновременно и искусственно изобретенные слова для передачи свойств. Искусственные словообразования-понятия уточняются с каждым пересмотром классификации для более точной передачи конвенционального смысла.

Психопатологические состояния (ППС) имеют эволюционный наследственно обусловленный характер. На это указывает постоянно репродуцирующиеся стабильные ПП состояния, имеющие исторические корни. Для архео-ППС в языке существуют устойчивые обозначения (семиоформы). В.П. Самохвалов указывает на механизмы постоянной реактивации архаических форм ППС. Эволюционный взгляд в психопатологии предполагает становление патологических состояний как эволюционно-динамических образований и участие в них палеопсихопатологических универсальных комплексов (термин «палеопсихология» предложен Р. Бильцем). Согласно палеопсихологической теории Б.Ф. Поршнева, социальное нельзя свести к биологическому, но социальное не из чего вывести, как из биологического [7]. Поршнев предлагает решение антиномии, основанное на инверсии некого качества (А/В), преобразующегося в ходе развития в свою противоположность (В/А) [Там же]. Такой вид преобразования соответствует принципу преобразования симметрии и новой композиции системы.

Примерами этого служит принцип И.П. Павлова, согласно которому приспособление безусловных рефлексов (БР) к меняющейся среде идет посредством образования разнообразных условных рефлексов. То есть вводится множество безусловных рефлексов и множество условных «экологических» сигналов, а их отображения выступают как условные рефлексы.

Б.Ф. Поршнев сформулировал ключевую для палеопсихологии идею тормозной доминанты. Л.В. Крушинский считал, что увеличение пластичности поведения сопровождалось в какой-то степени и увеличенной предрасположенностью животных к развитию патологических нарушений их высшей нервной деятельности [14, 15].

Выдающийся невропатолог и генетик-эволюционист С.Н. Давиденков сформулировал нервно-психический парадокс эволюции человека, который придает особую роль чрезвычайной функциональной пластичности мозга, ведущей к снижению биологической роли естественного отбора, увеличению значения различных форм преемственности в поведении, что и способствовало накоплению мутаций [16]. То есть мы имеем дело с неким одновременно ауторепродуктивным и аутокаталитическим процессом.

Парадокс Давиденкова заключался в том, что ослабление естественного отбора при переходе от биологической к культурной эволюции привело к распространению людей слабых, неуравновешенных, инертных типов нервной системы. Инертность, которая встречается чуть ли не пого-

ловно, проявляется по-разному: в нерешительности, постоянных сомнениях, в боязни нового, затруднениях при завершении работы, в навязчивых состояниях, особых расстройствах речи и т.д. Предрасположенность к инертности наследуется по доминантному типу. Гетерозиготные носители генов, приводящие к патологии психики, нередко отличаются отрицательными эмоциями, направленными на других людей (раздражительность, склонность к конфликтам, немотивированная злобность и т.д.) [16].

По В.П. Самохвалову понимание болезни осуществляется в двух хронологических планах – онтогенеза болезни, представленного клиническими симптомами, и историогенеза когнитивных функций, представленного семиотикой архаико-культуральных феноменов [17].

В.П. Самохвалов реконструирует фило-, онто- и историогенез психопатологического знака. Предполагается, что невербальное и вербальное поведение, а также сфера материальной культуры могут быть взаимотранслированы подобно сферам различных языков, имеющих общее происхождение [18]. Так, например, продуктивные расстройства мышления (бредовые синдромы), основной симптомокомплекс параноидной шизофрении, обнаруживают, по мнению автора, аналогии в мифологических знаковых системах и других феноменах архаической культуры. В книге «Мифы и гены» впервые указано на фольклорно-мифологические корреляты с генетическими маркерами, на миграцию носителей определенных гаплотипов и появление новых для данной территории мифологических мотивов [19].

Для понимания коэволюционного процесса необходимо широкое психолого-экологическое мышление. Его сущность воплощена в нейрофеноменологическом аутопоэтическом подходе. Сутью такого подхода является выявление «истории рекуррентных взаимодействий двух (или более) систем, ведущей к структурной согласованности» [20]. В результате возникает структурное сопряжение в динамике координации и коэволюции.

В генетике экологический подход воплотился в эпигенетической концепции. В проблеме ППС генетики усматривают нарушение эпигенетической регуляции генов, которое может определять развитие комплексных (мультифакториальных) заболеваний [21].

Системно-генетическая концепция, с одной стороны, стремится войти в ряд гипотетических объяснений возникновения ППС, с другой – отойти от ортодоксальной геноцентрической позиции, которая объясняет полиморфизм вариацией замен в контролирующих генах, где главными механизмами изменчивости в генах признаются исключительно мутации и рекомбинации.

Основателем и идеологом авторитетной новосибирской школы математической биологии и генетики В.А. Ратнером последовательно разрабатывалась оригинальная концепция эволюции генетических систем управления. Он указал на парадокс «невероятности» прогрессивной биоэволюции и его решение путем отказа от идеи случайности и перехода к комбинаторному принципу изменчивости и модульной организации. Это

созвучно принципам ОТС-У (ОТС Урманцева) и, в частности, принципу композиции систем. В.А. Ратнер указывает на случайность феномена в развитии идеи Жакоба Моно «тинкеринга» (используй все, что попадаетея под руку).

В.А. Ратнер утверждает, что в любых сложных (добавим, нелинейных) динамических системах всегда существуют лимитирующие звенья, параметры функционирования которых непосредственно сказываются на выходных параметрах системы [22]. В генетике олигогенных систем такие звенья связывают с управляющими генами, или, согласно Э. Гинзбургу, с так называемыми «майор»-генами. В эпигенетике вместо относительно жесткого конструкта «ген» оперируют понятием «наследственное состояние», что сближает его с «широким» информационным понятием гена в психогенетике. В нелинейно динамических системах эти звенья называют управляющими элементами. Важное замечание: эволюционно оцениваются только лимитирующие звенья и то, что в результате мутаций эти гены (состояния) могут утратить эффект лимитирования [22]. То есть в эволюционном спектре могут появляться разные гармоника.

В ОТС-У спектр преобразований системы подчиняется определенным организационным закономерностям, суть которых сводится к изменению своего состояния (спектра реализаций) по определенным правилам.

Козволюционная система может быть адекватно проиллюстрирована исходя из следующих оснований:

1. Эволюция психики (сознания) связана с развитием и появлением новых эпигенетических систем управления информационными потоками.

2. Эволюция сознания как культурного феномена прослеживается в эволюции артефактов, в том числе и продуктов художественно-литературного жанра.

3. «Художник» чаще описывает собственные душевные и духовные феномены, в том числе и психопатологические.

4. Параллельно развивающаяся психология и психиатрия формируют и используют собственные понятийные аппараты (аппараты познания), улавливают психологические особенности в литературных персонажах и сравнивают эти особенности с собственными конструктами.

Психология сознания есть прежде всего психология смысла, но смысл не есть информационная система. Видимо, смыслы составляют некое новое качество, присущее исключительно антропным системам. Семиотическая система, называемая «художественная литература (от слова написанное)», работает именно со смысловой сферой сознания, поэтому история литературы может дать образцы для сверки двух эволюционных ветвей – генетической и семиотической. Еще в произведении Гёте «Страдания юного Вертера» было обращено внимание на некоторые особые состояния молодых людей, которые затем обозначились в словесно-символических формах (ностальгия, меланхолия, депрессия). Эти состояния проявлялись у многих молодых людей, и результат их развития был описан в художественной литературе. Последовавшая эпидемия суицидов

резонировала с предельными истероформными психическими состояниями, требовавшими разрядки.

Эпигенетические системы являются активными инструментами познания и сопряжения со средой, эволюционирующими согласно внутренним механизмам и системным преобразованиям по принципам ОТС-У. Формально они описываются эпигенетическими моделями фенотипа. В модели учитываются возникшие генетические системы антропного типа, фиксирующие развитие психологических систем.

Одним из загадочных механизмов психики, ведущих к развитию ППС, является феномен дефрагментации. Рассмотрим этот феномен с генетико-семиотической позиции эволюционирующего субъекта.

Э. Джонс пришел к выводу, что у человека существует «врожденная склонность к страху», которую он обозначил как «инстинкт страха» (термин «врожденный» означает полученный при рождении, «наследственный» – генетически обусловленный). М. Кляйн формулирует гипотезу: «присутствующий в Я изначально первичный страх как боязнь уничтожения существует вместе со специфической реакцией Я распасться на кусочки или расщепляться» [23]. Этот механизм имеет важное значение во всех шизофренических процессах. У человека существуют защита от «фрагментации»

Страх, несомненно, древний и поэтому в высокой степени генетически детерминированный признак. Трансформация страха в системных преобразованиях проходила в соответствии с развитием генетических систем. Страх есть стрессирующий фактор, а стресс, согласно работам Д.К. Беляева по доместикации, является фактором изменения генетических систем и связан с экспрессией генов и синтезом новых белков и пептидов. При этом повышается наследственная изменчивость и дестабилизируются системы онтогенеза. Фенотипически страх трансформируется в некие промежуточные состояния и в ряде случаев приобретает другие названия-обозначения. В соответствии с ОТС-У реализуется зеркально-переносный механизм преобразования системных свойств объектов (далее в скобках мы даем название системного преобразования в рамках ОТС-У). Страх, трансформируясь, побуждает раннее Я создавать механизмы защиты. Психологические защиты представлены семиоформами, отражающими процесс «перехода» по системному принципу в перестановках по многомерной системе координат признаков негативного-позитивного свойства, образуя семиотически детерминированное фазовое пространство.

Приведем в подтверждение такого рода преобразования слова М. Кляйн: «При галлюцинаторном удовлетворении происходят два независимых друг от друга процесса:

- 1) всемогущее порождение идеального объекта и идеальной ситуации;
- 2) столь же всемогущее отрицание злого преследующего объекта и болезненной ситуации. Эти процессы базируются на расщеплениях объектов и сферы Я».

Итак, «дефрагментация» определяется механизмом фиксации системных преобразований в операциях переносно-зеркальных переходов основного свойства.

В статье «Notes and Fragments» (1949) Ш. Ференци, совершивший «коперниковскую революцию» в психоанализе, утверждал, что очень вероятно, что любое живое существо реагирует на неприятные раздражители посредством фрагментации [24]. Чрезмерные страхи преследования и шизоидные механизмы в раннем детстве могут оказывать, по Ш. Ференци, разрушающее влияние на начальные стадии интеллектуального развития. Процессы расщепления в сфере Я ведут к восприятию того, что сфера Я фрагментирована на части. Расщепление есть естественный механизм динамики любой системы. Он соответствует LS-типу процесса самоорганизации. В синергетике LS-типу соответствует динамический процесс, «растекающийся» по диапазону возможных состояний. В ОТС-У этому соответствует зеркально-переносный процесс по определенным диапазонам вариации признака. Это можно условно приравнять к развитию состояния дезинтеграции.

Так, определённые виды интеллектуальной неполноценности относятся к спектру негативных симптомов шизофрении. Однако они могут получить и другие патологические знаки, определяющие их как олигофренические симптомы и состояния. Напомним, что исторически по Крепелину шизофренические состояния первоначально имели название «*dementia praecox*» (юношеская или ранняя деменция). Аппарат познания исследователя в тот исторический период еще не обладал качествами полиморфизации и использовал изоморфные, уже имеющиеся обозначения. В структуре психики исторически «зрели» системы неопределенного характера, чтобы явить себя во всем многообразии неясной, диффузной симптоматики. Эти проявления отразились в понятии «множественная психотическая организация личности».

Заключение

Отметим, что коэволюционный процесс сопряжения обозначений психических состояний и фенотипических феноменов аналогичен «известному» биологическому феномену «хищник – жертва». Квазистабильные состояния, структурируясь, «ищут» соответствующие знаковые формы, и наоборот, спонтанно, словотворчески появляющиеся в сознании символы «обнаруживают» психические феномены. Художественная литература зафиксировала десятки (36 – в мировой литературе, по Жоржу Польти) сюжетов, на которых строится история человеческих отношений. Это параллельная эволюционной психологии феноменология более близка сущности человека. Ее раннее и естественное происхождение в донаучную эпоху позднее дополнилось науками о человеке. Развитие информационных наук, к которым, несомненно, можно отнести и генетику, сблизило эти две формы познания. Конечно, это в первую очередь, понимают системно мысля-

щие ученые. Сближение эволюционных линий соответствует новому типу исследователя (STEM-специалиста), нередукционистски воплощает идеи конвергенции, а также отражает приближение к идеалу гармоничного образования. Но самое главное – это поиск и понимание эволюционных линий развития человека. Выдающийся математик и мыслитель Н.Н. Моисеев определил причину развития коллективного и индивидуального коммуницирующего интеллекта в уровне его сложности. Сложность является источником бифуркации и коренной перестройки, в отличие от случайного внешнего фактора. Это существенно отличает антропные системы от физико-химических. Бифуркация определяет системные свойства эволюционирующего сознания, в том числе и его новые неапробированные свойства, которые могут рассматриваться как патологические.

Литература

1. Самохвалов В.П., Егоров В.И. Психическая патология как фактор эволюции человека // Acta Psychiatrica, Psychologica, Psychoterapeutica et Ethologica Tavrca. 1995. Vol. 2, № 3. P. 76–103.
2. Берталанфи Л. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем: сборник переводов. М. : Прогресс, 1969. С. 23–82.
3. Лекторский В.А., Садовский В.Н. О принципах исследования систем // Вопросы философии. 1960. № 8. С. 67–79.
4. Петренко В.Ф. Супрун А. П. Целеустремленные системы, эволюция и субъектный аспект системологии // Общая теория систем. URL: http://www.isa.ru/proceedings/images/documents/2012-62-1/isa_62-1_3-25.pdf
5. Дорфман Л.Я. Концепция метаиндивидуального мира: современное состояние. URL: <http://www.vash-psiholog.info/psihologiya/17511-koncepciya-metaindividualnogo-mira>
6. Уёмов А.И. Л. фон Берталанфи и параметрическая общая теория систем // Системный подход в современной науке. М. : Прогресс-Традиция, 2004. С. 37–52.
7. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М. : Мысль, 1974. 487 с.
8. Зиновьев А.А. Логическая социология. М. : Социум, 2002. 260 с.
9. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М. : Политиздат, 1991. 527 с.
10. Седов А.Е. Метафоры в генетике. URL: <http://www.metodolog.ru/00002/00002.html>
11. Галажинский Э.В., Ключко В.Е. Категория «отношение» в психологии в свете парадигмальной динамики науки // Мир психологии. 2011. Т. 68, № 4. С. 14–31.
12. Буданов В.Г. Ритмокаскады истории и прогноз развития социально-психологических архетипов России до 2050 года // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика / отв. ред. О.Н. Астафьева, В.Г. Буданов, В.В. Василькова. М. : Прогресс-Традиция, 2009. С. 234–264.
13. Система. Симметрия. Гармония / под ред. В.С. Тюхтина, Ю.А. Урманцева. М. : Мысль, 1988. 315 с.
14. Крушинский Л.В. Эволюционно-генетические аспекты поведения. М. : Наука, 1991. 256 с.
15. Крушинский Л.В. Эволюционно-генетические проблемы поведения животных и человека // Журнал невропатологии и психиатрии. 1982. № 3. С. 18–22.
16. Давиденков С.Н. Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. Л. : Ин-т усоверш. врачей, 1947. 382 с.
17. Семиотика. Эволюционная парадигма шизофрении Самохвалова. URL: <http://dom-medika.com/psixiatria/21.html>

18. Эволюционные формы кататонической шизофрении. Кататоническая моторика. URL: <http://dommedika.com/psixiatria/22.html>
19. Коротаев А.В., Халтурина Д.А. Мифы и гены: Глубокая историческая реконструкция. М. : ЛИБРОКОМ, 2011. 184 с.
20. Витакер Р. Обзор основных понятий теории автопоэзиса. URL: <http://www.rinotel.ru/autopoiesis/obzor-osnovnyh-ponatiy-teorii-avtopoezisa.html>
21. Назаренко С.А. Эпигенетическая регуляция активности генов и ее эволюция. URL: <http://macroevolution.narod.ru/nazarenko2002.htm>
22. Ратнер В.А. О проблеме кажущейся «невероятности» прогрессивной эволюции путем случайного перебора вариантов и о решении этой проблемы на молекулярном уровне // Современные проблемы теории эволюции / под ред. Л.П. Татаринова. М. : Наука, 1993. 126 с.
23. Кляйн М., Айзекс С., Райверс Дж., Хайманн П. Развитие в психоанализе. URL: http://www.psychol-ok.ru/lib/klein/rvp/rvp_09.html
24. Howell E.F. Ferenczi's Concept of Identification with The Aggressor: Understanding Dissociative Structure with Interacting Victim and Abuser Self-States // The American Journal of Psychoanalysis. March 2014. Vol. 74, is. 1. P. 48–59.

Поступила в редакцию 31.01.2017 г.; повторно 17.02.2017 г.; принята 06.03.2017 г.

Сведения об авторах:

Языков Константин Геннадьевич, с.н.с., профессор кафедры клинической психологии и психотерапии СибГМУ (Томск, Россия). E-mail: yazk@mail.ru

Абушаева Магипервас Энверовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Института социально-гуманитарных технологий ТПУ (Томск, Россия). E-mail: marga56@mail.ru

GENETIC-SEMIOTIC ASPECTS OF DESCRIPTIONS OF PSYCHOPATHOLOGICAL STATES

Siberian journal of psychology, 2017, 64, 134–148. DOI: 10.17223/17267080/64/9

Yazykov Konstantin G., Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yazk@mail.ru

Abushaeva Magipervas E., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: marga56@mail.ru

Key words: evolution; psychopathological phenomena; genetic-semiotic systems; phenomenon of defragmentation.

The paper analyzes genetic and semiotic properties of specific psychic adaption variants embodied in psychohistorical fragments of development. Evolutionary strategies include adaptive phenotypic variants which are considered to be pathological. In the development of theoretical approaches a number of statements may complement the concept. The first statement is that the divergence of the psychopathological states (PPS) is caused by the emergence of new programs and by the development of the existing genetic ones. Secondly, nosological typology is considered as the result of consistent development of semiotic structures, following the development of understanding of the emerging structures of consciousness. The semiotic and genetic approach to psychopathological phenomena (PPPh) typology in psychiatry and clinical psychology is considered to be natural. The consideration of the PPPh as genetic semiotic structures considers their co-evolutionary dynamics.

From cultural and genetic co-evolutionary PPPh positions, it is assumed that each historical period is characterized by a variety of PPS, and each ethnic group, as a cultural and natural phenomenon, by its own pathology in linguistic form. We suppose that co-evolution is a dynamic coupling of ecological and genetic systems in their ambiguous isomorphic displays. System-based changes are carried out in the framework of Urmantsev's general theory of

systems where a full range of functions is the structure of qualitative and quantitative symmetry transition.

Psychopathological states (PPS) have an evolutionary and genetically determined character. This is indicated by constantly reproducing PP stable states which have historical roots. The evolutionary view in psychopathology involves the formation of pathological conditions as evolutionary and dynamic formations and participation of paleopsychopathologic universal complexes in them.

Such an approach aims to identify the history of recurrent interactions of two or more systems, leading to a structural coherence. The result is a structural coupling in coordination dynamics and co-evolution. Geneticists perceive PPS as a “violation of epigenetic regulation of genes that can determine the development of complex (multifactorial) diseases”. Epigenetic systems are active means of cognition and relation with the environment, evolving according to the internal mechanisms and systemic changes in accordance with Urmantsev’s general theory of systems.

One of the leading PPPh “defragmentation” is considered from the point of semiotic-genetic and evolving system object. “Defragmentation” corresponds to the mechanism of fixation of systemic change in the operations of transference-mirror transitions basic properties.

This approach can be addressed as a broad ecological perspective on mental cognition of psychic objects in a cultural semiotic form which is manifested in the co-evolutional disclosure of potential genetic systems in adaptive socio-cultural forms.

References

1. Samokhvalov, V.P. & Egorov, V.I. (1995) Psikhicheskaya patologiya kak faktor evolyutsii cheloveka [Mental pathology as a factor in human evolution]. *Acta Psychiatrica, Psychologica, Psychoterapeutica et Ethologica Tavrica*. 2(3). pp. 76–103.
2. Bertalanffy, L. (1969) Obshchaya teoriya sistem – kriticheskiy obzor [The general theory of systems - a critical review]. In: Sadovskiy, V.N. & Yudin, E.G. (eds) *Issledovaniya po obshchey teorii sistem* [Investigations on the general theory of systems]. Moscow: Progress, 1969. S. 23–82.
3. Lektorsky, V.A. & Sadovsky, V.N. (1960) O printsipakh issledovaniya sistem [On the principles of system research]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 67–79.
4. Petrenko, V.F. & Suprun, A.P. (2012) *Tselestremennyye sistemy, evolyutsiya i sub"ektnyy aspekt sistemologii* [Goal-oriented systems, evolution and subjective aspect of systemology]. [Online] Available from: http://www.isa.ru/proceedings/images/documents/2012-62-1/isa_62-1_3-25.pdf.
5. Dorfman, L.Ya. (n.d.) *Kontseptsiya metaindividual'nogo mira: sovremennoe sostoyanie* [The concept of metaindividual world: the current state]. [Online] Available from: <http://www.vash-psiolog.info/psihologiya/17511-koncepciya-metaindividualnogo-mira>.
6. Uemov, A.I. (2004) L. fon Bertalanfi i parametricheskaya obshchaya teoriya sistem [L. von Bertalanffy and the parametric general theory of systems]. In: Liseev, I.K. (ed.) *Sistemnyy podkhod v sovremennoy nauke* [A systems approach in modern science]. Moscow: Progress-Traditsiya. pp. 37–52.
7. Porshnev, B.F. (1974) *O nachale chelovecheskoy istorii (Problemy paleopsikhologii)* [On the beginning of human history (Problems of paleopsychology)]. Moscow: Mysl'.
8. Zinov'ev, A.A. (2002) *Logicheskaya sotsiologiya* [Logical sociology]. Moscow: Sotsium.
9. Jaspers, K. (1991) *Smysl i naznachenie istorii* [The meaning and purpose of history]. Translated from German. Moscow: Politizdat.
10. Sedov, A.E. (n.d.) *Metafori v genetike* [Metaphors in genetics]. [Online] Available from: <http://www.metodolog.ru/00002/00002.html>.

11. Galazhinsky, E.V. & Klochko, V.E. (2011) Kategoriya "otnoshenie" v psikhologii v svete paradigmal'noy dinamiki nauki [Category "attitude" in psychology in terms of paradigmal dynamics of science]. *Mir psikhologii*. 68(4). pp. 14–31.
12. Budanov, V.G. (2009) Ritmokaskady istorii i prognoz razvitiya sotsial'no-psikhologicheskikh arkhетipov Rossii do 2050 goda [Ritmocascades of history and the forecast of the development of socio-psychological archetypes of Russia until 2050]. In: Astafieva, O.N., Budanov, V.G. & Vasilkova, V.V. (eds) *Sinergeticheskaya paradigma. Sotsial'naya sinergetika* [Synergetic paradigm. Social synergetics]. Moscow: Progress-Traditsiya. pp. 234–264.
13. Tyukhtin, V.S. & Urmantsev, Yu.A. (eds) (1988) *Sistema. Simmetriya. Garmoniya* [System. Symmetry. Harmony]. Moscow: Mysl'.
14. Krushinskiy, L.V. (1991) *Evolutsionno-geneticheskie aspekty povedeniya* [Evolutionary-genetic aspects of behavior]. Moscow: Nauka.
15. Krushinskiy, L.V. (1982) Evolyutsionno-geneticheskie problemy povedeniya zhivotnykh i cheloveka [Evolutionary-genetic problems of animal and human behaviour]. *Zhurnal nevropatologii i psikiatrii – S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*. 3. pp. 18–22.
16. Davidenkov, S.N. (1947) *Evolutsionno-geneticheskie problemy v nevropatologii* [Evolutionary-genetic problems in neuropathology]. Leningrad: Institute for Advanced Studies of Physicians.
17. Dommedika.com. (n.d.) *Semiotika. Evolyutsionnaya paradigma shizofrenii Samokhvalova* [Semiotics. Samokhvalov's evolutionary paradigm of schizophrenia]. [Online] Available from: <http://dom-medika.com/psixiatria/21.html>.
18. Dommedika.com. (n.d.) *Evolutsionnye formy katatonicheskoy shizofrenii. Katatonicheskaya motorika* [Evolutionary forms of catatonic schizophrenia. Catatonic motor skills]. [Online] Available from: <http://dommedika.com/psixiatria/22.html>.
19. Korotaev, A.V. & Khalturina, D.A. (2011) *Mify i geny: Glubokaya istoricheskaya rekonstruktsiya* [Myths and genes: Deep historical reconstruction]. Moscow: LIBROKOM.
20. Witaker, R. (n.d.) *Obzor osnovnykh ponyatiy teorii avtopoezisa* [Review of the basic concepts of the theory of autopoiesis]. [Online] Available from: <http://www.rinotel.ru/autopoiesis/obzor-osnovnykh-ponatiy-teorii-avtopoezisa.html>.
21. Nazarenko, S.A. (2002) *Epigeneticheskaya regulyatsiya aktivnosti genov i ee evolyutsiya* [Epigenetic regulation of gene activity and its evolution]. [Online] Available from: <http://macroevolution.narod.ru/nazarenko2002.htm>.
22. Ratner, V.A. (1993) O probleme kazhushcheysya "neveroyatnosti" progressivnoy evolyutsii putem sluchaynogo perebora variantov i o reshenii etoy problemy na molekulyarnom urovne [On the problem of the seeming "improbability" of progressive evolution by randomly enumerating options and on solving this problem at the molecular level]. In: Tatarinov, L.P. (ed.) *Sovremennye problemy teorii evolyutsii* [Modern problems of the evolution theory]. Moscow: Nauka.
23. Klein, M., Isaacs, S., Raiveri, J. & Heimann, P. (n.d.) *Razvitie v psikhoanalize* [Development in Psychoanalysis]. [Online] Available from: http://www.psychol-ok.ru/lib/klein/rvp/rvp_09.html.
24. Howell, E.F. (2014) Ferenczi's Concept of Identification with The Aggressor: Understanding Dissociative Structure with Interacting Victim and Abuser Self-States. *American Journal of Psychoanalysis*. 74(1). pp. 48–59. DOI: 10.1057/ajp.2013.40

Received 31.01.2017;

Revised 17.02.2017;

Accepted 06.2017

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072

DOI: 10.17223/17267080/64/10

Д.Н. Гриненко¹, И.С. Морозова²

¹ Кемеровский областной колледж культуры и искусств (Кемерово, Россия)

² Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

Становление саморегуляции и когнитивно-стилевой организации личности в условиях психолого-образовательного сопровождения

Рассматривается влияние комплекса факторов на развитие и интеграцию саморегуляции, креативности и параметров когнитивно-стилевой организации (дифференциальность – интегральность и полезависимость – полнезависимость). Проанализированы возможности и особенности психолого-образовательного сопровождения становления саморегуляции личности студента в условиях организации среднего профессионального образования. Выявлены особенности изменений личности, зависящие от преобладания параметра когнитивно-стилевой организации.

Ключевые слова: личность; саморегуляция; параметры когнитивных стилей; креативность; студент; психолого-образовательное сопровождение.

Введение

В ситуации изменения потребностей образовательной среды и требований, предъявляемых к уровню подготовки специалиста (профессиональной и личностной готовности к трудовой деятельности), значимую роль приобретает сопроводительная деятельность в условиях образовательной организации. Система сопроводительных действий может быть представлена различными вариантами, один из которых – психолого-образовательное сопровождение. Согласно определению О.М. Краснорядцевой, данная форма сопровождения представляет собой «создание специальных условий, при которых молодые люди обретают (или расширяют) опыт превращения своего личностного потенциала и возможностей социальной среды в ресурсы собственного образования» [1. С. 165]. Психолого-образовательное сопровождение больше, чем другие формы, позволяет минимизировать воздействие сопровождающей стороны (педагогов и психолога) и способствует самостоятельному приобретению и преломлению опыта обучающимися. Согласно концепции В.Е. Ключко и Э.В. Галажинского в психолого-образовательном сопровождении могут быть использованы четыре типа технологий: формирования субъекта профессиональной

деятельности, управления профессиональным развитием и саморазвитием, компетентностные технологии и общегуманистические, ориентированные на образовательную среду в целом [2. С. 212].

Психолого-образовательное сопровождение в организациях среднего профессионального образования имеет ряд особенностей, обусловленных преобладанием практико-ориентированных форм обучения. Кроме того, существенное влияние оказывает профиль подготовки: гуманитарный, технический, творческий, медицинский и т.д. Практико-ориентированная форма организации образовательного процесса позволяет обучающимся осознать себя как представителя профессии, практически определить свой уровень знаний и умений, а также возможности развития в выбранной профессии. Студенты, сформировавшие выборку нашего исследования, обучаются профессиям творческого (сценического) профиля.

Психолого-образовательное сопровождение позволяет работать как в целом, так и с отдельными характеристиками личности. В данном случае мы рассматриваем такие характеристики, как самоорганизация и когнитивно-стилевая организация. В отечественной литературе (О.А. Конопкин, В.И. Моросанова, А.К. Осницкий, Г.С. Прыгин и др.) под самоорганизацией понимается способность человека выдвигать цели, планировать и моделировать пути достижения желаемого результата с учетом внешних условий и необходимости изменений в соответствии с ними [3. С. 37]. В зарубежной же литературе самоорганизация рассматривается как адаптивная характеристика, позволяющая человеку определять и корректировать свое поведение в соответствии с личными потребностями и социальными стандартами (Roy F. Baumeister, Matthew Gailliot, C. Nathan DeWall, and Megan Oaten, P. Karoly) [4. С. 1774].

Когнитивно-стилевая организация, в свою очередь, отражает особенности оперирования информацией на уровне восприятия, переработки и передачи данных [5. С. 38]. Данная исследовательская проблема долгое время изучалась как в отечественной, так и в зарубежной литературе (Г. Уиткин, Д. Гуденаф, Р. Гарднер, Дж. Каган и Д. Клейн. Р. Гарднер, И.П. Шкуратова, Е.В. Беловол, М.А. Холодная и др.). Проведенные исследования позволяют говорить о наличии ряда полярных параметров когнитивных стилей, которые в той или иной мере преобладают у конкретного человека, определяя особенности его оперирования информацией [6. С. 81].

Материалы и методы исследования

Образовательный процесс в данном случае направлен на формирование четырех групп общих и профессиональных компетенций (в художественно-творческой, педагогической и организационно-управленческой деятельности). Формирование данных групп компетенций осуществляется как в рамках учебных дисциплин, так и в условиях работы творческих коллективов.

Эмпирическое исследование было проведено в два этапа, что позволило выявить динамику изменений в параметрах изучаемых характери-

стик, а также взаимосвязи, отражающиеся в этих изменениях. В качестве испытуемых в исследовании принимали участие студенты ГПОУ «Кемеровский областной колледж культуры и искусств» ($n = 100$). Нами рассматривались такие характеристики, как саморегуляция, креативность и параметры когнитивных стилей (дифференциальность – интегральность, полезависимость – полнезависимость). Обозначенные характеристики отражают особенности восприятия и переработки информации (когнитивный стиль) и умение всесторонне организовывать свою деятельность, планировать ее и действовать в соответствии с собственными целями (саморегуляция). Эти характеристики отражают личностные особенности и готовность решать профессиональные проблемы в целом. Креативность же в данном исследовании рассматривается как профессионально важное качество, от которого зависит самореализация студента в выбранной сфере деятельности.

Результаты исследования

Результаты, полученные в ходе эмпирического исследования, были обработаны с помощью методов математической статистики: t-критерия Стьюдента для зависимых выборок, многофакторного дисперсионного и множественного регрессионного анализов. Можно сказать, что произошли изменения в показателях компонентов креативности и саморегуляции. Они направлены как в сторону снижения, так и в сторону увеличения (таблица).

Изменения в средних значениях компонентов креативности и саморегуляции

Показатель	Средние (первый замер)	Средние (второй замер)	Р
Творческое мышление	71,36	65,91	0,04
Воображение	48,64	63,64	0,000011
Эмоциональность (эмпатия)	75,00	80,91	0,015
Гибкость	7,09	7,72	0,01

Произошедшие изменения могут быть обусловлены наличием двух групп факторов – условий образовательной среды и воздействия в рамках программы психолого-образовательного сопровождения. Под условиями образовательной среды мы подразумеваем особенности организации учебного процесса (наличие семестрового задания, сроки его выполнения, содержание и ведение учебных дисциплин и пр.) и внеучебной деятельности (помощь выпускному курсу в подготовке номеров, участие в творческих коллективах) [7. С. 74]. Программа психолого-образовательного сопровождения, в свою очередь, включает элементы психологического просвещения, ряд упражнений и техник на тренировку отдельных свойств, а также личностное консультирование.

На наш взгляд, снижение показателей творческого мышления может быть обусловлено возросшей учебной нагрузкой и сокращением временно-го ресурса, выделяемого для выполнения семестрового задания. В использованной нами диагностической методике творческое мышление во многом определяется степенью осознанности данного процесса, на что сопроводительная деятельность ориентирована в меньшей степени.

Произошло увеличение показателей по таким компонентам креативности, как воображение и эмоциональность. Одним из основных показателей воображения является степень детализации нового образа. В данном случае упомянутые выше условия образовательной деятельности привели к обратному эффекту, так как необходимо было создать новый (требующий минимум замечаний / поправок) продукт за короткое время. В рамках организованного психолого-образовательного сопровождения было использовано несколько техник, способствующих развитию детализации продуцируемого образа.

Рост показателей уровня эмоциональности (эмпатии) может быть обусловлен включением в сопроводительную деятельность большого количества информации лично-значимого характера и ориентацией на выявление эмоциональных компонентов в ней. Увеличение показателей по данному компоненту связано с возросшей потребностью испытуемых работать группой и, соответственно, более внимательно относиться к эмоциональному состоянию окружающих.

Такой компонент саморегуляции, как гибкость, подразумевает способность испытуемых изменять не только поведение и способы организации деятельности, но и корректировать свою точку зрения при появлении новой информации. В психолого-образовательном сопровождении нами использовался ряд техник, предполагающих анализ проблемных ситуаций, в которых нет единственно верного решения. Кроме того, решение может измениться после внесения новой информации. На наш взгляд, именно это способствовало развитию гибкости [8. С. 5].

Статистически значимые изменения по остальным компонентам креативности и саморегуляции отсутствуют. Можно предположить, что по показателям креативности это обусловлено субъективно низкой ролью данных компонентов в деятельности испытуемых на период психолого-образовательного сопровождения. Так, любознательность, интуиция, чувство юмора и творческое отношение к профессии играют важную роль в креативности в целом, но не оказывают существенного влияния на результат деятельности при подготовке к экзаменационному показу. Показатели оригинальности находятся в рамках средних значений. Таким образом, испытуемые способны продуцировать оригинальные идеи, но повышение их качества и количества на данном этапе не воспринимается как необходимое.

Анализ результатов, полученных при обработке данных с помощью многофакторного дисперсионного анализа, показал наличие взаимосвязи между интенсивностью изменений по некоторым компонентам креативно-

сти и саморегуляции и параметрами когнитивно-стилевой организации: творческое мышление, эмоциональность, любознательность, воображение, гибкость.

У испытуемых с преобладающими параметрами полнезависимости и дифференциальности произошли изменения в показателях гибкости поведения и деятельности (измерения производим с помощью опросника саморегуляции Моросановой). У испытуемых с интегральностью и полезависимостью изменения в данном показателе саморегуляции незначительные (рис. 1).

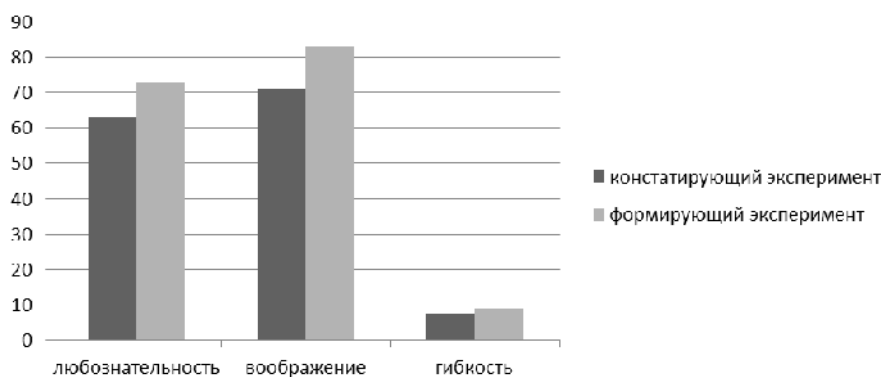

Рис. 1. Изменения в показателях компонентов креативности и саморегуляции во взаимосвязи с параметрами полнезависимости и дифференциальности

Снижение показателей творческого мышления также взаимосвязано с параметрами когнитивных стилей. Наиболее интенсивное снижение наблюдается у испытуемых с преобладающим параметром «дифференциальность». Мы предполагаем, что в условиях недостатка временного ресурса и необходимости подготовить материал в достаточно короткий срок испытуемые с данным параметром когнитивного стиля не имеют возможности в полной мере проанализировать имеющуюся информацию. Таким образом, они концентрируют свое внимание лишь на некоторых аспектах, что и отражается на снижении показателей творческого мышления.

Снижение средних значений по компоненту саморегуляции «оценка результатов» в большей степени обусловлено снижением индивидуальных показателей у испытуемых с преобладающим параметром «дифференциальность». У респондентов с параметром «интегральность» не произошло статистически значимых изменений в значениях оценки результата. Одной из причин этого может быть отсутствие возможности всесторонне проанализировать информацию и сделать на ее основе объективные выводы, так как испытуемые с параметром «дифференциальность» имеют трудности при целостной, без детализации, оценке ситуации и результата деятельности.

Респонденты с преобладающим параметром «интегральность» изначально (на этапе констатирующего эксперимента) имели высокие показате-

тели по шкале «эмоциональность». За время работы в рамках психолого-образовательного сопровождения у них не произошло статистически значимых изменений по данному компоненту креативности. Значимые изменения имеются у испытуемых с параметром «дифференциальность». Мы предполагаем, что это обусловлено тем, что данная группа в рамках сопроводительной деятельности работала с личностно значимой информацией или же путем анализа превращала информацию в личностно значимую.

Для выявления взаимосвязи между всеми рассматриваемыми нами компонентами и параметрами когнитивных стилей, а также определения возможности воздействия на отдельные компоненты для интеграции когнитивно-стилевой организации и саморегуляции полученные нами результаты были обработаны с помощью множественного регрессионного анализа. На момент констатирующего эксперимента уравнение регрессии имеет вид

$$Y = 204,8 + 0,38 \cdot X_1 + 0,98 \cdot X_2 - 0,596 \cdot X_3 + 0,68 \cdot X_4 - 0,33 \cdot X_5 + 1,51 \cdot X_6 - 3,33 \cdot X_7 + 0,97 \cdot X_8 - 101,69 \cdot X_9 - 7,19 \cdot X_{10} + 9,64 \cdot X_{11},$$

где X_1 – оригинальность; X_2 – воображение; X_3 – интуиция; X_4 – эмоциональность; X_5 – творческое отношение к профессии; X_6 – сила по возбуждению; X_7 – сила по торможению; X_8 – подвижность; X_9 – уравновешенность; X_{10} – программирование; X_{11} – параметр когнитивно-стилевой организации «полезависимость – полenezависимость».

Изменения, произошедшие по итогам психолого-образовательного сопровождения, отражены во втором уравнении регрессии:

$$Y = 305,19 + 2,49 \cdot X_1 - 3,87 \cdot X_2 - 145,75 \cdot X_3,$$

где X_1 – сила по возбуждению; X_2 – сила по торможению; X_3 – уравновешенность.

На основании полученных результатов мы можем предположить, что произошла интеграция параметров «полезависимость – полenezависимость», «дифференциальность – интегральность» и компонентов саморегуляции и креативности.

Обсуждение результатов

По итогам проведенного исследования можно сказать, что испытуемые с преобладанием параметров когнитивно-стилевой организации «дифференциальность» и «интегральность» имеют различные профили по саморегуляции и креативности. У испытуемых, для которых характерен параметр «интегральность», наблюдаются средние показатели творческого мышления и оценки результата и высокий уровень эмоциональности. При этом данная группа испытуемых характеризуется более устойчивыми значениями и меньшей восприимчивостью к сопровождающему воздействию и изменениям. Респонденты с преобладающим полюсом дифференциальности имеют схожие показатели по творческому мышлению, эмоциональ-

ности и оценке результатов, но в большей мере восприимчивы к сопроводительному воздействию и склонны к изменениям [9. С. 46]. Существуют также различия в профилях саморегуляции и креативности у испытуемых с преобладающими параметрами «полезависимость» или «полenezависимость». Полезависимые испытуемые характеризуются средними показателями по воображению, творческому мышлению и любознательности, избирательной гибкостью поведения и деятельности, высокой интуитивностью и эмоциональностью. Значения показателей в данной группе изменяются, если они предполагают ориентацию на внешние условия (повышение значений) или высокий уровень субъективной включенности (снижение показателей). Полenezависимые испытуемые имеют следующий профиль: средние значения по воображению, творческому мышлению, интуиции и эмоциональности, высокая гибкость поведения и деятельности, развитая любознательность. Тенденции изменений у данной категории испытуемых противоположны таковым полезависимых: повышение показателей наблюдается в ситуации субъективной включенности, а снижение – при необходимости ориентироваться на внешние условия [10. С. 101].

Выводы

Мы можем утверждать, что по окончании реализации программы психолого-образовательного сопровождения у испытуемых произошли изменения в показателях части компонентов саморегуляции и креативности и их взаимосвязи с параметрами когнитивных стилей. Изменения произошли по следующим компонентам: творческое мышление (снижение показателей), воображение, эмоциональность, гибкость (повышение показателей). В силу большей гибкости в отношении ситуации и воздействий изменения у испытуемых с параметрами «дифференциальность» и «полenezависимость» происходили статистически значимо чаще, чем у испытуемых с параметрами «интегральность» и «полезависимость». Результаты регрессионного анализа, в свою очередь, показывают увеличение интеграции данных параметров и компонентов саморегуляции и креативности, что позволит испытуемым оперировать информацией и действовать на ее основе в соответствии с конкретными внешними условиями и учетом собственных потребностей и возможностей, снижая количество ошибок и повышая результативность деятельности.

Литература

1. Краснорядцева О.М. Психолого-образовательное сопровождение подготовки специалиста // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305. С. 165–168.
2. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения. Томск : Томский государственный университет, 2009. 240 с.
3. Моросанова В.И. Индивидуальные особенности осознанной саморегуляции произвольной активности человека // Вестник Московского университета. 2010. № 1. С. 36–46.

4. Roy F. Baumeister, Matthew Gailliot, C. Nathan DeWall, Megan Oaten Self-Regulation and Personality: How Interventions Increase Regulatory Success, and How Depletion Moderates the Effects of Traits on Behavior // *Journal of Personality*. 2006. № 6. P. 1773–1802.
5. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб. : Питер, 2004. 384 с.
6. Нарциссова С.Ю. Феномен когнитивного стиля в психологии // *Наука и современность*. 2011. № 8. С. 77–83.
7. Деулин Д.В., Гришина А.А. Образовательная среда как психолого-педагогический феномен: сущность и подходы к определению // *Психология обучения*. 2016. № 3. С. 73–82.
8. Крылова Н.Н. Саморегуляция как ресурс самообразовательной деятельности студента // *Вестник Пензенского государственного университета*. 2013. № 1. С. 3–8.
9. Морозова И.С., Гольдшмидт Е.С. Детерминанты стилевой организации когнитивного поведения. Кемерово, 2009. 180 с.
10. Евтух Т.В., Турышева Н.Н. Взаимосвязь когнитивных стилей и личностных характеристик студентов // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2013. № 10-1. С. 100–101. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=4076> (дата обращения: 10.11.2016).

Поступила в редакцию 17.11.2016 г.; повторно 13.12.2016 г.; принята 24.04.2017 г.

Сведения об авторах:

Гриненко Дарья Николаевна, педагог-психолог Кемеровского областного колледжа культуры и искусств (Кемерово, Россия). E-mail: daria_grinenko@mail.ru.

Морозова Ирина Станиславовна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей психологии и психологии развития Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: ishmorozova@yandex.ru.

FORMATION OF SELF-REGULATION AND ORGANIZATION OF COGNITIVE STYLE IN TERMS OF PSYCHOLOGICAL AND EDUCATIONAL SUPPORT

Siberian journal of psychology, 2017, 64, 149–157. DOI: 10.17223/17267080/64/10

Grinenko Daria N., Kemerovo regional college of culture and arts. E-mail: daria_grinenko@mail.ru

Morozova Irina S., Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation) E-mail: ishmorozova@yandex.ru.

Key words: self-regulation; parameters of cognitive style; creativity; psychological and educational support.

The modern system of education and the requirements for graduates increase the importance of psychological support in terms of organization of secondary vocational education. One type of such work is a psycho-educational support in which a psychologist and teachers create conditions under which students could gain or reconsider their experience. The bases are the actions and decisions of the students themselves. Psychological and educational support in organizations of secondary vocational education has its own characteristics, due to the specifics of the preparation and organization of the educational process: the mastery of professional knowledge through general subjects at first years of training; practical forms of learning predominate over theoretical ones. Within the framework of our empirical research we identified indicators of self-regulation, creativity, parameters of cognitive style, and the dynamics of their changes and relations. The analysis of the results showed the presence of changes in terms of creativity (creative thinking, imagination, emotion) and self-regulation (flexibility). Reduction of creative thinking, determined by the level of awareness, is associat-

ed with the increased training load and the decreased amount of time to complete tasks. The same factors helped the imagination processes. The program of psychological and educational support also includes techniques enhancing imagination and emotionality. The requirement to act in a specified short period of time and rebuild someone's behavior favored psychological flexibility. There is a correlation between the parameters of cognitive styles and the mentioned characteristics. Among participants with prevailing parameters the field independence and differential changes occur significantly more often. Participants with the parameters of field dependence and integrity are less flexible and susceptible to external influences. In the course of psychological and educational support there was an integration of cognitive style parameters, self-regulation and creativity which would allow participants in the future to manage different information and its transmission more efficiently, and act on it.

References

1. Krasnoryadtseva, O.M. (2007) Psikhologo-obrazovatel'noe soprovozhdenie podgotovki spetsialista [Psychological and educational support of specialist training]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 305. pp. 165–168.
2. Klochko, V.E. & Galazhinsky, E.V. (2009) *Psikhologiya innovatsionnogo povedeniya* [Psychology of innovative behavior]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Morosanova, V.I. (2010) Individual'nye osobennosti osoznannoy samoregulyatsii proizvod'noy aktivnosti cheloveka [Individual features of conscious self-regulation of man's voluntary activity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta – Moscow University Herald*. 1. pp. 36–46.
4. Baumeister, R.F., Gailliot, M. DeWall, C.N. & Oaten, M. (2006) Self-Regulation and Personality: How Interventions Increase Regulatory Success, and How Depletion Moderates the Effects of Traits on Behavior. *Journal of Personality*. 6. pp. 1773–1802. DOI: 10.1111/j.1467-6494.2006.00428.x
5. Kholodnaya, M.A. (2004) *Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma* [Cognitive styles. About the nature of the individual mind]. St. Petersburg: Piter.
6. Nartsissova, S.Yu. (2011) Fenomen kognitivnogo stilya v psikhologii [The phenomenon of cognitive style in psychology]. *Nauka i sovremennost' – Science and Modernity*. 8. pp. 77–83.
7. Deulin, D.V. & Grishina, A.A. (2016) Obrazovatel'naya sreda kak psikhologo-pedagogicheskiy fenomen: sushchnost' i podkhody k opredeleniyu [Educational environment as a psychological-pedagogical phenomenon: the essence and approaches to the definition]. *Psikhologiya obucheniya – Psychology of Education*. 3. pp. 73–82.
8. Krylova, N.N. (2013) Samoregulyatsiya kak resurs samoobrazovatel'noy deyatel'nosti studenta [Self-regulation as a resource of the student's self-educational activity]. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Penza State University*. 1. pp. 3–8.
9. Morozova, I.S. & Goldshmidt, E.S. (2009) *Determinanty stilevoy organizatsii kognitivnogo povedeniya* [Determinants of the style organization of cognitive behaviour]. Kemerovo: Kemerovo State University.
10. Evtukh, T.V. & Turyshcheva, N.N. (2013) Vzaimosvyaz' kognitivnykh stiley i lichnostnykh kharakteristik studentov [Interrelation of cognitive styles and personal characteristics of students]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 10-1. pp. 100–101. [Online] Available from: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=4076>. (Accessed: 10th November 2016).

Received 17.11.2016;

Revised 13.12.2016;

Accepted 24.04.2017

Сердечно поздравляем ГЕНРИХА ВЛАДИСЛАВОВИЧА ЗАЛЕВСКОГО, члена-корреспондента РАО, главного редактора «Сибирского психологического журнала», с вручением Золотой медали РАО «За достижения в науке».

*Редакционная коллегия «Сибирского психологического журнала»
и коллектив факультета психологии
Томского государственного университета*